

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

4. 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8,
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных техно-
логий и массовых коммуника-
ций по Чеченской Республике
05 февраля 2014 г. Регистраци-
онное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»

**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ:

К 70-ЛЕТИЮ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА

Джамбулат САРДАЛОВ.

Личность Ахмат-Хаджи

как духовный и политический феномен. 2

ПРОЗА

Хавас АКБИЕВ.

Неоконченная повесть. Повесть. Продолжение. 10

Имран ИРИСХАНОВ.

Арбузные семечки. Рассказ. 58

Бэлла АРЖИКАНТОВА.

Безмянный. История одной лошади. Рассказ. 67

Хамсат АГАЕВА.

Рассказы. 92

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Борис ГУСАЛОВ.

Травинка-кровинка. Рассказ. 84

ПОЭЗИЯ

Ваха ДОКАЕВ.

Золотые мгновенья. Стихи. 27

Мохдан ЦУРАЕВ.

Ты просто верь и продолжай молиться! Стихи. 78

Марет ЭЛЬДИЕВА.

Я пришла помолчать... Стихи. 90

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ.

Денисолта. Комедия в 9 картинах,
с прологом и эпилогом. 35

ДЕБЮТ

Адам УМАРОВ.

Башлам. Стихи. 55

Зарета ДЖАМАЛДИНОВА.

О чем ты мыслишь в тишине. Стихи. 64

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Роза МЕЖИЕВА.

Волшебные маски поэта-мечтателя. 96

ПУБЛИЦИСТИКА

Мансур МАГОМАДОВ.

*Социальная и религиозно-философская
мысль Чечни в начале XX века. Продолжение.* 102

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Истанг как культурный код. 111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

К 70-летию Ахмат-Хаджи Кадырова

*Джамбулат САРДАЛОВ,
член Союза журналистов РФ*

**Личность Ахмат-Хаджи
как духовный и политический феномен***

Об этой личности невозможно сказать в столь кратком материале. Но обозначить ряд важных моментов следует, так как с ним связаны титанические изменения в жизни народов ЧР, произошедшие, без сомнений, в положительную сторону. Современная история чеченского народа неотъемлемо связана с Ахмат-Хаджи. В самый сложный период, когда республика была загнана в политический тупик прежними лидерами, он не только нашел выход, но и уверенно вывел людей к миру.

90-е годы прошлого века и по сей день вызывают противоречивые дискуссии в нашей среде. Это было время глубоких перемен и ломки старой системы. На политическую авансцену волей судьбы выходили яркие, порой самые противоречивые фигуры – те, кто и по сей день не канули в Лету, наоборот, – ставшие символами прошлого, будоражащие сознание в том числе и простых обывателей. То, что мы переживаем в наши дни, неразрывно и крепкой вервью связывает нас, и зачастую по рукам и ногам. Не давая идти дальше с ясным осознанием произошедшего в те годы, некоторые граждане впадают в очередной «мифологический лес», как бы я

* Из книги «Время глазами журналистов». Грозный. 2020 г.

его назвал. В своеобразное насаждение темных представлений, отрывочных сведений, на славу удобренное собственной фантазией. И чем ненавистнее таким нынешняя власть, тем сильнее у них ощущение собственной правоты. Такие личные обиды возвели в ранг личной войны против ненавистной им системы. Эти люди себя посчитали фрондой, направо и налево разбрасывая семена ненависти, вовсе не готовые нести историческую ответственность за собственные слова. Они, по сути, таран против всего общества, что еле-еле немного отходит от ужаса прошлого. Именно того ужаса, куда ввергли прежние правители, не по праву получившие бразды правления.

В начале июня 1991 года в Грозном проходит второй съезд чеченского народа, его потом переименуют в ОКЧН. Д. Дудаева назначают председателем исполкома ОКЧН. Из воспоминаний Д. Дудаева: «Когда я увидел, кому съезд вайнахского народа вверил свой суверенитет и свое будущее, даю слово чести, у меня по коже мурашки побежали. Уже на первом заседании исполкома у тех, кто организовывал этот съезд, началась драка из-за денег. Буквально из-за денег, собранных на прошедшем съезде. Никаких должностей мне в этой республике, в той среде, испорченной до беспредела, не нужно было. Я вообще не только боялся этой среды, откровенно говоря, я ею брезговал. Эта среда была далекой от моего интеллекта и моего уровня своей роскошью, чванством, закулисными играми. Эта среда была для меня дикой и далекой... Я посмотрел и содрогнулся от ужаса». Согласитесь, весьма красочно он описывает тогдашнее состояние тех, кто потом с помощью Б. Ельцина захватит власть в республике. Так начиналась «чеченская революция».

Взяв дважды власть в свои руки (1991 и 1996 годы), и то благодаря прямой и косвенной поддержке того же Кремля, они, подобно напившемуся водителю, понеслись по своей дороге к краху и национальной катастрофе. Не группа ли Ельцина летом-осенью 1991 года помогла Дудаеву захватить власть, свергнув Временный Высший Совет ЧИР? Не Москва ли в лице Березовского и Ко летом 1996 года подарила целую республику так называемым сепаратистам? И что дальше? Дважды дали им в руки власть, и что они сотворили с республикой?!

Расцвела преступность. Вчерашние борцы за свободу настолько обезумели от вседозволенности, что превратили республику в зиндан, в заложниках у которых оказался весь народ. Под лозунгами «очищения/укрепления» Ислама в республику хлынул поток «спасителей душ». Те же, которые не хотели участвовать в этой каше, просто отложили оружие и разошлись по домам. Их было мало, но чувство гордости и одновременно стыда за то, что происходит в республике, могло создать из них в конце концов яркую и действенную оппозицию всему тому хаосу, что происходил тогда. Именно они, будучи олицетворением настоящих людей, не посрамили чести, не запятнали себя ни чужой кровью, ни иными черными делами. А молодежь, изголодавшаяся по духовным ориентирам на фоне катастрофически падающего авторитета старших, значимости традиций и суфизма, ринулась осваивать азы «чистого Ислама». Попав в сеть «спасителей душ», движение было по одному направлению – война. «Наша конституция – Коран, наш путь – Джихад»

кричали тогда попавшие в лапы сектантов. Война не только против России, с которой подписали два фундаментальных договора (Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года и Мирный Договор от 12 мая 1997 года), но и против своих – тех, кто придерживается суфизма.

В обществе произошла атомизация по религиозному и тейповому признакам. Разрушение традиционных общественных отношений повлияло и на межличностные связи. Доходило до того, что на фоне радикализации рвались внутрисемейные отношения. Новоявленный мусульманин мог преспокойно обвинить в куфре отца, мать и пригрозить им смертью!

В 1994 году муфтий Ичкерии Алсабеков призывает к джихаду против России. В эфире ТВ он показывает, как нужно укрепить намерение, и если нет оружия под рукой, то сойдет и посох. Главное, чтобы человек «имел» то самое «намерение» – идти войной против неверных. Чуть позже, после объявления газавата Алсабекова и след простыл. Дезавуируя свои слова, он появляется в Москве. Из совместного заявления с патриархом Алексием муфтий Алсабеков явил миру новое решение: «Мы самым решительным образом отвергаем самую мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира. Использование святых для христиан и мусульман символов и понятий в целях разжигания вражды и провоцирования межрелигиозных столкновений есть грех и незаконие перед лицом Всевышнего».

Первая война была очень непопулярна в российском обществе. Поэтому рассчитывать на его поддержку Б. Ельцину не приходилось: падает его популярность среди простых граждан. И чтобы оживить «умерший рейтинг» перед грядущими выборами, он выводит войска и заключает мир. Но, как говорится, все это ради власти, все ради себя делалось.

Амбициозность двух политиков – Ельцина и Дудаева, не оставила шансов на мир, а значит, красивые фразы о мире были «для прессы». Ради спасения жизни ни один из политиков палец о палец не ударил: Ельцин хотел свой «блицкриг» на деньги европейцев, а Дудаев – свою войну. Каждый получил то, к чему стремился.

Привязывание религиозных мотивов к кровавым событиям было необходимым ходом для мобилизации населения против армии. Конечно, назвать первую войну всенародной нельзя. Но факт остается фактом – именно простые чеченские парни оказали достойное сопротивление одной из самых сильных и мощных армий в мире. Педалируя религиозными чувствами и рассказывая о всяких разных исторических несправедливостях прошлого, так называемые сепаратисты сумели сформировать на тот период силы сопротивления федеральным структурам.

На этом фоне в различных общественно-политических и религиозных событиях в жизни республики появляется фигура Ахмата Кадырова. Он был из семьи, где религия имела важное значение, и глубокие познания ее сути сделали из него персону, которая в скором времени внесет огромный вклад в духовную и политическую жизнь региона.

Именно на его плечи в тот период выпадает бремя религиозной ответственности: в марте 1995 года его попросили возглавить оставшийся без муфтия муфтият.

Ахмат-Хаджи активно участвовал в миротворческом процессе и находил поддержку среди части народа. Начавшаяся война выглядела как вероломный акт. Ничем нельзя было оправдать фильтрационные пункты, события в с. Самашки и т.д. Действия военных вызывали ненависть и желание мести. Блицкрига не получилось, а углубить то, что называли тогда «чеченским кризисом», смогли. Либеральная ельцинская власть удивительно сочетала в себе самые противоречивые свойства, что вылилось в то, что сами уничтожили шанс мирно решить проблему еще в декабре 1994 года. Соответственно, действия федеральных сил не могли не вызывать негативную реакцию. Тогда имелось определенное оправдание силам сопротивления.

С 1995 года в республику просачиваются и активно распространяются идеи ваххабизма. Вооруженные их группировки в первую войну особо не отметились ничем масштабным, разве что, например, разгромом тыловой колонны 245-го мотострелкового полка у с. Ярыш-Марды в апреле 1996 года. Военной необходимости не было в этом. Более того, 4 апреля того же года было подписано мирное соглашение между представителями местной власти Ярыш-Марды и федеральными войсками. Перечеркнув это соглашение, Хаттаб принялся наводить свои порядки, подставив мирное население села. Уже тогда назревала напряженность между традиционалистами (суфиями) и ваххабитами, с презрением относившихся к «мушрикам». На плечах тех самых «мушриков» и были вынесены все тяготы войны. Их именем и прикрываются нынешние безмозглые юнцы, летающие в облаках фантазий военных батальонов. Тогда готовый на переговоры Б. Ельцин резко изменил свое мнение с заявления: «Война завершена. Готов обсуждать с Дудаевым, как будем жить с Чечней» после известий о разгроме колонны – на: «Встречаться с Дудаевым не стану. Я с бандитами не разговариваю». Вот и вся политика ваххабитов...

Пик напряженности во взаимоотношениях с джамаатами приходится на 1998 год. 14 июля 1998 года в Гудермесе происходит настоящее сражение между сторонниками А. Масхадова и гудермесским джамаатом, поддерживаемым известными ваххабитами – Арби Бараевым и Абдул-Маликом Межидовым. План Зелимхана Яндарбиева (а это был его план), окончательно превратившегося в радикала, по захвату Гудермеса провалился. Но ваххабиты времени зря не теряли, собравшись с силами они нанесли главный удар в спину республики в августе 1999 года.

Лишь из-за того, что такой же чеченец является сторонником идеи независимости или последователем суфизма, он становится объектом негативной пропаганды так называемых «борцов за веру». Фактически, благодаря политике пришлых «спасителей душ», не только в стане сепаратистов, но и по всему обществу пошло деление на «правильных» и «заблудших». Идея национального государства подвергалась обструкции со стороны новоявленных мусульман, призывавших «освободить всех мусульман

Кавказа». Одним словом, «политика» радикально настроенных «братьев» уж больно походила на политику большевиков времен «красного террора»: кто не с нами, тот против нас.

Некоторые склонны называть процесс ликвидации национальных особенностей панисламским, исламистским. Нет, это предтеча ИГИЛ (запрещенная на территории РФ организация) и никакого отношения к истинному шариатскому строю не имеет, и об этом неоднократно заявлял Ахмат-Хаджи, предостерегая от ваххабизма и говоря о преждевременности введения шариатского правления.

Впервые на территории бывшего СССР в Чечне было проведено религиозное мероприятие, нацеленное на противодействие радикализации молодежи. Организатором его был муфтий ЧРИ Ахмат-Хаджи Кадыров. 25 июля 1998 года он проводит Конгресс мусульман Северного Кавказа. Его участники осудили ваххабизм. Не побоялись, несмотря на угрозы. Вообще, 1998 год был переломным. Открыто выступая против поспешности введения шариатского правления, Ахмат-Хаджи был противником распространения ваххабизма. Надо отдать должное: воспринимая в целом его личность, он был из числа сильных людей, не фанатик, не приспособленец, а трезво и живо воспринимающий события человек.

Подписаны были два важных договора: августовский 1996 года – Хасавюртовские соглашения, между прочим содержавший очень важный пункт – отложенный статус до 31 декабря 2001 года. Также, в мае 1997 года в Москве А. Масхадов и Б. Ельцин подписывают Мирный Договор. Последний документ предусматривал отказ от применения силы и социально-экономическое восстановление республики (очень интересно, как бы развивались события, если бы тогдашняя власть сумела бы пройти рубеж 2001 года?). Но власть Масхадова становилась все номинальней и карикатурней. Посему омерзительно, когда радикалы ходят с его портретами по Европе, называя его мусульманином, шахидом. Не им это говорить, мешавшим ему хоть что-то сделать полезное народу! Самим фактом подписания данных договоров А. Масхадов получил высокий политический статус, что при умелом управлении могло бы стать важным стабилизирующим элементом в диалоге с Москвой. Более того, подписание Мирного Договора утвердило, как потом уже выяснилось на бумаге, завершение провозглашенного ранее джихада.

Использование религиозных мотивов в призыве к войне во время правления А. Масхадова абсолютно не отвечало основам Ислама, принципам взаимоотношений с Россией и национальным интересам чеченского народа. Так кто же предатель – человек, старавшийся предотвратить скатывание республики к войне с Россией, или те, кто намеренно вел ее на убой? Ответ очевиден: Ахмат-Хаджи открыто заявлял о неприемлемости военной авантюры.

А. Масхадов проявил преступную слабость. При этом совершил одну из главных фатальных ошибок. Он не скрывал, что не может заставить уважать свое право на власть, боялся взяться за очистку республики от бандитов, а ведь народ готов был подняться против бандитов. Действительно, ситуация

разительно отличалась: если в первой военной кампании еще можно было отследить элементы народной войны, то военные действия 1999-го и начала 2000-х укладывались в рамки антитеррористической операции.

7 августа 1999 года банды Басаева вторгаются в Дагестан. Из воспоминаний А. Кадырова: «Басаев – бандит, а я – муфтий. Как я могу сказать, что мы вместе? Я предложил Масхадову свой вариант и сказал, что это единственный шанс. Он должен был немедленно издать указ о высылке всех иностранцев во главе с Хаттабом, запретить на территории Чечни ваххабизм и разжаловать Шамиля Басаева с возбуждением против него уголовного дела. Дагестан – это территория России, и если Чечня считает себя самостоятельным государством, то она вторглась в Россию и нарушила договор о мире, подписанный двумя президентами».

Чечня превратилась в «гуляй-поле» для радикалов всех мастей. Действительно, по всем нормам международных и внутренних законов Россия получала право на военную реакцию. 12 августа тогдашний заместитель министра внутренних дел РФ Игорь Зубов озвучивает на пресс-конференции, что президенту А. Масхадову направлено письмо с «предложением провести совместную с федеральными войсками операцию против исламистов в Дагестане». Собственно говоря, это предложил и муфтий Ахмат Кадыров. Масхадов, фактически, никак не отреагировал на предложение России о совместных действиях против НВФ, вторгшихся на территорию РД. Вместо совместной борьбы против террористов А. Масхадов назначает Ш. Басаева командующим. Руководство ЧРИ не оставляет никаких шансов на предотвращение войны в республике, окончательно скатившись к поддержке терроризма. А как эта линия государственной политики соотносится со светлыми принципами Ислама и построения независимого государства? Так все-таки – анклав террора или де-факто состоявшееся независимое государство? Ответ на этот вопрос дали сами так называемые сепаратисты. Получать финансовые средства по линии бюджетных отношений из Центра никак не коробило «тонкие чувства» сепаратистов, не мешало им кричать о «построении государства». Фактически в руки российской военщины были отданы все карты, республика – в ожидании новой крови.

Слышны наивные рассказы, что, мол, спецслужбы России не дали ичкерийцам построить независимое государство. Хочется их спросить: а где это видано, чтобы против определенной силы не существовало противодействующей? И если они были так слабы, то зачем тогда за это брались? Где, когда и кто строил государство? Нарушение вышеуказанных договоров, фактически, привело республику на грань существования. Это ли цель существования исламской уммы на Земле? Умар бин Хаттаб, да будет доволен им Аллах, однажды сказал: «Поистине, среди людей есть те, целью которых является только война, они не могут ничего, кроме как сражаться. Есть те, которые сражаются ради славы. Есть те, которые сражаются ради довольства Аллаха, и они являются шахидами. Каждый из них будет воскрешен согласно тому, за что он умер». Опираясь на высказывание этого легендарного человека, следует отметить, что упомянутые им люди, целью которых является только война, не принесли пользу нашему народу. Война ради войны?

Фактически, Чечня в те годы получила первый опыт того, что сейчас именуют ИГИЛом (запрещенной на территории РФ организацией). А ведь все долгие месяцы и годы после окончания первой военной кампании муфтий ЧРИ А. Кадыров настоятельно просил А. Масхадова издать соответствующий указ и выдворить иностранных наемников из республики. Действительно, война завершена, и такое количество вооруженных людей, да еще и не скрывающих своего отношения к будущему ЧР и РФ, не нужно было в республике. А. Кадыров, в интервью «Независимой газете» от 3 апреля 2001 года, сказал: «Если бы он (Масхадов) издал такой указ, то мог бы сказать всему миру, что он хотел сам справиться с бандитами, если нет – то он становится защитником ваххабитов и террористов». По логике событий так и произошло: нет действий против террористов и радикалов, но идет призыв к населению воевать. За что воевать? За интересы бандитов и дальше грабить народ? Какой тут джихад, о котором голоса некоторые?

Здесь уместно упомянуть высказывания доктора шариатских наук Усмана Ахмада Абдуррохима – в своей книге «Ахмат-Хаджи Кадыров: шариатское видение и исторический подход» он пишет: «Ахмат-Хаджи Кадыров считал, что важнейшими из причин, с точки зрения шариата, из-за которых война должна быть прекращена – то, что вторая война не приведет к тем целям, которые ставила перед собой война первая – это независимость чеченского народа от российского государства. Это мнение было основано на общем принципе того, что ни в коем случае нельзя применять правовые нормы джихада и его осуществления без понимания реальной действительности и изучения способов достижения интересов и улучшения жизни людей с помощью джихада».

400 тысяч безработных и годами не получающие зарплату работники разных сфер на фоне полной разрухи и расцвета криминала стали лицом Ичкерии. Все светлые идеи были брошены в канаву в угоду страстям полевых командиров. Вместо строительства государства – хаос. И весьма трудно совладать с этой негативной массой, когда изначально власть нацелена только на самообогащение.

А. Кадыров делал все, чтобы предотвратить негативный сценарий. Спрашивается, что или кого предал Ахмат-Хаджи? Не он ли был всегда со своим народом?

Действительно: Ахмат – сила! Он заставил с собой считаться. Он выработал тот план действий, что обеспечил мирное развитие общества, заставил противоборствующие стороны прийти к консенсусу. Делали ли это прежние лидеры, многие узнали по «плодам их».

Сепаратисты обильно пролили кровь патриотов нашего народа, но, как потом выяснилось, в своих корыстных целях. И по сей день бессовестно эксплуатируя идею национально-освободительной борьбы, они пользуются памятью павших. К ним они не имеют никакого отношения, так как в свое время своими действиями, фактически, обнулили ту самую идею. В связи с чем можно считать проект «Ичкерия» ими же и закрытым.

Чтобы более не попадать в подобные «проекты», молодежи в особенности, следует знать, что сладкие речи о баталиях очень быстро заканчиваются, когда видишь смерть не на экране.

Ахмат-Хаджи сумел найти «ключ» к душам тех, кто ранее был даже из числа непримиримых. Этого ему не могут простить. Ему также не простят то, что он сумел вытащить из лап политических авантюристов и откровенных фанатиков целую республику.

Так что же и кого предал Ахмат-Хаджи? В одном хадисе сказано: Абдуллах ибн Умар рассказывал, что Пророк, мир ему и благословение Аллаха, сказал: «Мусульманин обязан слушаться правителей и повиноваться им независимо от того, нравится это ему или нет, если только ему не велят совершать грехи. Если же ему приказывают совершать грехи, то он не должен слушаться и повиноваться им в этом» (аль-Бухари, Муслим). Ахмат-Хаджи призвал к исповеданию религии и к сохранению ее. Соответственно, и речи не может идти о приказе с его стороны к совершению греха.

Своей политической и религиозной деятельностью Ахмат-Хаджи Кадыров завоевал доверие не только у народов, проживающих на территории Чеченской Республики, не только у адекватных и здравомыслящих граждан нашей необъятной страны, но и далеко за ее пределами. Тут стоит отметить, что речь идет не только и не столько о личном доверии к нему самому – он сумел вернуть народное доверие к власти как таковой. Ведь культура общения власти и общества напрочь была изничтожена в годы Ичкерии. И лишь только Ахмат-Хаджи Кадыровым была восстановлена именно та духовно-психологическая связь, что незримо должна существовать в обществе, претендующем на право считаться полноценным. Так и произошло: в кратчайший срок, с точки зрения исторического процесса, Ахмат-Хаджи смог восстановить эту связь, наладил мосты взаимного уважения между властью и народом.

Хавас Акбиев

Неоконченная повесть

(Продолжение. Начало в № 2,3 (2021))

– Вот мы и дома, – сказала мама.

Большой дом с железной крышей, фигурными водосточными трубами, дверьми и резными окнами с ручками из цветного металла впечатляет. В селе он был единственным таким, нашим, так сказать, родовым именем, в котором до выселения проживали семьи отца Акмирзы, его брата Бекмирзы, их двоюродных братьев Сайдмуступа и Аднана.

Дом застыл таким «Ласточкиным гнездом» на самом краю оврага. На дне глубокой длинной впадины искрится речка Искирг, берущая свое начало из родников высокогорья.

Бабушка Хаду вспоминала, что в далекие времена Искирг протекал по равнине, но постепенно пробил себе эту длинную глубокую впадину, разделив Майртуп по своему течению на две части – правобережную и левобережную. Попервоначалу речка называлась Искиртиг («исс» – чеч. «девять»). Прежде чем смириться, разбегаясь по равнине, она преодолевала, ступень за ступенью, девять препятствий – «Искиртиг». Светлая и тихоструйная –

Она бурлила в половодье,
 Подобно Тереку,
 среди скал.
 Деревья царственной
 породы
 Искирг с корнями
 корчевал.
 Несли их бурные
 потоки –
 Для них все было
 «трын-трава...»
 Пни доставали
 со сноровкой
 Баграми люди
 на дрова...
 Искирг смирялся
 белоструйно,
 Упав в овраг
 и мураву...

– Мама, расскажи: кто есть я? Откуда берутся мои корни, мое начало, мое древо?

– В архиве Рамзана, сына твоего дяди Сайдмуступа, сохранилась рукопись на арабском языке о твоей родословной. Согласно ей твоим родоначальником является Арабхан. Выходец из Южного Йемена, он был сподвижником Пророка Мухаммада. Когда Пророк после непродолжительной болезни в 632 году скончался и началась смута, Арабхан бежал и пустился по свету в поисках лучшей доли. От него родился Истамбул, который в честь отца назвал сына Арабханом. От него появился Борган, от Боргана – Чупан, от Чупана – Турпалхан, а от него – его тезка. Далее род продолжили Татархан, Нохчохан, Нашхан, Борган, Битар, Сускан, Тасуслан, Галч, Бита, Лечи, Ловкан, Альмирза, Сальмирза, Амза, Азе, Жонс, Хажи, Акби, Акмирза и Бекмирза. По одному из преданий, первое чеченское село Нашха основал человек по имени Фахруддин. Но продолжателем его дела был твой далекий предок Нашхан.

Имена многих твоих предков связаны с названием тех мест, где они родились и откуда произошли. Их поколения носят теперь разные фамилии: Акбиевы, Бекмурзаевы, Акбердаевы, Далхаевы, Усаевы, Магомадовы, Муцалхановы. Более чем за 1370 лет многие имена отечественного рода переплелись с эмигрантскими семьями.

У твоего состоятельного прадеда Хажи было восемь сыновей и восемь дочерей. Крепкие корни пустили его сыновья: Акби, Акберд, Уса, Магомед, Далха, Муцалха, Ирези и Битхажи. Все выбились в люди, основательно встали на ноги.

– Говорят, мой дедушка Акби был очень зажиточным, богатым.

– Да. В свое время он владел мельницей, пилорамой, установками по обжигу кирпича, кузнями... На обширных пастбищах паслись отары овец, табуны лошадей, буйволы, коровы... Каждый из братьев пользовался достаточным наделом земли. До наших дней сохранился большой ореховый сад в лесном массиве. Сюда на летние фермы выезжали семьями и до глубоком осени вели заготовку зерна, фуража, мяса, молока, фруктов. К холодам возвращались в Майртуп на «зимние квартиры».

– Правда ли, что мы вышли из рода Эли-хаджиев?

– Так оно и есть. Акбихажиев, соответственно своему имени, был благочестивым человеком. Первая часть его имени восходит к древнетюркскому слову «ак», которое в переводе означает «белый». У татар белый цвет издревле являлся символом таких понятий и качеств, как «чистота», «свет», «луч», «доброе пожелание», «вера», «преданность», «справедливость», «честность». Вторая часть происходит от тюркского слова «би», то есть «князь». Таким образом, буквальный перевод имени звучит как «белый князь» или «белый принц», что сохранилось в фамилии Акбиев. Акбиевы служили в русской армии, заключали межэтнические браки, становились торговцами, фермерами. Корни их уходят в XV-XVII века.

Еще скажу, что дед обладал твердым характером, привлекал внимание своей стройностью, тонкая его талия была эталоном для мужчин. Выезжал в народ на фэштоне, имел золотой посох. Его хватило бы на безбедную жизнь всей нашей семье в годы депортации. Но посох, фамильные ценности хирурга Волкова и Садыковых из Гудермеса, которые хранились на чердаке отчего дома, достались садистам.

В родовом гнезде к нашему возвращению находились правление колхоза, сельский Совет депутатов трудящихся и библиотека.

Председатель колхоза, ознакомившись с бумагами матери, освободил свой кабинет, пообещав, что скоро отсюда выедут все службы.

Так и случилось. В освободившийся дом вернулись семьи Акбердаевых, Усаевых, сын безвестно пропавшего на войне с фашистами дяди Бекмирзы – Хансултан. Наездами бывали в отчем доме его братья Ахмед и Шамхан с матерью Насарт, жившие еще во Фрунзе.

Дакка устроился в строительное управление в Гудермесе, редко бывал на отчем берегу. Его с головой поглотила работа: строил школы, больницы, жилые дома, общежития, объекты культурно-социального назначения... От простого мастера-строителя вырос до начальника крупных передвижных механизированных колонн, стройуправления и ЖКХ. Строительно-монтажный поезд № 383, где он был одним из руководителей, возводил объекты железнодорожного назначения не только в республике, но и в Северной Осетии...

У мамы уже был свой огород, в хлеву стояла корова, на лужайке обширного двора клевали траву куры.

Под ветвистым тутовым деревом с вкусными белыми ягодами по вечерам собирались семьями. После сбора кукурузы устраивали «белхи» по очистке и рушке початков. В большой печи во дворе жарили кукурузное зерно на муку и толокно. Для детей из муки в жаровне готовили вкусные галушки в форме огурца – тоьпаш.

Я пошел в пятый класс семилетки. Класс состоял из учеников своей возрастной группы и переростков, обучавшихся в Киргизии и Казахстане в русских или национальных школах. У последних слабо было с русским языком, и хорошими оценками по нему они не могли похвалиться. У меня в этом отношении был полный ажур, только трудно давался родной.

В школе преподавали чеченский язык. Уроки были свободными, можно было и не посещать. Я себе такой «слабинки» не давал, не пропускал занятия и к седьмому классу освоил как устную, так и письменную речь. Уроки чеченского Дуды Усаева вернули мне, как писал Гоголь, «драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок».

В классе нашем хватало и красногалстучных тимуровцев, и мишек квакиных, которые, поддавшись уличному влиянию, безобразничали не в меру. Они могли схватить нарядно одетого младшеклассника и запросто вытереть им классную доску, добела измазанную мелом. Или же втыкали на сиденье парт иголки, подкладывали кнопки. Позволяли себе с переростками из других классов набегать на колхозные бахчи, чужие сады и огороды. Не были исключением игры подворотен: «чика», «орел и решка», «простенок», картежные «буру» и «очко» на деньги. Высшим блаженством для них было курнуть «травку» в лесополосе и словить кайф. Один раз в февральскую стужу заставили мальчишку коснуться кончиком языка жестяной трубы. Примерзший язык с трудом отморозили путем нагревания железа.

Я тоже не был пай-мальчиком. Мог быть и Мальчишом-Кибальчишом и Мальчишом-Плохишом. Но быстро входил в свою колею. Хорошо учился. Это как у Высоцкого:

Я сам не знал, в кого я воспитаюсь,
Любил друзей, гостей и анашу,
Теперь чуть что, чего – за нож хватаюсь,
Которого, по счастью, не ношу.

От безобразников учителям тоже доставалось. Подставляли к столу шаткий стул, сев на который он или она проваливались, задрав ноги.

С учителями в самом начале нашему первому потоку «семилетки» не очень везло. Филологу было дозволено обучать нас немецкому языку, даже азы которого она сама мало знала. На уроках глуховатого географа можно было говорить впопад и невпопад темы, все равно не услышит. Пение вел учитель, не познавший в детстве логопеда: «Плыла ачалась лодоча по Яузе рее». На уроке физкультуры слышалось: «раз, два, три, чатере».

Но то было на первых порах. Школа постепенно пополнялась выпускниками из высших и средних специальных учебных заведений. Крепла дисциплина, улучшалась успеваемость. Заработали кружки художественной самодеятельности. Я был запевалой школьного хора. Пел «Степь да степь кругом», «Шумел сурово брянский лес», «Орленок», «Заветный камень»:

Тот камень заветный и ночью, и днем
Матросское сердце сжигает огнем.
Пусть свято хранит
Мой камень – гранит,
Он русской кровью омыт...

Или:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Пел без музыкального сопровождения, подыгрывать было некому. Но это не помешало занять первое место в районном смотре художественной самодеятельности, а затем и в республиканском. По прошествии многих лет вспоминаю, как пацан, опершись на тросточку, бросает с клубной сцены в зал слова «Священной войны»:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Зал притих, кое-кто не сдерживал слез... Он понимал эту горечь матерей, невест... у каждой был свой Кронштадт и Брест, Хайбах и Хатынь... А потому сдерживали рыдания в себе, сжимая кулаки на фашистов и своих сатрапов... С волнением слушали и слова из песни «Орленок»: «не хочется думать о смерти, поверь мне, в шестнадцать мальчишеских лет».

Готовился к новому смотру у известного композитора в Грозном. В перерыве одной из репетиций застудил горло мороженым. Выступления же на клубных сценах продолжил. Песня долго была моей спутницей. Пел на торжественных встречах, пионерских слетах, молодежных праздниках.

А еще у меня была страсть к книгам. Читал их с радостью зимними и летними вечерами при свете керосиновой лампы. В нашей сельской, можно сказать домашней, библиотеке недостатка в них не было. Ровными рядами стояли, почти нетронутые еще никем, книги советских и зарубежных писателей. Завораживали полные собрания сочинений Горького, Гоголя, Гайдара, Александра Дюма, Майн Рида, Жюль Верна... Я мог взять любую книгу. Читал с жгучим наслаждением, удивляясь неповторимому слогу Гоголя: «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю Бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните, ради Бога, на них, – особенно если он станет с кем-нибудь говорить, – взгляните сбоку: что это объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи Боже мой! отчего же у меня нет такой бекеша!»

Из списанных и книг, которые наловчился выносить незаметно, скопил целую библиотеку. Одноклассник мог взять интересную книгу и не нести никакой ответственности за ее возврат. Сам пойдешь за книгой – и она снова твоя, но потрепанная и даже с вырванными страницами. А еще лепил из глины, рисовал неплохо.

Я комсомолец. Ура! Я Павка Корчагин из книги Николая Островского «Как закалялась сталь», и для меня верным компасом должно быть указание великого Ленина о том, чтобы «каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, самую простую». Павка уже был моим идеалом, я дал клятву не свернуть с пути, избранного в юности.

– Тебя вызывают в райком ВЛКСМ для вручения комсомольского билета, – сказал секретарь первички.

От села до Курчалойского райкома не менее пяти километров. Но ни это расстояние, ни январский мороз и бездорожье не могли стать препятствием для воспитанника санатория, жаждущего жить и бороться по-ленински: «Я не видел Ленина ни разу, но не жил я без него и дня...»

При переходе через речку проломился лед, промочил левый ботинок. Это заметила заворграйка Лиля, девушка с льняными волосами и очень ясными серыми глазами. Она не пустила меня к первому секретарю, пока не просушила в духовке ботинок и носок.

Настала пора, и теперь мы в ответе
За каждый свой взнос в комсомольском билете,
И родина нынче с нас спрашивать вправе
За каждую буковку в нашем Уставе.

Эти слова Алигер мне вспомнились, когда принимал билет с силуэтом вождя на обложке из рук комсомольского лидера...

Шло комсомольское собрание. Раздавались гневные выкрики:

– Он позорит нашу школу!

– Он запятнал звание комсомольца!

Фразы эти с восклицательными знаками относились к скорому выпускнику «семилетки» Анвару, который сорвал урок истории, а учителю заявил грозно: «Убирайся к себе на Тамбовщину, если не нравится у нас!» Комсорг, познакомя собрание с его «делом», предоставил слово однокласснику Бешто:

– Если Анвар безобразничал на уроке, оскорбил приезжего учителя, ему не место в комсомоле!

В зале его поддержали:

– Правильно!

Анвару припомнили все: как он обижал малышей, сорвал репетицию школьного спектакля, в котором ему досталась роль музыканта. А играл он на баяне превосходно.

– Оскорбление педагога – провинность, за нее надо держать строгий ответ!

– В проступках комсомольца есть и наша вина, – вмешался в разговор я.

– Мы не заметили, как наш товарищ отбивается от коллектива, не проявили твердость характера, чтобы он встал на путь исправления, не сказали ему, что его поведение совершенно непростительно для комсомольца.

Комсорг предоставил слово Анвару, который стоял в смущении, ощущая на себе осуждающие взгляды товарищей.

– Сгораю от стыда, что подвел своих друзей, нарушал дисциплину, обидел Федора Ивановича. Поступил не по-комсомольски. Даю слово никогда не повторять ошибок.

Лиля из райкома комсомола продолжила:

– Поверим Анвару Исаеву. Уверена, что он исправится, каждый его день будет отмечен хорошей учебой. Я – за выговор.

Последним слово взял Федор Иванович:

– Я не буду говорить об облике нашего молодого современника, а повторю слова Николая Островского: «Вот я опять в строю! Это же самое главное! Я опять в строю!» И закончу изречением героя его книги Павки Корчагина: «Самое дорогое у человека – это жизнь, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое...» Не ошибусь, сказав, что Исаев будет в ряду достойны ленинцев.

После собрания, когда вечер зажег на небе звезды, Анвар спустился в овраг к Искиргу. Неподалеку от запруды в травной поросли квакали лягушата,

казалось, что они выгоняют из тины луну. Ночь все ближе, все глубже. Нависла отрадная тишина. Запах свежевлажной низины не сильный, но изысканный. Душа таяла в этой безмятежности, не было места суете, унынию.

Хорошо как!

Утром школьный грузовик повез нас с ночевкой в Азамат-Юрт на подбор хлопка после уборки комбайна. На обширном поле виднелись белые пушистые головки – орехи страды.

День тихий, ясный. В ливне солнечных лучей порхали изумрудно-голубые стрекозы, в разнотравье, тронутом позолотой, стрекотали кузнечики, пощелкивали-потрескивали бутоны полевых цветов. Мы ходили по рядкам и собирали в корзины коробочки, затем высыпали их в тракторные тележки. Звеньевой вел учет корзинок, чтобы вечером доложить командиру отряда, кто как потрудился.

К полудню на горячем жеребце прискакал бригадир хлопкоробов. Остановив коня на полном скаку, он хотел было спрыгнуть на землю, но тот, чего-то напугавшись, громко заржал, встал на дыбы, до крови на губах закусив удила. Бригадир кубарем скатился в придорожную канаву, на валок скошенной травы, что уберегло его от ушибов. Вскочив на ноги и схватив гнедого за узду, стал стегать его кнутом, не переставая дико кричать:

– Я тебя, иблис, засеку по морде, по глазам! Хью е Дала х1аллак! (Покарай тебя Бог!)

Вдруг, откуда ни возьмись, подлетела собака и, рыча, схватила строптивца за штанину левой ноги. Дерг, дерг – и опрокинула его под ноги гнедого. И оба смотрели друг на друга: собака, нагнув голову, победно глядела на поверженного, который боялся даже шевельнуться. Нам стало как-то неудобно за бригадира, и мы общими усилиями отвели брата меньшего – заступника за себе подобного. Бригадир неспешно поднялся, отошел задом к сараю – месту нашей ночлежки...

Наступил вечер. Над нами нависло небо, усыпанное мириадами светил. Голубовато-белый свет луны легко растворился над степной ширью, обдавал свежестью и волнующими обильными запахами. Где-то призывно прокричала ночная птица – видимо, ее, как и нас, волновали звуки, льющиеся вдаль и вширь, простор, полный свежим воздухом.

Ребята на поляне разожгли костер. Мы побросали на угли картошку, выложили на скатерку съестное – кто что привез, чтобы подкрепиться перед сном. Вкуснее всего была запеченная в мундире картошка, которую каждый ел, обжигаясь, с наслаждением.

Мы долго сидели вокруг костра, а мой друг Вахит рассказывал о трех Великих Мастерах: славнейшем Мастере Зеркал и Хрустала, ясноглазом Амальгаме, искуснейшем оружейнике Изобаре и знаменитом садовнике и плодовode, мудром Дроне Садовая Голова из книги «Дорогие мои мальчишки» Льва Кассила.

На чердаке, заваленном сухим сеном и соломой, мы провалились в сон. «Постель» пахла солнцем, наяву ли, во сне ли слышалась соловьиная трель...

К обеду следующего дня за нами приехала машина, и мы оказались в родных пенатах.

Мама после возвращения на родину не стала долго засиживаться дома. За признанной земледелицей с охотой закрепили свекловодческое звено. Работа радовала. Огорчало то, что не с кем было оставить маленькую внучку Амину. Порой брала ее с собой в поле, и она сладко посапывала в лесополосе в гамаке. На каникулах «нянькой» становился я, что было не совсем приятным занятием, особенно, когда маленькая капризничала, плакала, приходилось менять пеленки.

Зато зимой наступала идиллия. Мама дома, корова в хлеву, сено и солома на сеновале, сапетка переполнена кукурузой и поверху укрыта от осадков снопами из кукурузных стеблей. В солнечные дни вольно во дворе курам, гусям и индейкам. Они поклевывают корм, ступая по мерзлой земле, спускаются даже в низину к самой речке. Побродив, куры усаживаются под навесом чинно в ряд и прячут под крылышками головы.

Майртуп в нашем детском восприятии – село мужественных людей, непокорных. Никто не знает, откуда произошло это название. Одни говорят, что его основал человек по имени Майр, другие верят, что это был героический стан на Великом шелковом пути. Однако нет тому ни одного подтверждения. Ссылный поэт Полежаев окрестил его в своих стихах Майортупом. Для нас же Майртуп был, есть и останется селом храбрецов.

В село прибывали и прибывали люди, вынужденные провести на чужбине 13 лет. Вернулись в свои дома наши дяди: инвалид Отечественной войны Шайхамад Магомедов и его брат Сайдцелим, брат Сайдмуступа Бексолт, Мовла Далхаев и Ибрагим Муцулханов. Все обустроились рядом, двор к двору.

Неподалеку от нас поселилась сестра Дуда (Насарт) с мужем Эти, сыновьями Ахмедом, Магомедом и дочкой Зулай. У Розы с Бауди со временем будет большая семья. Все выбьются в люди. Иса станет шофером, Муса, по примеру своего дяди Дакки – строителем, отличным мастером благородного дела.

Майртуп 50-60-х годов XX века – это сады и огороды, дворы с собачьим лаем и ослиным «И-а». На воротах не висят таблички «Осторожно! Злая собака!», потому что нет ворот, а вместо них в невысокие оградки из лозняка врезаны калитки. Иные дворы обнесены просто штакетником. Собаки, особенно охотничьи, всегда с наостренными ушами, их клыки привычны к волчьим и кабаньим шкурам. Они с охотой идут на зверя в лес, подступившем прямо к селу.

По майртупским узким улицам текут ручьи от водопроводных устройств. Они превращаются в помой под копытами коров, буйволов и овец, возвращающихся по вечерам с пастбищ в свои подворья с тучей комаров и слепней.

Многие сельчане, а с ними мои дяди Дага и Мовла, живут конным промыслом. Приобретают по сходной цене лошадей в селах соседнего Дагестана и перепродают их у себя в базарные дни. Часто лошадей откармливают, забивают на мясо, чтобы получить более солидный навар. Но вскоре в наш род пришла беда: из поездки за лошадьми не вернулся дядя Мовла. Он пустил лошадь вплавь через реку Гумс, разлившуюся от паводка. Посередине водного потока его накрыл новый паводок, выбраться из которого не удалось.

Майртупцев часто можно было встретить в ЦУМах и ГУМах Москвы в очередях за дефицитным товаром. Приобретя его, умудрялись тут же «спекулировать» или продавать подороже у себя дома. Другие семьями выезжали за пределы республики на заработки. Строили в омских и оренбургских степях кошары, чабанили.

Так приобретался капитал, налаживался быт, строили добротные дома со своим клином земли, со своей сердитой собакой и непролазными заборами.

Вместе с тем хватало и людей, привычных к колхозному труду. Дружно выращивали пшеницу и ячмень, арбузы и дыни, сахарную свеклу и подсолнечник, занимались шелководством. Прямо в поле варили арбузный мед. Были свои фермы: молочно-товарная и утиная. К полеводам и животноводам приезжали трюкачи-канатоходцы, артисты. Ни одна свадьба не обходилась без Марьям Айдамировой и Умара Димаева. В клубе не хватало мест на просмотре комедии «Бож-Али». Умели трудиться и провести свой досуг.

На территории клуба, обсаженной высокими деревьями и кустарником, была разбита волейбольная площадка, на которой мы играли. По вечерам в клубе крутили фильмы, бывали и дневные сеансы – детские.

Через дорогу от клуба стояла старая мечеть с высоким минаретом. Мечеть бездействовала, в одной ее половине хранили ядохимикаты, другая служила амбаром для кукурузного зерна. Яды просочились через кирпичные стены наружу и образовали на них белый ядовитый соляной налет.

В метрах десяти на зеленой лужайке росло высокое тутовое дерево с черными ягодками. С приближением сумерек на него садились индейки из соседнего двора, что являлось для мальчишек забавой. Они бегали вокруг шелковицы с длинными шестами. Индюки крутили за ними свои длинные шеи, и от головокружения нередко та или иная птица падала вниз.

Минарет облюбовали воробьи, голуби и мальчишки, которые взбирались на самую его макушку по винтовой лестнице,

Откуда за пять верст, как на ладони,
Видны до боли милые места:
Колодец вон, у нового моста,
Где в зелени обрыв песчаный тонет,
Сюда приходят парни в вечера
И девушки с ведерками и с песней...

Мы помогали колхозникам на току. Сушили зерно на асфальтовых площадках, удаляли листья с кукурузных початков. И готовились к выпускным экзаменам в стенах «семилетки».

И вот наступил день окончания школы. День грустный. День памятный. Сданы экзамены, в свидетельствах проставлены все оценки: мы снова собрались вместе, не на урок, не на комсомольское собрание, а на выпускной вечер. Двери одного из классов раскрыты настежь, столы заставлены сладостями, фруктами. Рассадив нас, директор школы Бормашов и завуч Анна Федоровна произносят свои речи. Анна Федоровна пожелала нашему первому выпуску радостного будущего, хорошо продолжить учебу. Напомнила о том, чтобы,

где бы ни учились, не забывали родную альма-матер. Бормашов выразил свои чувства словами: «Скоро у вас вырастут могучие крылья, из орлят станете орлами. Уверен, что преодолеете все трудности на своем пути, получив среднее образование. Окончите вузы, чтобы применить на практике полученные знания. Ведь, согласитесь: «мертва теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет».

Затем он вручил нам свидетельства и грамоты.

После торжественного ужина в последний раз вошли в свой класс. Попрощались.

Я и Вахит решили продолжить учебу в школе-интернате в Шали. Приехали в Шали, но по первому разу не удалось сдать документы, не было директора. Не найдя места в Доме колхозника, решили переночевать в сквере на скамейке. Ночь теплая, ничего с нами не случится, если скоротать одну такую без излишеств. Нам было уютно под сенью деревьев, обласканных сиянием луны и фонарями, горящими вполнакала. Подкралась какая-то леность, и сон куда-то пропал. «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

И появилась она – женщина, облик которой являл нечто мужское: мужские руки, мужской размер бот, замашки мужские... В лице же, миловидном, почти девчоночьем, с глазами черными по кулаку, просматривались проблески женственности. Но и они померкли, когда она стала выдавать на неярко освещенной площадке странности в поведении с неестественными гримасами и необычным построением фраз, брошенных не в тему. В бредовом состоянии чудила под воображаемую лезгинку, достав из бездонной своей сумки чабанскую папаху. Помахивая ею в такт своим несуразным движениям, выкрикивала: «Асс, асс!»

– Не Матуса ли блаженная? – спросил я не то себя, не то друга, наслышанный о ней.

– Она самая, – ответил Вахит.

– Ты что, знаешь ее?

– Ехал как-то в рейсовом автобусе «Шали-Грозный». Она ходила по салону и голосом, не терпящим возражения, выбивала у каждого мужчины по рублю. Совала под самый нос едущего свою широкую ладонь и командовала: «Клади рубль!» Отказать никто не смел. Кому захочется услышать в свой адрес отборную ругань с упоминанием отца, деда, прадеда – всех до седьмого колена?!

После большого волнения и странностей Матуса успокоилась и принялась вырезать ножницами из киноафиши рисунки. Делала она это самозабвенно, аккуратно складывая в стопы вырезки. Потом подошла к нашей скамейке, рассматривая нас с большим любопытством. В ее огромных глазах была спокойная доброжелательность и ни тени безумства. Мы ждали, что эти глаза вылезут из орбит и услышим от нее самые унижающие и уничтожающие слова. Но она вполне разумно, как бывает в часы просветления у таких больных, сказала, что она дитя депортации.

Совсем девчонкой очутилась в непонятной далекой Сибири, где ее изводили голод, тиф, бураны, издевательства садистов. В дороге умерли родители, саван и землю заменил им казахстанский снег. Воспитывалась у дальних родственников, которым своих детей было некуда девать, в десять

лет закончились ее детство и юность. Прошла все муки земного ада, от чего немудрено стать юродивой...

Бомжиха Матуса ночевала где придется. Зимой ночлежкой ей служило фойе райкинотеатра, где на стены она лепила вырезки из афиш. Часто коротала день ездой в автобусе от конечной до конечной. Сердобольные люди делились с ней и съестным, и одежкой, и рублем, цены которому она не знала. Рубли из рук ее просачивались, как песок, сквозь пальцы, когда встречала в многолюдной толпе побирушку. Она отдавала всю свою «дневную выручку» тому, кто в ее глазах был лермонтовский «бедняк иссохший, чуть живой от глада жажды и страдания».

Через много лет встретил Матусу в «маршрутке», забившуюся в самый угол заднего сиденья. Напомнила она мне старуху Изергиль Горького: «Время согнуло ее пополам, черные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ее сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями». Господи, что сделала с нею жизнь!

Интернат находился на почтительном расстоянии от райцентра, где были в «шаговой» доступности райкомы партии и комсомола, райисполком и райотдел милиции, редакция и Дом культуры – словом, все учреждения, включая магазины, рынок, стадион, кинотеатр, автовокзал и музыкальная школа. Вдали от суматохи, в зеленом оазисе на берегу реки Бас продолжилось наше взросление.

Строительство жилых корпусов интерната находилось на стадии завершения. И поначалу нас разместили в большой солдатской казарме бывшего военного городка. Среди нас были и погодки, и будущие выпускники, даже младшеклассники, в основном мальчишки-кистинцы из Ахметовского района Грузии. Быстро сблизились, помогали малышам, оберегали их от стычек с местной пацанвой.

В каменной казарме с единственной печкой с угольным отоплением и бетонным полом было холодно. Засыпали не скоро, колошматили друг друга подушками, байковыми и колкими шерстяными одеялами. Тайком курили в печку, пока воспитатель, прозванный нами «Господином Маймулаевым», обходя кровати, не стыдил всех наугад и невпопад.

Раньше всех засыпал здоровенный Муса из 10 класса. Его кровать стояла у самой печки, в тепле.

- Смотри, как он спит, – сказал Вахит. – Ноги и руки вразброс, рот открыт.
- А сейчас поплывет, – подал голос рядом стоящий.

С этими словами он влил в его раскрытый рот воду. Руки спящего задвигались в темпе пловца. О том, что Муса может задохнуться, мы даже не подумали.

Особенно доставалось семикласснику Мамуре, по прозвищу «Губернатор Острова Борнео». Ему устраивали после отбоя «велосипед», подпалив между пальцами ноги бумагу, а то и вату. Или, привязав длинный шнур за большой палец ноги, крепили его к ботинку. Затем, вывернув обувь наизнанку, клали на нос Мамуре. Задохнувшись во сне от въевшегося в обувь потного запаха,

он вскакивал и отшвыривал его в сторону, вскрикивая от боли в ноге. Он был близоруким и в сумерках частенько попадал в яму неподалеку от нашего пищеблока. И помогал ему в этом его одноклассник и односельчанин Бакоз. Подразнив Мамура, он убежал и перепрыгивал через яму. Подбегающего к яме Мамуру ослеплял карманным фонариком и тот летел вниз. Все это Бакоз, обжора, чьи завтраки, обеды и ужины не обходились без добавок и дополнительного стакана густой сметаны, воспринимал как некую игру.

Вскоре достроили спальные корпуса. Избрали старост и составили график дежурств.

– У нас самообслуживание, – сообщил воспитатель Хасан Хасаевич. – Дежурные отвечают за порядок в спальнях и столовой.

– А что входит в обязанность дежурного? – спросил остроглазый парнишка.

– Содержать в чистоте комнаты, для чего надо подмести и помыть полы, вытереть пыль на подоконниках и после завтрака в спальни никого не пускать. Веники и тряпки вам дадут в кладовой.

– Заправлять кровати не мальчишечье занятие, – пробасил другой, откинув набегающую на глаза русую челку.

– Теперь это и ваше дело, – сказала повариха Зарема, зашедшая в комнату за кухонной утварью.

Увидев неряшливо заправленную кровать, она аккуратно поправила байковое одеяло, края накрахмаленной простыни. Взбила и уложила к изголовью подушку.

– Всего-то и делов, раз-два, и готово, – засмеялась Зарема. – А теперь марш в столовую, вас ждет завтрак.

– Опять каша перловая? – загудели недовольно мальчишки.

– Нет-нет. Напекла вам оладьи, а на обед приготовлю макароны по-флотски. Попрошу дежурных наполнить баки водой. Берите тележки, фляги, Бас рядом.

Река Бас, вольная, быстротечная, берущая свое начало из студеных родников высоких снежных вершин, была нашей рекой. Извиваясь, бежала она по равнине, разбросав по берегам белую гальку. Весной – шумная, летом прохладно-белоструйная, осенью – пожелтевшая от опавших листьев, она гудела, перескакивая с камня на камень, полная загадочных звуков...

Мы любим купаться в реке и загорать на ее берегу. На речной мели местные женщины полощут белье и расстилают выстиранные тряпки на камнях. Вон девушка несет воду на коромысле. Вода выплескивается из ведер, оставляя на прибрежной гальке мокрый след. Вахит говорит, что она пишет стихи, как и я, хочет познакомиться. Будет ждать у реки, когда в очередной раз пойдет за водой. Но «поэтический тандем» не состоялся. Ее, совсем еще юную, умыкнули, она стала чьей-то женой.

В нашем восьмом классе кроме интернатских учились из местных две девочки и двое мальчиков. В отличие от нас, им легче было усваивать школьную программу: под боком родители (у себя дома и стены помогают). Но и мы не были «лыком шиты». По отдельным предметам превосходили их: кто

по математике, кто по литературе, были свои физики и химики. Мои стихи не сходили со страниц общешкольной стенной газеты, публиковался и в районной прессе. А на стихотворение «Родное», напечатанное в газете «Комсомольское племя», грозненский композитор Ткачев написал музыку.

Память сохранила вечер в шалинском Доме культуры, на котором исполнил несколько песен. Когда прозвучали аккорды песни «Орленка»: «...у власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна», на сцену поднялся молодой человек лет 18-20 и заключил меня в объятия. Как мне потом разъяснили, это был Муслим Магомаев, певец с чеченскими корнями, вынужденный петь и бомжевать, бомжевать и петь, отвергнутый властями. Ему еще предстоит стать великим, спеть под занавес жизни пронзительно есенинско-магомаевское:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг...
Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреновом дыму.

Идет урок литературы. Учитель Петр Петрович Строев спрашивает:

– Каков сюжет рассказа Льва Толстого «После бала»?

– Сюжет не сложен, – отвечает Юра Заманов. – Он заключается в том, что молодой человек охладил к любимой девушке после того, как увидел ее отца, полковника, бывшего сильной рукой в замшевой перчатке по лицу испуганного солдата, приказавшего затем жесточайшим образом высечь несчастного шпицрутенами.

– Правильно. О том, как построен рассказ, пусть скажет Вахит Елиев.

– Повествование ведется от лица Ивана Васильевича, обладающего богатым жизненным опытом. В центре рассказа – событие, сыгравшее решительную роль в его судьбе. Это бал у губернского представителя и наказание солдата. На балу он без ума был пьян любовью к Вареньке, но когда ее отец учинил издевательство над солдатом, любовь с этого дня пошла на убыль. Контрастно противопоставляя две сцены, он увидел мир с неожиданной стороны, произошло прозрение.

– Противопоставляя две сцены, Лев Николаевич как бы срывает маску с внешне благополучной действительности, – вмешался в разговор я. – Говорят, что он страдал какой-то болезнью и писал гениальные произведения.

– Да, у него случились в минуты творчества истеро-эпилептические приступы, – сказал Петр Петрович. – И не только он был с расстройствами и отклонениями в психике. Гоголь жег рукописи, видел на Невском летающие гробы и утверждал, что у него желудок «вверх дном» расположен. Лермонтов был ярко выраженным шизоидным психопатом, Достоевский страдал эпилепсией, но не хотел лечить болезнь по той причине, что потеряет возможность писать, а Есенин прилюдно крушил мебель, оскорблял знакомых и незнакомых людей, ругался... Зато написали поразительные книги.

– Что, гениальность дружит с помешательством?

– Некоторые ученые утверждают, что психопатология, в той или иной форме – неперенный спутник одаренности, – подчеркнул Строев. – Эти гении справлялись со своими отклонениями. Излечи их от своих недугов, неизвестно, стали бы они великими. А часть гениев человечества серьезно страдала маниями, психозами и алкоголизмом. Александр Македонский умер от того, что десять раз подряд осушил кубок Геркулеса. Запойными пьяницами были Юлий Цезарь, Сократ, Сенека, Рембрандт, Гофман, Мюссе, Бетховен, Гендель, Глюк и даже Авиценна. Отец русской авиации Жуковский ездил на велосипеде с огромными крыльями, разговаривал с птицами. «Папа» Гулливера Свифт, официально признанный сумасшедшим, увел нас в страну лилипутов, сумел заразить своей «чокнутостью». В один ряд с ним можно поставить таких гениев, как Моцарт, Мольер, Бетховен, Гендель, Мендельсон, Руссо, Ван Гог, Ницше, Ньютон, Шиллер, Шопенгауэр, Шуман... Эти гении обладали способностью к развитию способностей...

Мы успешно переходили из класса в класс, дружно работали в школьной производственной бригаде на прополке кукурузы в совхозе. Наши воспитатели были настоящими наставниками. Благодаря им, ребята самых разных характеров из отдаленных сел республики и даже Грузии влились в дружную интернатскую семью. Мы учились, работали, занимались любимым делом. Я обучался в музыкальной школе по классу фортепиано, занимался в кружке по игре на гитаре. Изучал нотное письмо, ключи соль, фа, до, звукоряд, октаву, музыкальные звуки, их свойства, способы записи...

Перебираю ноты и слушаю музыку, веселую, тоскливую... О лете, мерцающем в скупых лучах светил. Всесильное начало мелодии берет за сердце, уводит в зоревый рассвет, на тропинку, по которой женщина на коромысле несет воду из ручья, «на плечи небо звездное взвалив». Слушаю Визбора, берущую за душу: «Льжи у печки стоят...» И песни Сольвейг слушаю, погружаясь в тишину. Тишина не оглушает, вбирает всего в себя, наступает умиротворение... ти-ши-на...

После девятого класса брат забрал меня к себе в Гудермес. Я пошел в десятый класс средней общеобразовательной железнодорожной школы №116. Школа со своими традициями, успешными пионерскими и комсомольскими организациями, крепким преподавательским составом – людьми высокой культуры и компетентности, активности и организаторской способности.

Строительство средней двухэтажной школы развернулось весной 1938 года. Как вспоминали старшие пионервожатые В. Антоненко и В. Замковая, учащиеся и шефы (родительский комитет, узловая женская организация) посадили фруктовый сад, разбили игровые площадки, теплицы, цветники, отвели земли для опытных пришкольных участков. Первого сентября 1940 года в распахнутые двери светлых классных комнат вошла детвора. Но учиться долго не пришлось, грянула война. Здание заняла воинская часть.

В 1942 году школа разделилась на две части: в одной размещалась эвакуированная школа летчиков – штурмовиков, в другой – госпиталь.

Затем здесь обосновалась Краснодарская летная школа. Лишь в 1946 году ребята снова сели за парты. Учащиеся давали концерты в фонд всеобщего образования, строили своими силами мастерские, шефствовали над улицами, принимали участие в слетах и фестивалях, писали историю своего учебного заведения, о подвигах его воспитанников на войне.

На территории школы была установлена стела с фамилиями двадцати трех ее воспитанников, погибших в годы Великой Отечественной.

Директор 116-й школы Михаил Федорович Назаренко сплотил дружный коллектив педагогов. Среди опытных были супруги С.И. и М.Д. Серенко, П.С. Михайлова, В.Н. Шаповаленко, Н.Д. Рябикина, В.Г. Борисенкова, В.С. Вержакова, Д.Г. Ермолова. Мы от них переняли доброту и бескорыстие. Многие из нас усвоили тезис о том, что главное для человека – проявить свои внутренние возможности, реализовать себя. Преподаватель истории Полина Сергеевна Михайлова прослыла настоящим поисковиком, краеведом. С группой учащихся она собирала сведения об интересных людях, родном крае для школьного музея. И меня привлекла в кружок поисковиков.

В парке железнодорожников была заботливо ухоженная безымянная могила с обелиском. Кто в ней похоронен? В честь кого воздвигнут памятник с пятиконечной звездой? Непросто найти ответы на эти вопросы. Но надо. По версии сестер Любы и Варвары, служивших в молодости в штабе 1-ой Конармии Буденного, память воздали трем героям: старой учительнице – коммунистке и двум связистам – комсомольцам, жизнь которых трагически оборвалась от бандитских пуль. Имен их старые большевички назвать не смогли. И тем не менее, написалась «Баллада о трех»:

Их было трое –
Она и двое.
Она седая,
Совсем простая...
Они – юнцы.
Им жить и жить,
Любить,
Выдумывать,
Творить...
...Осенний город. Сырость. Грязь.
Тянуть в аулы надо связь.
Выходят двое.
Идут герои:
– Да будет связь!
И тянут провод, тянут снова.
В глазах усталость. Связь готова!
...Спят безымянные
Герои.

И трое,
Люди,
Трое,
Трое!
Мечтой заветной каждый жил
О светлых зорях новой жизни.
А сколько их, таких могил
Тебя усеяли, Отчизна!

Неподтвержденную доказательством версию «О трех...» дополнила другая: якобы, в могиле покоится народный учитель Рябов, зверски замученный врагами новой власти. Позже одной из улиц в восточной части года присвоят его имя.

Завуч школы Груба, вернувшийся с войны без левой руки, умел пробудить в ученике любопытство к новшеству, стремление к творчеству. Он был из тех наставников, которые решают задачи воспитания на добром опыте и добром примере, что учат и влекут. Именно ему я обязан своим становлением на новом месте. Радостный для всех первый день в школе для меня был каким-то неопределенным. Пусто и тихо тянулось время, сковывала какая-то нерешительность. Но, когда он широко раскрыл передо мной двери класса и я увидел сияющие лица ребят, робость улетучилась, совсем успокоился.

– Ребята! Сегодня праздник, – сказал Груба. – Вы снова сели за парты, повзрослев на год. Думаю, будете отличниками в учебе и общественных делах. Познакомьтесь с новичком, он будет учиться с вами в десятом классе.

– Садись со мной! – крикнул мальчик с добродушной улыбкой и цепким взглядом широко открытых глаз.

Это был Толя Быков, «середнячок» в учебе. Кое-как переходил из класса в класс, большего ему и не хотелось. Очень доверчивый и с открытой душой, верховодил в спортивных состязаниях. С ним я быстро сроднился с новой школой и новыми одноклассниками.

А еще была Светка, сероглазка со светлой челкой и милым лицом. Спортсменка и забияка, гроза самых отчаянных шалунов. Мы жили рядом. Я ближе к школе, она – в многоэтажке у железнодорожной двухпутки, за которой зеркально плескался малый городской пруд, питаемый родниками Черной речки. Светка по утрам купалась в водоеме и казалась русалочкой, выходящей на зорьке ясной из морской пены.

Мы часто возвращались домой вместе после занятий. Однажды в вечерние сумерки поздней осени к нам пристали на аллее двое аульских парней. Светка каким-то вывертом опрокинула одного, второму достался тумак. С тех пор приняла на себя роль провожатой. Мои возражения в расчет не воспринимались. Иди – и баста!

На общешкольном собрании Груба заявил:

– Обратите внимание на то, что наш новый ученик был запевалой хора в Шалинском ДК, но он не только поет, но и пишет стихи и рисует. Он также внештатный корреспондент газеты, член творческого объединения молодых талантов.

Мероприятие прошло на высокой деловой волне. На заключительном этапе старшеклассники активно и очень эмоционально обсуждали предложенный на их утверждение проект решения собрания – избрание редактора общешкольной газеты «Зоркий глаз». Им стал я, а вскоре я стал солистом хора.

На встрече классных редколлегий поговорили о положении дел в пионерской и комсомольской организациях, высказались о том, что и как делать дальше, чтобы школьная жизнь наполнилась романтикой, дышала ребячьей инициативой. При избрании сменных редакций и их редакторов каждый старался утвердить свою точку зрения, было много глубоких, толковых предложений. В результате избрали главную редакцию из пяти человек, ответственных за отделы: школьная жизнь, литературный и сатирический, а также – ответственных за оформление и специальный выпуск.

В главную редакцию вошли старшеклассницы Таня Скидан, Валя Кудимова, Галя Белоус, Нина Кропачева и Таня Андросова. Они стали костяком «Зоркого глаза», настоящими моими помощниками. Умели рисовать, не были обделены чувством юмора, отличались чистописанием. Свежий номер газеты собирал в фойе толпы ребят. С интересом читались передовицы. В стенной печати хватало юмора, сатиры, дружеских шаржей, доставалось двоечникам. Газета писала об ученических производственных бригадах, их работе на совхозных полях, в депо за станком, о том, что каждый производственник, как искорка от костра, должен зажечь огонь в сердцах ребят у себя в отряде, дружине. Об этом помнить – и никаких гвоздей!

Мне легко давались учебники по литературе, русскому языку, истории. Написал сочинение в стихах «Трагедия о неподвижности». Поэмой, посвященной жизни Павки Корчагина, зачитывалась вся школа. В классах, коридорах витали строки:

Человек недвижим.
Взгляд глубокий
Испещрил безмолвный потолок.
В голове путь пройденный
и далекий
Длинною дорогою пролег.
И встают стеной воспоминанья.
На душе курноса весна –
Заглушив все боли и страданья,
В путь зовет безудержно она:
«В строй, Корчагин!
В строй без промедленья!
Жизнь не ждет, ты слышишь:
жизнь не ждет!..»

Они как бы перекликались со словами самого Николая Островского: «Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе... И никуда иначе...»

Продолжение следует.

Поэзия

Ваха ДОКАЕВ

Золотые мгновенья

Из разорванной тучи
 Рассыпался жемчуг дождя
 И, наполненный солнцем,
 На листве заблестел!
 И ночь
 Пустые мечтанья
 Превратит в драгоценные сны.
 Утром снова
 Вернутся на небо
 Жемчужины снов.
 Ну а я
 Еще долго не в силах
 Отпустить миражи.
 ...Золотые мгновенья уносит.

Весенняя кухня

Счастливые ласточки в небе
 Волшебное рвут полотно.
 Мой кот объедается хлеба
 И смотрит вверх озорно.

Весна! И опять на столе
 Прибавилась куча приборов!
 И приторный чай в хрустале
 Заменится яблочным скоро!

А в прошлом году была ферма –
 До тысячи ящериц враз!

Тут вечером прятались феи,
 И дятел будил по утрам.

На вишенке жили улитки,
 И ел абрикос муравей.
 Пусть ткут пауки паутинки
 Меж трав и высоких ветвей!

И все в ожидании чуда
 Готовится встретить весну,
 И небо меняет посуду:
 Льет солнце и чистит луну!

И только одна напевает
 На кухне моей озорно!..
 И ласточки в небе свивают
 Весеннее нам полотно!

Капля мира

Считаю капли:
 Каждое – творение!
 О, как велик
 Создатель мирозданья!
 Считаю капли...

В плеске
 Голубого ливня:
 И зов ковчега,
 И слеза пророка,
 Синь моря...
 Кит...
 Мольба во чреве мрака...

И посох Мусы (Моисея),
 Разверзший волны
 По велению Бога...

И в каждой капле –
 мир для благодарных.
 И в каждой капле –
 горечь для «пустых».

Как долго может биться с небом птица?!

Теперь все листья можно посчитать,
Их на деревьях так осталось мало.
Ах, осень, ты, наверное, устала –
Грустить и верить, плакать и мечтать!

Как птица в небе – вечная любовь!
Как долго может биться с небом птица?!
И из последних сил взмывая вновь,
Она не верит, что должна разбиться!

Но так она поднимется наверх,
Что вниз теперь падет уже бессмертной!..
Такой любви хватило бы на всех...
Как птица в небе, вечно бьющей в
сердце...

Янтарное небо

Не навсегда уходит детство,
Оно, как звездочка во тьме,
В печали освещает сердце...
И согревает душу мне...

Как будто маленький ребенок,
Со мною за руку идет.
Не разберу, куда спросонок
Мой милый друг меня ведет.

Ах, постарел я незаметно!
И отрешенно клен молчит,
И птичка, что поет из клетки,
Со мной уже не говорит.

Спешащий в муравейник Кроша
Не машет весело, как встарь.
И сад давным-давно заброшен,
И неба опален янтарь...

Мой милый друг, я не прощаюсь,
Ты приходи ко мне опять!
...Я самому себе пытаюсь
О чем-то важном рассказать.

А навсегда уходит детство?..

Сны наяву

Какие тайны мнились мне,
В окне
 неопытной души.
Я – Робинзон... Во тьме. В глуши.

То птицей мчусь средь облаков...
Без слов
 не объяснить тревог –
Я столько в снах прошел дорог.

Зверей невиданных нашел.
За стол
 сбирались мудрецы.
Мы посещали все дворцы:

Рабы, тираны и льстецы,
«Творцы»
 безумных миражей!
Во тьме вершили Суд ножей.

Не скрыться от твоих теней!
И пусть всех дней
 немного остается мне
Не буду больше жить во сне.

Незримый ангел

Незримый ангел в мир принес тебя.
И вновь вернется, чтоб забрать с собою.
Незнанием мы не спасем себя,
И знанием спор не решим с судьбою.
Там, в глубине, «распятая» душа
Добром и злом пытается напиться.
Холодный разум смотрит не спеша
Сквозь тьму миров:
 туда ей возвратиться?!
Незримый ангел в мир принес тебя.

Нет имени у родины

Нет имени у родины. На сердце
У каждого отметина своя.
Как будто что-то вынес ты из детства...
И снова ты плывешь на свой маяк.

Раскрой ладони... – крошечное солнце
По линиям твоих усталых рук
Поднимется... И небо отзовется
Нам тысячей волшебных солнц вокруг.

Нет имени у родины? О сердце!

Башни в небесах

Слова, как звезды в небесах,
 над сердцем.
И каждый свой рисует «Млечный Путь».
А как они прекрасны были в детстве!
Но странный холод осквернил мне грудь.

И я не вижу прежних башен в небе,
И я бреду сквозь редких молний свет.
– Душа моя, ты отчего ослепла?
Она в ответ: «Я лишь иду вослед!»

Уходит старый город

Уходит старый город в никуда:
Ни лиц, ни стен, ни теплоты душевной...
Кафе... Такси... Электропровода...
Ведут, зовут куда-то ежедневно.

Никто уже не смотрит в небеса,
Витрины стынут от поникших взоров...
Я прошепчу таксистам адреса
И... замолчу, и взгляд потухший скрою.

Он умирает, старый город мой!
Все улицы давно уже забыты.
Мой юный друг!.. Бери, теперь он твой!
А я нашел крохотную обитель!

Все, что осталось, в сердце я собрал, –
Надежд давно разрушенных осколки!
Здесь оно все, что я всю жизнь искал...
Как книги, запыленные на полке.

Кому пишу

Я часто думал: а кому пишу?
Безмолвие меня сопровождало...
Кому я этот белый саван шью?
А в глубине душа моя дрожала...

Они привязаны

И у машин свои орбиты –
Они привязаны к Земле.
И облака насквозь прошиты...
И мы к мечтам своим прибиты –
Так свет звезды струит во мгле.

И у дорог свои мечты:
Они мечтают, что однажды
Пройдешь с открытым сердцем ты,
И примут небеса твои
Твою невиданную жажду.

Но каждый должен выпить сам
Из чаши истин и терпенья.

Восход так далеко

Восход так далеко...
 Не верю, что придет...
Луна ушла... И кто ее здесь ждет?
Собрались звезды в кучу, приуныли...
Тьма осмелела... Тихо обступила.

Дыханье встало. Вслушиваюсь в даль:
Неизмерима, как моя печаль!
Я начинаю двигаться наощупь,
Душа моя, скажи, на что ты ропщешь?!

Боишься ты могильной темноты
Иль неба, обнесенного свечами?
Иль осени багряные листья
И были эти письма между нами?

Дитя полночное

Не все хранится в небесах...
Не все хранится в сердце этом.
Луна так бьется, безответна,
Дитя полночное в слезах...

Не все постигнется умом,
И вечность сердцем не объемлешь.
Не здесь, увы, мой друг, твой дом!
Ты лишь на миг пришел на землю.

Но там, за небом голубым,
Там, за желаньями людскими...

Там и исчезнет этот дым,
Туда возьмешь ты только имя.

Не все хранится в небесах...
Не все хранится в сердце этом.
Луна так бьется, безответна,
Дитя полночное в слезах...

Державшие небо

Сколько улетало в небо птиц –
Сколько их – державших
в крыльях небо?!
Сколько... Сколько их – упавших ниц,
Оттого что сердце вдруг ослепло...
Сколько пирамид, пронзавших высь?..
Время стерло их предназначенье!
Время есть – друг милый, оглянись!
Жизнь свою не путай с его тенью!

Забятая книга

Ветер снова и снова
Удивленно листает
Забытую на веранде книгу.
Всего лишь две-три странички
На середине.
Мой дорогой читатель...

Каким я вижу этот мир

I

Каким я вижу этот мир?!
Каким его пытаюсь сделать?!
Мы сообща его творим,
Со всеми, кто в добро поверил.

II

Смотри, вот саженец в теплице
Живет заботою твоей.
А на дворе зима кружится
В холодной музыке своей.

III

Дари тепло рукой и сердцем:
Мелодия души – играй!
Как часто мы спешим одеться
В мечту!.. Мечта, не умирай!

Каким я вижу этот мир?!
Каким его пытаюсь сделать?!
Мы сообща его творим
Со всеми, кто в добро поверил.

История одной жизни

Детство

Три детства было у меня.
Одно я жил, не зная горя –
Ни одного такого дня,
Где нет прекраснейших историй!

Отцом и матерью любим,
Я рос, внимая птице счастья!
О, как мы долго-долго спим,
Не в силах совладать с Прекрасным!

Другим же детством жил другой...
Другой – холодный, безучастный.
Он думал: все само собой
Нас вынесет на берег Счастья!

Он принимал дары природы
И ничего не возвращал.
Да, это я таким уродом
Себя частенько замечал!

А третий – вечно недовольный, –
Я всех в своих грехах винил!
О, как я делал людям больно,
Насколько мне хватало сил!

Юность

Все трое выросли со мной,
На части разрывая сердце.
И тихо так исчезло детство,
Когда я потерял покой!

Явившись в радужную юность,
Трех птиц из детства я принес.
Я отпустил – они вернулись,
Не заблудившись между звезд!

Одно и то же делал трижды,
Любя и ненавидя все!

... В саду заброшенном моем
Цвели и отцветали вишни!

Мечтая, веря и любя,
Я мучился священным саном:
Родился человеком я,
А я хотел – всего лишь камнем!

Ну, значит, все не так уж плохо:
Не камень прячется в груди!
Как жаль, что брал я слишком много
На дни беспечные свои!

Старость

Ну, вот и все!.. Гляжу из бездны
И по-другому вижу мир.
Друзья мои, мне все известно,
И сердце чувствует эфир!

И детство, кажется, ушло,
Забрав с собой всю прелесть жизни.
Я прожил долго: повезло!
Но я теперь на свете лишний!

Друзья ушли тропею смерти,
Я сам им закрывал глаза.
Пока не поздно – сверьте карты:
Мы не туда идем, друзья!

Мы мало отдаем тепла,
Мы мало тратимся на мелочь.
Бегите со всех ног от Зла!
Вот, где нужна вся наша смелость!

Мой друг, тебе вручаю знамя!
Оно из самых дальних звезд
Вернулось, чтобы биться с нами:
Чтобы напомнить, ты здесь – гость!

Слезы во тьме

Люблю туман, люблю его безбрежность...
За слезы, уроненные во тьму.
За эту первозданность, и за нежность,
Присущую ему лишь одному.

Люблю туман за таинство жеманства,
За нежное касание его.
Как будто он мне дарит
все пространство,
И будто дальше – нету ничего.

Люблю за беззакатность,
безвосходность,
За полную сомнений жизнь и смерть,
За грусть его, за боль и безысходность,
За таинством охваченную твердь.

Вот так и ты, –
рожденная туманом,
Закрыла сердце нежным
талисманом.

Землянка на окраине Алхан-Юрта

...Землянка на окраине села...
Он умер. Помню старика:
Он на окраине селенья
Вскопал земли слегка-слегка,
Камыш завесил робкой тенью,
Привел жену издалека
И прожил жизнь без сожаленья...

Меня сомнение терзало,
Вонзилось в грудь, не отпускало...
О них услышав, всякий раз
Просил продолжить мне рассказ...
И уходил в воспоминанья,
Принадлежавшие не мне...
Все в прошлом. Да – теперь я знаю:
Они дарили свет луне,
Они срывали с крыши звезды,
Они делили этот воздух
Со всей вселенной пополам...
Такого счастья, вряд ли нам
Познать. Мы ищем в царстве мрака
Самих себя... А их барака
Едва касался мрак души...
Нет!.. Это мы живем в глуши...
Он умер...
В последний раз они слегка
Землей прикрыли старика...

Всего лишь краски

Небо
 Так таинственно
 Склонилось к закату,
 Что я понимаю:
 Даже солнце –
 Всего лишь краски
 Для кисти
 В деснице Творца.

У человека нет земли

У человека нет земли...
 Я только гость... у кромки снега.
 А я хочу в тот дом, где ты
 Жила со мною... человеком.

Где не спеша идет наш сын –
 Из школы в дом, из дома в школу...
 Я так хочу, чтобы он жил
 Умом и сердцем... и веселым.

Где ждет меня смешная дочь,
 И за окном куст белой розы...
 Как время нас уносит прочь...
 И мчится Солнце через звезды.

У человека нет земли...
 Я только гость... у кромки снега.
 А я хочу в тот дом, где ты
 Жила со мною... человеком.

За жемчугом дождя

Ночь подступила, тучами шумя.
 Дожди очередями взрыли землю...
 А я всем сердцем чувствую тебя,
 Уставшую и брошенную всеми.

Деревья стынут... Белый сарафан
 Отметил их, как патрулей дорожных.
 Я память отпускаю осторожно:
 Трепещет сердце от тяжелых ран.

А кто не мучим болью прошлых дней,
 А кто не скован холодом забвенья?!
 Но за печальным жемчугом дождей
 Манят меня таинственные тени!

Звезды в ночи

Дрожали звезды.
 Небеса
 Зовут сквозь тьму...
 Моя рука, протянутая к звездам,
 Речной коснулась глади...
 Здесь звезды прятались.

И солнце видеть невозможно!

И видеть солнце невозможно...
 Как смотреть
 На горы пламени и света?!
 Но там, где луч его падет
 Прекрасные сады и лето!

Ты Вседержавен, мой Творец!
 И онемевшее созданье
 Взирает на Твои... создания,
 Смиренно мчась в слепой полет!

И солнце видеть невозможно!

Святотатство

Цвет как цвет, но я знаю,
 что роза мертва!
 И вдыхать аромат – святотатство!
 Здесь когда-то волшебная фея жила,
 В лепестках укрывалась прекрасных.

Как спокойна, когда я касаюсь ее,
 Восхищаясь холодной
 слепой красотой.
 И не ранит колючек ее острие,
 Не смущает, когда она смотрит росой.

И как будто шепнула мне роза моя:
 – Краток век наш,
 друг милый, согласна...
 Ты печален – а значит, и роза жива...
 Ты печален – а значит,
 и смерть не напрасна!

.....
 Ты печален – а значит,
 и жизнь не напрасна!

Озарение

Меняют русла реки гор,
 Вонзаясь в плоть долин волшебных.
 И часто грохот их целебный
 Мне снится, будто бы в укор.
 И шаль заснеженных вершин,
 И птиц высокое паренье,
 И сон, как смерть... и пробужденье –
 Как будто это озаренье:
 «Один у мира Господин».

Грезы лета

Листва дрожала в предвкушеньи,
 По тонким линиям листа
 Роса скользнула, и мгновенье
 Ее держала пустота...

Последним летом наслаждаюсь...
 Что я пытаюсь сохранить?
 Как долго я с тобой прощаюсь!
 Как натянулась эта нить!

Я говорю с самим собою...
 Молчанье ангелы хранят.
 Все это – тайна... Тайна Бога!
 И лето – вечности обряд...

Любовь, расплесканная нами...
 Пришедшая на смену страсть...
 Ты сыт незрелыми плодами –
 Здесь негде яблоку упасть...

Но утро скоро... Дикой грушей
 Луна явилась. Небосклон
 Вот-вот накроет темной тучей.
 Но пройден, пройден Рубикон.

И задыхаясь от восторга,
 Я слышу песню грез своих.
 И одиночество от Бога,
 И песня только для двоих:

1

Под сень дубрав, во тьму лесов
 Давным-давно, как зверь я скрылся.
 И часто думал: я забылся –

Но это только сон мне снился,
 Как будто от земных оков
 Я наконец освободился.

2

Среди друзей моих лесных,
 Вдали от городского шума,
 Я снова научился думать.
 Но вновь тобою облик лунный
 Наедине со мною стих.
 И я опять горю безумьем.

3

Но подступившей тишиною
 Объят ничуть не меньше я,
 Слежу за бегом муравья.
 С лиан нависших белка ноет,
 Опять лиса кого-то гонит,
 И птица с белой головою
 Как ангел смотрит на меня.

4

Сойду чуть ниже к роднику,
 Воды напьюсь я ледяною,
 Но между мною и луною
 Творится невесть что такое –
 И снова я на берегу
 Стою в последний раз с тобою.

5

Но вечерет... Я один.
 Ловушка иль благословенье?
 Но я клянусь, ни на мгновенье
 Меня не тянет к вам из кельи –
 Я здесь один. Пусть Господин
 Мне вынесет свое решенье.

6

Я тихо погружаюсь в сон,
 Меж одиночеством и гладом,
 И тишины волшебным ядом...
 А в этой суете проклятой
 Я был безвременьем сражен.
 А ныне... ничего не надо.

И вот я умер...

И вот я умер. Слишком часто
Мне так хотелось рассказать –
Еще живой – о том, что счастье
Мне не давало умирать.

И вот я умер. Солнцем ясным
Все так же освещен мой край.
«И на челе его прекрасном –
Невыразимое – прощай!»

Я сам скажу живым о мертвом:
Живите сердцем и душой,
Ведь никаким святым эскортом
Не взвиться грешным над землей.

Храните сердце, вновь и вновь
Облагораживая честью,
Не превращайте в страсть любовь,
И не травите разум лестью.

И вот я умер. Ангел вынул
Мою измученную душу.
И Бог один... Мой Господин
Предсмертную молитву слушал.

...И вот я умер.

Чистая слеза

О, как ты жил!.. Как будто в омут
Бросался в каждый новый день!
Дождь очищенья грянул громом,
И «сине неба» пала тень.

Не утолить души голодной,
Но вдруг открылись небеса,

И пришел человек с окраины города поспешно

Брожу по окраинам развалин воспоминаний. Своих и чужих... И смутно то,
чем я хочу поделиться.

Пытаюсь пробраться в прошлое... 3000 лет назад... Плюс-минус 300 лет.
Собираю по кусочкам события, явления и дух того времени. Мне нужен
только один человек... Но, чтобы воссоздать его жизнь, нужно восстановить
следы его. Как отпечаток динозавра... «Хорошего динозавра». Говорят, дерево
баобаб живет 1000 лет...

И, наконец, с щеки холодной
Сбежала чистая слеза!

Тревожно сердцу

Тревожно сердцу... Слишком долго
Оно страдало на Земле...
А счастья было так немного
На этом странном корабле!

Вот почему знаменьем звезды
Покрыли темный небосвод.
Как жизнь прожить, увы, непросто!
Но небо нас несет вперед.

Как будто кто-то бросил камни
В пучину космоса... во тьму.
И жить, и умирать – так странно –
Свет – каждому, мрак – одному...

Я обратился к небесам

Я обратился к небесам,
К истокам созиданья мира.
И миллионы лет назад
Я видел одного – кумира...

Мир будто говорил со мной –
Сквозь долгий грохот сотворений.
И я считал его мгновенья
И слушал вечности покой...

Я чувствую весь миллиард –
Как умирают, вопрошая...
И жизнь, исполненную раем,
Земной испепеляет ад.

Драматургия

Муса Ахмадов

Денислота

Комедия в 9 картинах, с прологом и эпилогом.

Действующие лица:

ДЕНИСОЛТА

КЕЛИСАТ

БОВТА – ее брат

НАА – ее брат

АХА – ее брат

ШАЙЛАГАЗ – жена Бовты

ХАМА – старик

АЗМАН – старшина

ХАЗМАН – красноармейка

ЗАВАЛУ

БАГАЛ

БУГА

ОХОТНИК

МУЖЧИНА 1

МУЖЧИНА 2

ОДНОСЕЛЬЧАНАЕ

Действие происходит в чеченском ауле в 1935 году.

Пролог

Слышится, как играет дечиг-пондар¹. Хама появляется с песней.

ХАМА. Меня зовут Хама. Я одинок и живу в этом ауле Варши. Люди думают, что я не дружу с головой. Не так уж я и глуп, как они считают. У меня своя правда. Люди не понимают, почему я играю на дечиг-пондаре и почему смотрю в это стекло. Это моя тайна.

Вы, наверно, думаете, что в нашем ауле ничего не происходит? Происходит. И кое-что из этого вы сейчас сами увидите.

1 картина

Дом Бовты. Келисат забегает домой счастливая.

КЕЛИСАТ. Бобу! Наа! Аха!

БОВТА. Что такое? Моя сестренка! Что случилось?

КЕЛИСАТ. Я окончила ликбез!

БОВТА. Ой! Ты правда окончила?

Наа и Шайлагаз рассматривают документ.

¹ Дечиг-пондар – чеченский народный струнный музыкальный инструмент.

КЕЛИСАТ. Конечно. Теперь я умею читать и писать.

БОВТА. Ты, правда, умеешь читать?

КЕЛИСАТ. Умею! Смотри!

Открывает азбуку и читает.

Ама, Мама, Рама.

Абу, Буру, Бад.

Пийл, Поп, Падам.

БОВТА. И все это там написано?

КЕЛИСАТ. Это и еще много чего...

ШАЙЛАГАЗ. О Аллах, смилуйся! Смилуйся над нами.

НАА. Келисат!.. Келисат! А ты сможешь написать мое имя?

КЕЛИСАТ. Конечно, смогу!

Берет угольки и пишет на стене: «НАА».

НАА. Как это странно. Вот это кусок лестницы, это крыша, это палка и опять крыша.

КЕЛИСАТ. *(смеется)*. Это не крыша, это буква «А», это «Н», а это наше «1».
(пишет) Бовта. А это имя Бобу.

БОВТА. Мое имя? Почему я такой большой, а мое имя маленькое?

ШАЙЛАГАЗ. Красавица! Мое имя тоже напиши!

КЕЛИСАТ. Ой, а я забыла твое имя. Шилогусь, верно?

ШАЙЛАГАЗ. *(обижается)*. Никакое я вам не шило и тем более не гусь. Я дочь Газимухаммада и Хасипат – Шайлагаз. С высоких гор, глубоких обрывов и чистейших родников...

БОВТА. О, не начинай мне только, «Высокие горы, глубокие обрывы»... Кого ты этим хочешь впечатлить?

КЕЛИСАТ. Не обижайся, сестра... Твое имя тоже напишу. Шилогусь.

С песней заходит Аха.

АХА. Ярче Луны наш колхоз! Ярче солнца наш колхоз!

БОВТА. Пока ты поешь про свой колхоз, Келисат окончила ликбез.

НАА. Умеет читать и писать. А ты умеешь?

АХА. Я пока только буквы учу. Десять букв знаю. Келисат, покажи диплом. Ух, ты, какой красивый! Если не умру раньше, у меня точно будет такой же. Бобу, я не только ликбез окончу! Я поеду в город учиться на рабфаке!

БОВТА. С этим-то понятно, лучше скажи, чему ты за этот год научился?!

АХА. Я? Ярче луны наш колхоз...

БОВТА. Это я уже слышал. Что-нибудь еще?

АХА. Выходите в свет из тени адатов. Пресекайте тунеядцев! Рвите корни кулачества и укрепляйте социализм! Поднимем же флаг социализма выше! Дадим родине молока, масла и мяса!

БОВТА. Хватит, хватит! Молоко не трогать.

АХА. Я много чего знаю, Бобу. Ладно, я пошел.

ШАЙЛАГАЗ. Куда пошел? Покушай сначала.

АХА. Не могу, тороплюсь на кружок! Я ж активист! Энтузиаст! Времени нет!

ШАЙЛАГАЗ. Какая же ты счастливая, красавица... Ведь у тебя такой старший брат. Если бы у меня был такой брат, я бы тоже пошла учиться.

БОВТА. Да ладно тебе, женщина! О чем ты говоришь?! Бог знания не всем дает, только особенным... В нашем роду до нее таких не было, чтобы писать и читать умели. Это большое благо. Надо по этому случаю зарезать лучшего барана и устроить праздник. Эх-х, отец и мать! Если бы вы были живы, как бы вы гордились, ведь ваша дочь Келисат окончила ликбез!

НАА. А еще она умеет играть на гармошке.

КЕЛИСАТ. Я пойду к роднику.

Выходит счастливая.

БОВТА. Иди, Келисат, порадуй сверстников, скажи, что окончила ликбез.

Ведь совсем скоро ее замуж выдавать придется... Мне ж нелегко с вами, Наа, заменять для вас отца и мать. Всегда следить за вами.

ШАЙЛАГАЗ. За сестру свою не переживай. За ней ухаживают шестеро молодых парней из трех аулов.

БОВТА. Да брось ты этих бедняков! Сами впроголодь живут, как они жену прокормят? Сыну – потомство, дочери – приют! – говорил наш отец. Ведь и я женился на тебе, потому что говорят: чем дальше живет избранница, тем крепче потомство.

ШАЙЛАГАЗ (*обращаясь к Наэ*). Вспомнила! Вспомнила! Мой двоюродный брат – Сайдмахма! У него бы она точно нашла приют, а еще и муку кукурузную и пышных баранов.

БОВТА. Не говори мне об этом Турмахме! Одной тебя оттуда достаточно! Честно говоря, не вижу для Келисат достойной партии ни в нашем ауле, ни в близлежащих.

НАА. Не переживай за нее, Бобу. Весть о том, что Келисат окончила ликбез, быстро разлетится... тогда и сбегутся все парни...

БОВТА. Тоже правда. Мне ж потом и вас с Ахой надо поженить и обустроить.

ШАЙЛАГАЗ. А знаешь, о чем я подумала, Парень... У вашей дедушки ведь есть земля в лесу. Надо бы вам с братом там дом построить.

БОВТА. Ну, ты даешь, горянка! А оставить моих братьев рядом со мной и в планах нет?!

НАА. Бобу-у, я не хочу в лесу жить.

ШАЙЛАГАЗ. Да я же не это имею в виду, а просто...

БОВТА. Да знаю я, как ты говоришь! Лучше походи и принеси мне чурек с простоквашей! Проголодался я!

Удивительные создания эти женщины: что с горных вершин, что с равнин, что из-за Терека, отовсюду – все одинаковые. Мечтают родственников мужа куда подальше отправить.

Пошли на поле! Траву косить!

2 картина

У родника. Келисат ставит свой кувшин и начинает петь. Из-за кустов за ней наблюдает Денисолта. Вдруг он резко вскакивает и пускается в пляс.

КЕЛИСАТ. *(с испугом)*. Эй, ты что?!

ДЕНИСОЛТА. Танцую. Ты чего это, сама с собой танцуешь, как будто все мужчины мира вымерли?

КЕЛИСАТ. Я репетирую.

ДЕНИСОЛТА. Похоже, этот чудик Завалу всех в ауле с ума свел, кроме меня.

КЕЛИСАТ. Завалу – современный человек... А ты отстал от времени.

ДЕНИСОЛТА. Вот если бы посоревноваться в беге, я бы посмотрел, кто из нас отстанет. Ни одна из моих четырех коз не может обогнать меня.

КЕЛИСАТ. Вот достижение! Лучше скажи, зачем пришел.

ДЕНИСОЛТА. Я? Хочу сказать кое-что.

КЕЛИСАТ. Ну, говори.

ДЕНИСОЛТА. Келисат, когда я думаю о тебе, я поднимаюсь в горы, чтобы отправиться в Грузию и перегнать оттуда скот... Но потом вспоминаю о своих козах, боюсь их потерять и обратно спускаюсь...

КЕЛИСАТ. Тогда живи со своими козами.

Пытается уйти.

ДЕНИСОЛТА. Прошу тебя, не уходи!

КЕЛИСАТ. Так что ты хочешь от меня?

ДЕНИСОЛТА. Послушай мое сердце.

КЕЛИСАТ. Что, твое сердце песни поет?

ДЕНИСОЛТА. Поет, песни о любви.

КЕЛИСАТ. Надоели они мне уже.

ДЕНИСОЛТА. Не говори так... Келисат, дай воды тому, кого мучает жажда, дай тени тому, кого печет солнце, дай лекарство тому, кто болен.

КЕЛИСАТ. Хочешь пить – пей из родника, хочешь тени – найдешь ее в кустах, в которых ты сидел. А если болен, походи к целительнице Пери, она тебя дымом вылечит.

ДЕНИСОЛТА. Нет, Келисат, только тебе под силу меня излечить! Выходи за меня, Келисат!

КЕЛИСАТ *(удивленно)*. Я? За тебя? Я окончила ликбез, играю на гармошке, и ты, который вместо подписи ставит отпечаток пальца? Ты же бедняк! Как я могу выйти за тебя, ведь я сестра трех братьев, которые владеют восемнадцатью коровами и двумя лошадьми? Да я девушка, за которой ухаживают шестеро именитых парней из трех аулов. Этому никогда не бывать!

ДЕНИСОЛТА. Не говори так, Келисат! Клянусь могилой своего отца, если ты выйдешь за меня, работа, которую ты будешь делать... это собирать листья в саду...

КЕЛИСАТ. Постой! Постой! Дальше сама знаю: «И буду бить тебя я в гневе лишь лепешкой, а вслед бросать лишь сахарные кубики...»

ДЕНИСОЛТА. Чистая правда.
КЕЛИСАТ. Лучше послушай мою песню.

Если сладкое, как мед,
То, что любит весь народ,
 Попрошу тебя я бросить,
 Сможешь ли ты это бросить?

ДЕНИСОЛТА. Легко.

КЕЛИСАТ. Если что-то перца горше,
 То, чего народ не хочет,
 Попрошу тебя я скушать,
 Стал бы для меня ты это кушать?

ДЕНИСОЛТА. Да вся моя жизнь горше перца.

КЕЛИСАТ. Мысль ты понял. А съел бы ты такое?

ДЕНИСОЛТА. С легкостью съем.

КЕЛИСАТ. Тогда съешь эту грязь.

ДЕНИСОЛТА. Эту?

КЕЛИСАТ. Да, эту.

Денисолта берет грязь и ест.

ДЕНИСОЛТА. Какая вкуснятина!

КЕЛИСАТ. Ничего себе, да ты с ума сошел! Так ты серьезно? Да ты можешь, что угодно выкинуть...

ДЕНИСОЛТА. Келисат... Ты меня с умаводишь...

КЕЛИСАТ. Ведь у тебя ничего нет, как же ты калым заплатишь?

ДЕНИСОЛТА. Пусть это будет моей проблемой.

КЕЛИСАТ. Тогда – серебряный кинжал с поясом и десять рублей деньгами.

ДЕНИСОЛТА. Правда? А если я сегодня принесу?

КЕЛИСАТ. Да хоть сейчас...

ДЕНИСОЛТА. Мед тебе на язык, зато я грязи наелся. «Всему бы получиться, всему бы свершиться!» Ну, ты, Денисолт, даешь! Вот это я понимаю, языком владеть! Вроде бы, дела не плохи, но где же достать серебряный кинжал с поясом и десять рублей? Мои козы? Эх, за них столько не заплатят. Надо все же к Хама заскочить. Уж он-то придумает, что делать.

Уходит.

3 картина

Хама сидит на пеньке. Перед ним проходит Келисат. Хама смотрит ей вслед.

ХАМА. Эх, мир невероятный, если бы ты был так же прекрасен, как когда смотришь через это стекло... Синим, синим... А ведь когда-то был таким.

Солнце светит ярко,
Кругом овцы пасутся,
Потом они на водопой пойдут...

Эх, жизнь скоротечная. Какой ясный день был, когда я впервые запел. Какая же ты была! Была как сияющее Солнце! Я о дочери Садаки, Пезилат. Помню, как я с ней говорил, остроумничал. Она улыбалась мне в ответ, как утренняя звезда. И песня тогда сама родилась во мне!

Солнце светит ярко,
Кругом овцы пасутся,
Потом они на водопой пойдут и...

Хама видит Келисат.

КЕЛИСАТ. Добрый день, Хама. Вышел воздухом подышать?

ХАМА. Да возлюбит тебя Аллах! Куда идешь, Пезилат... Вернее, Келисат...

КЕЛИСАТ. Иду на кружок.

ХАМА. Хорошей дороги тебе.

Смотрит вслед через стекло. Появляется Аха.

АХА. Добрый день, Хама!

ХАМА. И тебе того же!

АХА. Эх, Хама, как же мне тебя жалко. Состарился, так и не женившись.

ХАМА. И поэтому ты так стараешься не быть мужчиной?

АХА. Хи-хи-хи!

Ярче Луны наш колхоз!
Жарче Солнца наш колхоз!
Цветет и пахнет наш колхоз!
Спешу попасть в ряды колхоза!

ХАМА. Будь ты мужчиной, не пел бы эти песни.

АХА. Твои слова – предрассудки темного прошлого.

Уходит. Появляется Бовта. Видит Хаму и смеется.

БОВТА (*смеется*). Ва-ха-ха-ха! Бедняк Хама, бедняк! Ты чего это тут расселся?

ХАМА. Да так, сижу. Что это у тебя?

БОВТА. Это серебряный кинжал и пояс, решил продать. Может, ты купишь, бедняк? Женился бы ты, если б мог, беднячок! Имя прямо подходящее – Бедняк. Ну ладно, бедняк, пошел я. Смотри в свою стекляшку почаще, быть может, тайны жизни увидешь. Тайны мироздания. Бедняк Хама! Кто со смекалкой, тот ест, а остальные смотрят им вслед, как ты. Бедолага! Вот тебе и вся тайна жизни!

Уходит.

ХАМА. Тоже мне, счастливчик! «Хама бедняк, бедолага!» Две курицы ему три яйца снесли, и он возомнил себя ханом. Все бедняки, кто смертен. К счастью, смерти-то никому не избежать.

Смотрит через стекло. За его спиной появляется Денисолта.

ДЕНИСОЛТА. Мира тебе!

Обнимает Хаму.

ХАМА. Ты чего это! Уронишь! Поставь на место!

ДЕНИСОЛТА. Ишь ты, каким сделался, даже на приветствие не отвечаешь!

ХАМА. Ты сначала отпусти меня, тогда отвечу. Вот так. И тебе добра и мира. Ты чего это такой счастливый?

ДЕНИСОЛТА. Скажи мне одну вещь, Хама. Зачем ты смотришь в это стекло? Мир ведь и без него прекрасен.

ХАМА. Похоже, тебе он и правда понравился. Рассказывай, в чем дело!

ДЕНИСОЛТА. *(танцует).*

Всему бы получиться!

Всему бы случиться!

Женится твой друг скоро!

Всему бы получиться,

Всему бы случиться!

ХАМА. В таком случае надо поторопиться со свадьбой. Видишь, как я, все откладывал на завтра и остался ни с чем. Если не хочешь быть до смерти одиноличником, как я, надо поспешить.

Эх, моя Пезилат! Знаешь, о ком я? Я про ту самую, что замужем за Багой, который живет повыше от нас, она ведь ему одиннадцать детей родила. Ох, какой же она неотразимой была в тот день! Какой сладкой была жизнь тогда, какой приятной! В тот день мое сердце невольно запело и заиграло. Думаешь, она не хотела выйти за меня замуж? Хотела. Просто я никак не мог решиться. «Как можно жениться, если у тебя даже коровы нет?» – подумал я. И начал копить деньги на корову. Прошел год, пока копил деньги. В один дождливый день я возвращался с рынка в Шатое, купив себе корову, а мне навстречу соседка с новостями, которых не пожелаешь и врагу: «Говорят, твоя Пезилат вышла замуж за Багу...»

Я стоял как вкопанный. Долго я стоял под дождем. Когда же я пришел в себя, соседки уже не было рядом, как и моей коровы. Корова-то стояла во дворе, сено жевала. Видать, я долго простоял под дождем, ведь корова почти все сено сожрала.

Потом я поехал в Хуланды, сватался к одной горянке. Но, на мою беду, у нас в ауле хворь появилась, и моя корова вскоре сдохла. Вот так и прошли мои годы. Дурак я, понимаешь, ведь корову-то можно было и после свадьбы купить!

ДЕНИСОЛТА. Что было, то было, Хама. Теперь, если не хочешь, чтоб твой

друг повторил твою судьбу, помоги достать серебряный кинжал с поясом и десять рублей деньгами.

ХАМА. Ух, ты! Это что же за принцесса такая с такими высокими запросами?

ДЕНИСОЛТА. Келисат.

ХАМА. Сестра Бовты? Окончила ликбез, играет на гармошке – эта Келисат?

ДЕНИСОЛТА. Да. А ты чего это так удивился? Думаешь, я парень промах?

ХАМА. За нее немного, хоть в десять раз больше плати. Она ведь совсем, как Пезилат...

ДЕНИСОЛТА. Ага, как Пезилат. Даже десять твоих Пезилат не сравнятся с ней!

ХАМА. Не говори так.

ДЕНИСОЛТА. Ладно, ладно, пусть будут одинаково красивыми. Что с калымом-то делать?

ХАМА. И в долг-то просить не у кого.

ДЕНИСОЛТА. Просить-то есть у кого, а вот дать некому.

Пауза.

ХАМА. Придумал! Если ты не побоишься сделать. Давай поближе. Нельзя о таком вслух говорить.

Хама говорит ему что-то на ухо. Денисолт удивляется.

ДЕНИСОЛТА. Да нет, ты что, нельзя же так поступать!

ХАМА. Нет ничего, что нельзя сделать на этом свете.

ДЕНИСОЛТА. А как потом замять это дело?

ХАМА. Нау я возьму на себя, он считает меня мудрецом.

ДЕНИСОЛТА. Пока есть Бовта, до Наи это и не дойдет.

ХАМА. А если муллу отправить?..

ДЕНИСОЛТА. Будет он тебе муллу слушать! Он даже молится, лишь когда заболит.

Опять задумались.

ХАМА. Будь ты в комсомоле, что-то еще можно было бы провернуть. А-а, старшина аула Азман, она ведь жесткий человек, у нее слово «революция» вместо молитвы.

ДЕНИСОЛТА. Кстати, я слышал, что Бовта боится ее... Хотя...

ХАМА. Вот она все и решит, если ты запишешься к ней в ТОЗ.

ДЕНИСОЛТА. Да я готов хоть в ТОЗ, хоть в ТАЗ вступить. Короче, надо пойти и попробовать. Если дело выгорит, подарю тебе тележку дров и сена.

ХАМА. Хорошо. Эй, Солта. Азим спросит за то, что ему обещано.

Оба смеются. Денисолта уходит.

ХАМА. Однажды вдова Тоа попросила нарубить дров слабоумного Азима, пообещав ему в благодарность выдать за него замуж свою дочь Зелимат. Азим наломал веток и сказал ей:

– Давай сюда дочь!
Тоа рассмеялась и ответила:
– Ну, даешь, Азим, я же пошутила!
– Так дело не пойдет, Азим спросит за то, что ему обещано, – сказал он и украл ее дочь Зелимат, когда та возвращалась с родника. Кувшин упал на землю и вода утекла...

Хороший у меня друг. И печалью, и радостью он делится со мной. Каждый раз, как украдет у кого курицу, приходит с добычей ко мне. Что бы я делал без него?

4 картина

Бовта сидит на паднаре и кушает. Рядом с ним сидит Наа и о чем-то думает. Вдруг слышится лай собаки.

БОВТА. Эй, слышишь?

ШАЙЛАГАЗ. Что такое?

БОВТА. Посмотри, кто там пришел.

ШАЙЛАГАЗ. Сейчас посмотрю. Иду, иду.

Шайлагаз встречает Денисолту.

ШАЙЛАГАЗ. (собаке) Иди, уходи, я сказала! Ух, ты, парень, ты что ли? А муж как раз говорил, что ему вчера кошмары снились.

ДЕНИСОЛТА. Если б это к моему приходу, снилось бы только хорошее.

ШАЙЛАГАЗ. Да я ж не это имею в виду, а просто так...

Денисолт заходит следом за ней к Бовте.

БОВТА. О-о, это как же тебя, бедняк – имя прямо подходящее вам дали, – ха-ха-ха! Это как же тебя занесло в мой мир, куда ни хищники, ни птицы не суются, Денисолт-бедняк?

ДЕНИСОЛТА. Я почему пришел... Кто же во всем нашем Варши, вернее, во всем мире, самый щедрый, благородный, почтительный и еще раз – щедрейший человек? – задались мы вопросом с моим двоюродным братом Хамби. А Хамби ведь надо жениться. Его будущая невеста запросила калым: серебряный кинжал с поясом и десять рублей деньгами. Мне бы занять их у кого...

БОВТА. Не думаешь же ты, что я дам?

ДЕНИСОЛТА. А кто же, если не ты? Ведь ты во всех Варшах, во всей Чечне и в горах и на равнине прослыл самым щедрым, благородным, почтительным и еще раз щедрым человеком!

БОВТА. Ва-ха-ха!

Денисолт делает знак и во дворе появляются мулла и еще три человека.

ДЕНИСОЛТА. Ансамбль «Голос гор».

Наш щедрый и храбрый Бовта!

ЧЕТВЕРКА

Не спеши ты затевать ссору,
Нету повода раздорам,
Освети добром ты имя,
Что напишут золотыми!

ДЕНИСОЛТА

Наш щедрый и храбрый Бовта!

ЧЕТВЕРКА

Поспеши полезть в карман,
Щедрости ты караван
Покажи сейчас же нам!

После этих слов Денисолта начинает хлопать. Бовта ставит кружку и встает. Один из четверки, самый маленький ростом, который пьяным пришел, начинает плясать перед бовтой. Бовте это нравится, он тоже ему аплодирует. В один момент танец выходит из-под контроля. Товарищи поднимают танцора и выводят его со двора. Бовта, как замороженный, смотрит им вслед.

БОВТА. Что это было? Кто эти люди вообще?

ДЕНИСОЛТА. Ансамбль из Нажи-Юрта.

Бовта смеется и довольный залпом выпивает кружку молока.

БОВТА. Ладно, дам тебе я в долг...

ДЕНИСОЛТА. Не волнуйся, я сразу верну тебе все...

НАА. Как он вернет тебе долг, если он бедняк – хорошее имя... хи-хи...

БОВТА. Бовте он вернет все до копейки. Если у него не будет, у его родни заберу. Эй, слышишь? Принеси из дома серебряный кинжал с поясом!

ДЕНИСОЛТА. И десять рублей...

БОВТА. И десять рублей.

ШАЙЛАГАЗ. Сейчас принесу.

БОВТА. Если бы я не был мужчиной, чтобы забрать свое, меня бы и Бовтой не звали.

Жена выносит кинжал, пояс и деньги. Бовта отдает Денисолте.

ДЕНИСОЛТА. Я скоро все верну. Если успею, даже сегодня или завтра...

БОВТА. Ва-ха-ха, посмотрим. Простокваши будешь?

ДЕНИСОЛТА. Спасибо, на здоровье. Чтоб ты подавился...

Уходит.

5 картина

ОХОТНИК. И что же она собирается мне сказать? Бросил охоту и примчался к ней прямо с гор.

Заходит Багал.

БАГАЛ. Мира тебе!

ОХОТНИК. И тебе того же. Ты чего это тут забыл?

БАГАЛ. Ехал за товаром в город, а оттуда в Астрахань собирался... Избранница позвала к роднику, вот бросил все и примчался.

ОХОТНИК. И я так же.

Появляется Буга.

БУГА. Мира всем вам!

БАГАЛ. И тебе того же!

ОХОТНИК. А ты с какого боку?

БУГА. Меня возлюбленная пригласила. Год назад она согласилась встречаться, а теперь, думаю, и о браке решила поговорить.

Появляется Завалу.

ЗАВАЛУ. Всем рабочим и пахарям привет!

БУГА. И тебе не хворать.

ОХОТНИК. Это что за приветики ты тут бросаешь? Салам говорить надо...

ЗАВАЛУ. Салам-пополам – это все избытки темного прошлого. Надо от них избавляться и выходить в свет. Учение – свет, а неученье – тьма.

БАГАЛ. Это что за одежда на тебе? Клоун, что ли?

ЗАВАЛУ. Нет. Я учитель. Даю знания и молодым, и старцам. Укрепляю власть рабочего класса.

Советский союз – счастья лучик,

Гонит прошлое, как тучи.

Там, где суша, нынче воды,

Если надо, снесем горы...

ОХОТНИК. Эй, горы только не трогай. Оставь мне место для охоты.

Появляется Келисат.

КЕЛИСАТ. Добрый день. Приветствую вас всех.

ВСЕ. И тебе доброго дня.

ОХОТНИК. Ходил я на охоту. Ведь вкус свежего козьего мяса, пожаренного на огне, ни с чем не сравнить. Там на границе, где заканчиваются наши земли и начинается Грузия, я сидел в засаде на горного козла и держал его на мушке, но тут пришла весточка от тебя, и я не стал терять времени, даже нажимая на

курок ружья. Я тут же бросил все, отпустил этого дикого козла дальше пастись на вершинах гор и примчался к тебе.

КЕЛИСАТ. Как хорошо, что ты его не застрелил, ведь у него могли быть козлята.

ОХОТНИК. Как у него могут быть козлята, если он козел?

БАГАЛ. Я уже выехал в город и хотел оттуда поехать в Астрахань за дорогими тканями, но потом нанял экипаж... потому что ты позвала...

БУГА. Позвал писарей, чтобы посчитать овец. У нас ведь их очень много. Если начало отары у нас во дворе, то конец где-то у подножья гор. Пытались их сосчитать, но я бросил все и примчался по твоему приглашению...

КЕЛИСАТ. Прости, что прервала...

ЗАВАЛУ. Пстой, пстой, говоришь, у вас столько овец? До вас, что советская власть не добралась? У вас активистов нет?

БУГА. Активисты есть. Раньше стадо было моим. Теперь принадлежит колхозу. А я председатель колхоза...

ЗАВАЛУ. Вот оно как?

БУГА. Да, так. А ты чего это меня допрашиваешь? Ты из НКВД, что ли?

ЗАВАЛУ. Эх, если бы! Будь я из НКВД – так бы облегчил свою душу. Но когда-нибудь я еще к ним примкну. Вперед, к свету социализма!

КЕЛИСАТ. Я зачем вас позвала... Правда, здесь должен быть еще один...

ОХОТНИК. Еще один? Кто это?

КЕЛИСАТ. Хуталбек из Поппар-Ина. Может, с ним что приключилось? Впрочем, можете передать и ему мои слова.

БУГА. Какие слова?

КЕЛИСАТ. Как вы знаете, я общалась с каждым из вас...

ОХОТНИК. Я думал, только со мной...

БАГАЛ. Я тоже.

БУГА. И я...

ЗАВАЛУ. Только не я.

КЕЛИСАТ. Общалась со всеми, потому что имею на то право. И никто не может меня упрекнуть в чем-то, но сегодня...

ОХОТНИК. Сегодня настал судьбоносный день. Как долго я мечтал о том, как возвращаюсь на рассвете с охоты с тушей убитого горного козла. Как мы с тобой жарим его мясо на костре и кушаем его вместе...

БУГА. Как давно я желаю видеть тебя во главе писарей, считающих наших овец, чтобы ты могла точно сосчитать наше состояние...

БАГАЛ. Как хорошо бы ты смотрелась в нашем большом доме среди рулонов дорогих тканей, выбирая себе любой на вкус...

ЗАВАЛУ. Я уверен, Келисат, что ты выберешь меня, выйдешь из этой черной дыры в свет социализма и будешь строить новую жизнь в новом мире вместе со мной... Правда, не знаю, зачем ты этих неучей собрала...

КЕЛИСАТ. Завалу, это большой груз строить новый мир... Я с этим не справлюсь... Поищи для этого другую спутницу...

ЗАВАЛУ. Что ты говоришь?

КЕЛИСАТ. Багал, выбирать среди дорогих тканей я тоже не смогу...

БАГАЛ. Не говори так!

КЕЛИСАТ. Буга, ты сможешь найти жену, которая будет считать овец лучше меня.

БУГА. Не смогу!

КЕЛИСАТ. Попробовать на вкус мясо горного козла, пожаренного на костре, я тоже не желаю...

ОХОТНИК. Ох, это выстрел в сердце!

КЕЛИСАТ. Хочу поблагодарить вас всех за то, что общались все это время со мной. Неожиданные новости обо мне могли разбить вам сердца, поэтому решила сказать вам это лично.

БАГАЛ. Вот это новость! Обычно парни бросают девушек, а тут все наоборот: одна девушка бросает сразу четверых!

КЕЛИСАТ. Как говорит Завалу...

ЗАВАЛУ. Да, это я...

КЕЛИСАТ. В новой жизни должны быть новые обычаи... Это мой новый обычай... Прощайте...

Уходит.

ЗАВАЛУ. Да сгинет во тьме невежества это село! Больше ни минуты здесь не проведу. В город! В город! Укрепляя социализм, шагайте вперед к коммунизму! Пошли за мной, неучи...

Убегает.

ОХОТНИК. Эту дичь я уже упустил, надо скорей вернуться за тем горным козлом...

Стреляет в воздух.

ОХОТНИК. Эй, стой! Стой, сказал!

БАГАЛ. Нет мне радости больше ни в овцах, ни в колхозе.

БУГА. Весь мир помрачнел.

Появляется Денисолта.

ДЕНИСОЛТА. Мира вам, друзья!

БАГАЛ. И тебе того же. Ты, случайно, не Хуталбек из Поппар-Ина?

ДЕНИСОЛТА. Почему спрашиваешь?

БУГА. Да есть тут одна девушка по имени Келисат...

ДЕНИСОЛТА. Знаю такую... И что?

БУГА. Да она только что нас двоих и еще двоих поблагодарила и бросила.

ДЕНИСОЛТА. Ну, ты даешь, Келисат! Вот это девушка, я понимаю!

БАГАЛ. Если ты Хуталбек из Поппар-Ина, сказала тебе то же самое передать.

ДЕНИСОЛТА. К счастью, я не из Поппар-Ина и тем более не Хуталбек.

БУГА. Неужто это она тебя выбрала?

ДЕНИСОЛТА. Не знаю, о чем вы, парни. Но если вы пойдете ко мне в гости, угощу мясом одной из моих четырех коз... и даже выпивку поставлю.

БУГА. Не голодны мы, чтоб твою козу есть. И не томимы жаждой, чтоб выпивкой угощаться.

ДЕНИСОЛТА. Ну и хорошо, что вы сыты... Кстати, на днях здесь, возможно, будет праздник по случаю свадьбы...

БАГАЛ. На свадьбу можно будет сходить...

БУГА. Постой, ты чего это пояс с кинжалом на шее носишь? Продаешь, что ли?

ДЕНИСОЛТА. Не продаю. Сегодня вернуть надо. Не мое.

БАГАЛ. Зачем тебе пояс и кинжал на один день?

ДЕНИСОЛТА. Этого я не могу сказать. Если не остаетесь, желаю вам хорошей дороги.

Гости уходят.

6 картина

Утро. Бовта спит. Шайлагаз забегает с криком.

ШАЙЛАГАЗ. Ва-а, что с нами произошло! Что с нами произошло!

БОВТА. Во-о-о! Что случилось! В чем дело? Ты что, простоквашу разлила?

ШАЙЛАГАЗ. Не разлила, не разлила... Я умираю... умираю...

БОВТА. Да что случилось, скажи уже!

ШАЙЛАГАЗ. Наша девочка вчера вышла замуж за того парня...

БОВТА. За кого?

ШАЙЛАГАЗ. Того, который приходил вчера...

БОВТА. Что? Денисолта? За этого труса, наша Келисат, которая окончила ликбез и играет на гармошке?

ШАЙЛАГАЗ. Да! Вот калым передали.

БОВТА. Что? Да это же кинжал с поясом, которые я ему одолжил! И мои десять рублей! Наа! Мои, с порванным уголком!

НАА. Да чтоб я сдох! Что еще?!

БОВТА. Келисат вышла замуж за Денисолта.

НАА. За него? Окончила ликбез и...

БОВТА. Да, и играет на гармошке. Наша Келисат. И смотри, что нам вернули... Во-о!. Несите мой пистолет, кинжал и ружье! Бовту вокруг пальца просто так не обведешь!

Берет оружие и уходит.

7 картина

Азман сидит с документами. Заскакивает Денисолта.

ДЕНИСОЛТА. О, Азман! Азман, помоги мне!

АЗМАН. Да, что случилось-то? Что случилось! Заявился, как сумашедший осел. Нет, чтобы поздороваться хотя бы!

ДЕНИСОЛТА. Дверь, закройте дверь!

АЗМАН. Зачем ее закрывать? Никто сюда и носа не сунет, хоть всю ночь открытой держи!

ДЕНИСОЛТА. Ну, я же зашел...

АЗМАН. Ой, и правда зашел. Красноармейка Хазман! Никого сюда больше не запускать! А ты выкладывай, чья собака за тобой погналась.

ДЕНИСОЛТА. Ах, если бы собака! Волк погнался, волк!

АЗМАН. Революция! Революции не страшны никакие волки! Кто за тобой гонится?

ДЕНИСОЛТА. Да, он же... он...

АЗМАН. Кто он?

ДЕНИСОЛТА. Бовта! Мурашки по телу, даже когда его имя произношу.

АЗМАН. А, этот... Ровно двух коров не хватило, чтобы объявить его кулаком и отправить в Сибирь леса рубить.

ДЕНИСОЛТА. В Сибирь-то его не надо...

АЗМАН. Я что, без тебя не знаю, что с ним делать?! Думаешь, я пожалела его из-за двух коров? Какое там! Чего стоит двух коров дописать-то! Я вам не собака, хоть в селе все так и считают. Когда из-за хвори наш скот пал, мама Бовты подарила нам теленка, чтоб мы смогли восстановить наше хозяйство. Я хоть и была тогда мелкой, а все помню. И не забуду... А теперь говори, почему Бовта за тобой гонится? Что ты сделал?

ДЕНИСОЛТА. Женился на его сестре.

АЗМАН. По согласию девушки?

ДЕНИСОЛТА. Конечно.

АЗМАН. Это не сложно будет решить. Революция дает право любой горянке выходить замуж по любви. Революция!

ДЕНИСОЛТА. Я заплатил ему калым... серебряный кинжал с поясом и десять рублей деньгами...

АЗМАН. Так это же хорошо... Хороший калым... постой-ка... Откуда у тебя кинжал с поясом? Ты же бедняк... Ты что, клад в земле нашел?

ДЕНИСОЛТА. Нет... Я одолжил у Бовты кинжал с поясом и десять рублей...

АЗМАН. И что?

ДЕНИСОЛТА. Утром одолжил, а вечером вернул в качестве калыма и женился...

АЗМАН. Ой, то есть ты заплатил Бовте калым его же вещами?

ДЕНИСОЛТА. Да, и его же деньгами...

АЗМАН (*смеется*). Ха-ха-ха! В жизни такого не слышала... Ха-ха-ха! Сколько раз тебе говорить, закрой эту хлебoreзку! Хазман! Неудивительно, что Бовта погнался за тобой и что хочет убить, после такого...

ДЕНИСОЛТА. Не дайте ему убить меня... В день свадьбы-то... Не жалко вам меня?

АЗМАН. Не жалко! Тебя посадить за такое надо! Обманул человека, который доверился тебе!

ДЕНИСОЛТА. Вот тебе на... Бежал от волны и под огонь попал...

АЗМАН. Но... Из-за того, что ты бедняк, я помогу тебе. Это ведь власть бедняков.

ДЕНИСОЛТА. А я бедняк... да...

АЗМАН. Но ты отделяешься от коллектива и сам пасешь своих коз... Так не пойдет... тебе надо вступить в колхоз!

ДЕНИСОЛТА. Я согласен! Согласен!

АЗМАН. Если согласен, будешь теперь главным пастухом. А твоих коз мы припишем к общему хозяйству.

ДЕНИСОЛТА. Согласен! Я согласен.

АЗМАН. Коли согласен, встань ровно и повторяй за мной гимн нашего колхоза.

ДЕНИСОЛТА. Я готов!

АЗМАН. Да осветится наш колхоз!

ДЕНИСОЛТА. Да осветится наш колхоз!

АЗМАН. Он пахнет как бутоны роз!

ДЕНИСОЛТА. Он пахнет как бутоны роз!

АЗМАН. Дает нам мясо наш колхоз!

ДЕНИСОЛТА. Дает нам мясо наш колхоз!

АЗМАН. И гонит прочь жуков навозных!

ДЕНИСОЛТА. И гонит прочь жуков навозных!

АЗМАН. Я поздравляю тебя от всей души...

ДЕНИСОЛТА. Я поздравляю тебя от всей души...

АЗМАН. Постой... Это я тебя поздравляю... со вступлением в колхоз. Повяжешь руку этой красной лентой. Революция!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Уходят с песней.

8 Картина

Во дворе у Бовты сидят Наа и Хама.

НАА. Хама, скажи, что ждет людей, которые грешили в этом мире: их будут просто так жечь в аду или будут жарить на сковородке?

ХАМА. Их, Наа, закинут в большую кастрюлю и будут кипятить в горящем масле.

НАА. Эх, жизнь-жестянка...

ХАМА. Послушай, Наа, все в этом мире происходит лишь с позволения Аллаха, потому и говорю тебе...

НАА. Да я-то не против. Просто не знаю, что Бовта будет делать.

Появляется Бовта.

БОВТА. Дома его нет, сбежал. Но от меня не убежит...

Видит Хаму.

БОВТА. А ты чего приперся? Пошел отсюда! Проваливай, я сказал!

ХАМА. Сейчас... Моя шапка!

БОВТА. Вот она, твоя шапка!

Бовта швыряет прочь его шапку. Хама поспешно уходит. Слышатся голоса. Появляются мулла и три человека с песнопением:

От выстрела в тело молоко не пойдет,
Чем войны вести, лучше быть нам родней.
Прими то, что есть, и беда прочь уйдет,
И благо Аллаха в твой дом снизойдет.

БОВТА. Так, и что дальше?

МУЖЧИНА 1. Мы по делу одному...

БОВТА. Ааа, дело, говорите? А как поживаете? Все здоровы? Простокваши не желаете?

МУЖЧИНА 2. Нет, не желаем.

БОВТА. А вкусно очень, вместе с кукурузной лепешкой, когда насыпаешь ее на простоквашу...

МУЖЧИНА 1. Приятного аппетита вам... мы-то по тому делу...

БОВТА. Да оставьте вы это дело! Хотите, я для вас землю копать буду...

МУЖЧИНА 3. Нет мертвых у нас, чтоб ты им могилы копал.

БОВТА. Это хорошо, что вы все живы и здоровы. Лучше простокваши хлебните, и чурек очень вкусный. Я и сам всегда ем...

МУЖЧИНА 1. Мы уходим. Не ожидали мы, что ты нас так радушно примешь.

БОВТА. Как уходите? Если торопитесь – конечно, уходите. Может, вам мяса вяленого дать? Очень вкусно, между прочим, когда с галушками, запивая бульоном. Но если вы спешите, что поделать? Прощайте.

Гости уходят.

БОВТА. Наа, это уже второй позор для нашей семьи. Лет десять назад наш дядя Пхара поставил могильный камень своей жены на чужую могилу, потом ссорился с их родней, мол, камень его жены украли. Вот тогда мы впервые опозорились. И теперь еще раз. Поэтому мы втроем – я, ты и Аха – должны смыть с себя этот позор.

НАА. Вот что значит, что беда остается в четырех стенах.

БОВТА. Точно. Где Аха? Аха?

АХА. Что такое?

Появляется Аха.

БОВТА. Ты где ходишь?

АХА. Был в кружке (*поет*):

Ярче луны наш колхоз,
Жарче солнца наш колхоз...

БОВТА. Не до песен нам сейчас, ты хоть знаешь, что с нами случилось? Келисат вышла замуж за этого Денисолту...

АХА. Ну надо же ей было за кого-то выйти? А калым и все прочее, это избытки темного прошлого, говорит Завалу.

БОВТА. Ах ты, сопляк! Твои штаны – это избыток прошлого, почему не снимешь их... Чтоб ты помер...

Появляется Азман и красноармейка Хазман.

АЗМАН. Революция!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступим с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

БОВТА. Ты куда козу спрятал?

АЗМАН. Бовта, знаешь, кто ты?

БОВТА. Середняк... Но не кулак.

АЗМАН. Тебе не хватает ровно двух коров до кулака, а сейчас ты середняк.
А середняк – это элемент, который играет на ветру.

БОВТА. Это не я, это Аха играет на ветру со своей хромотой...

АЗМАН. И ты тоже... А вот Денисолта бедняк, со вчерашнего дня следит за хозяйством ТОЗа, и в обиду мы его не дадим.

БОВТА. Нет, Азман, так дело не пойдет...

АЗМАН. Революция! Будь осторожней, Бовта!

БОВТА. Да не сердись ты... Люди будут над нами смеяться...

АЗМАН. Зачем смеяться? Девочка просто замуж вышла...

БОВТА. Но калым, который он дал...

АЗМАН. А ты не говори людям, что все это ему в долг давал.

БОВТА. А это мы уже разбазарили...

АЗМАН. Если будут спрашивать, скажу, что ты это сам выдумал. И ты так же говори, Наа...

АХА. А Завалу говорит, что калым – это привычка из темного прошлого.

АЗМАН. Правильно. Вот если б, Бовта, у тебя было столько же ума, как у брата...

НАА. Азман, давным-давно, говорят, жил один человек по имени Туха. Он стриг собак. За копейку, которую он зарабатывал за весь день, он, говорят, покупал мыло и мыл себе руки. Такая же оказия и у нас вышла с калымом...

Азман смеется.

АЗМАН (*обращаясь к Хазман*). Ну, сколько раз тебе говорить, следи за хлебрезкой! Наа, эта притча сюда не подходит, приведешь ее в другом случае. Свадьба Келисат и Денисолты войдет в историю. Революция!

АХА. А что такое история?

АЗМАН. История? Что это? Вещь такая... Короче, в древние времена у нашего народа был большой котел, на котором записывали названия тейпов. Точно так же история – это большой котел, на котором записывают большие события в мире.

НАА. Что-то может будут и записывать, но кого-то точно будут варить в этом котле.

АХА. О свадьбе нашей Келисат тоже напишут на нем?

АЗМАН. Конечно. Это большое событие: с сегодняшнего дня утверждаем среди чеченцев, что молодые люди могут жениться и выходить замуж по своему желанию и без калыма. А вечером в честь этого мы устроим гулянье в клубе. Революция!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступим с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Азман и Хазман уходят.

БОВТА. Ничего из вашей революции не выйдет!

9 картина

Вечер. Слышно, как играет гармошка и бьют в барабан. В клубе празднуют свадьбу. Отовсюду слышатся голоса. Азман и Хазман руководят праздником.

ГОЛОСА:

– Молодец Денисолта! Если жениться, то только как ты!
– Азман! Если одет не в красное, на свадьбу пускаете?
– Пускаем, главное, чтоб сердце не было черным!
– Да прибудет добро с этим событием!
– Бейте в барабан, играйте на гармошке!

– Пустимся все вместе в пляс,
Это праздник для всех нас!

– Знакомство наше – это счастье,
Да обойдут нас сегодня все напасти!

– Эй, гости, к заходите нам,
Ла-ла-ла!
Заходите, заходите,
Сказку мы подарим вам!
Ла-ла-ла!

– Идем к вам в гости!
Идем мы в гости!
Не сможем мимо никак пройти!

АЗМАН. Равняйся! Давайте посмотрим на ваши ноги. Есть ли среди вас кривоногие?

БУГА. Что за дела, ноги у нас в порядке. Главное, чтоб глаза у вас не косили.

ХАЗМАН. Не обижайтесь! Как-то мы попали на танцы к шайтанам. Говорят, там после выстрела все по кустам разбежались.

АЗМАН. Революция! Нет шайтана, который посмеет сунуться к нам!

– Бейте в ладоши!
– Барабанщик, не спи!
Играй, гармошка, играй!

Люди смеются, танцуют и веселятся.

Эпилог

Появляется Хама.

ХАМА. Вот так прошла свадьба. Келисат и Денисолт, были счастливы вместе. Бовта, который поначалу возмущался, со временем смирился и принял новую родню. А теперь, пять лет спустя, он уже играет со своими племянниками. Бовта изменился. Уже не такой буйный, как тогда. Начал мыслить. Да все изменились в нашем селе, кроме меня. Только я, как прежде, играю на дечиг-пондаре и смотрю в свое стекло. Живу тем, чем Бог наделил. Кого-то моя музыка лечит, а кого-то просто забавляет. Если у кого-то вырастет бородавка на теле, зовут меня. Я играю на пондаре, и им становится легче. Потом меня осыпают благодарностями их родственники. А мне и этого достаточно. С их теплом я возвращаюсь в свой холодный дом. Если бы не их тепло, я бы давно замерз.

Эх, золотая осень. Сколько же мне еще осеней осталось?

Некоторые говорят мне: «Ты счастливчик, Хама, ведь тебе некого терять после смерти». Они не знают, что все мои односельчане – мне родня. Каждую ночь и каждое утро я молюсь за них Всевышнему. Молюсь за них, за их детей. Что же ждет этих детей в будущем? Что бы там ни было, сердце ноет, когда думаю об их будущем. О Аллах, убереги их, помоги им! Эх, жизнь моя, жизнь скоротечная!

Музыка.

Занавес.

Перевод с чеченского языка Рамзана Умаева

Дебют

Адам Умаров

Родился в 1963 году. Окончил среднюю школу в селе Вашендарой Шатоевского района ЧИАССР. По сегодняшний день проживает там же. С 1982 по 1984 годы проходил службу в рядах Советской Армии. По специальности является строителем. Стихотворчеством увлекается уже много лет.

Башлам

Башлам – родитель Аргуна,
Глава твоя в снегах сверкает.
Здесь горцы, глядя на тебя,
Рождаются и умирают.

Когда на родину, в Шатой,
Объехав города и страны,
Мы возвращаемся – Башлам,
Твои вершины снова с нами.

Соседством мы защищены
Твоим, Башлам; тобой согреты
В метель, а в солнечные дни
Ты шлешь холодные приветы.

На это есть твой почтальон –
Аргун стремительный, могучий.
Несется ледяной волной,
Спешит из поднебесных кручей.

Ты шлешь дыхание свое,
Обдав им в зной седые камни –
И все живое лишь за то,
Башлам, навеки благодарно.

Однажды старец в летний день,
В пути уставший, наклонился
Над хладной бурною водой –
И с ней, Башлам, тобой напился.

С улыбкой легкою вздохнул:
«Аллах Великий, да поможет!
Большой привет от нас, Башлам –
Салам твой не принять негоже!»

Гимн Шатою

Я жил и дышал, мой Шатой,
лишь тобой!
В разлуке стремился
к тебе всей душой:

Как путник в пустыне
в полуденный зной,
В уме представляет оазис с водой,

Как враз оторвавшись от тела, душа
Вдруг в дальние дали надолго ушла –
Так мы, когда долго не видим тебя,
Скорбим, и в сердцах поселяется мгла.

Наказы отцов наших будем держать
В умах – никогда чтобы не забывать:
Лишь тот, кто делился
с людьми добротой,
Не будет униженный злою судьбой.

Нам силы лишь слово одно на устах
Дает – мы идем, побеждая свой страх.
И верные почерку предков в делах,
Лишь молим:

Шатой сохрани нам, Аллах!

Благое говори или молчи!

Не политик я – любитель старины.
Запомнил вот, когда-то старики,
Лет тридцать так иль сорок лет назад,
Говаривали много раз подряд:

Обычай предков, мол, всегда такой:
Пусть даже самым злейшим будет враг,
Коварным, разрушающим покой,
Ты справедливым будь,
 не отступай на шаг

От истины. И будь готов признать
За ним, коль есть, достойные дела.
Ошибки у врага ты не спеши искать –
Сумей найти правдивые слова.

Пройдут года, рассудит всех Аллах!
А там придет и Судный День для нас:
Сердцами завладеет дикий страх –
Когда Весы получат власти Час.

И вот тогда узнаем только мы,
Что на душе и в жизни пронесли.
А до тех пор, скажу я вам, друзья:
Не осуждайте понапрасну, зря!

Словами колкими бросаться
 не спешите,
Без доказательств явных не вините.
В колодце чистом воду не мутите.
Благое говорите иль... молчите!

Кавказ

Кавказ, открой свои секреты:
На протяжении веков
Как в битвах прославлял джигитов
Под звон мечей и лязг штыков.

Скажи, откуда брал ты силы,
Чтоб устоять перед волной,
Катившей степняков-монголов,
Затмивших свет своей ордой?

Скажи о сыновьях бесстрашных,
В боях что с честью полегли –
Чтоб имя славное вайнахов
Поднять до неба от земли.

Как на крутых, скалистых склонах,
У родников, в густых лесах
Хранили чистоту законов,
Не изменяя им, в веках?

Как смерть презревшие мюриды
На самых быстрых лошадях
Летели на врага, с молитвой:
«Наш Бог – Единственный Аллах!»

Как зависть втягивала шеи,
Узрев тщету – оклеветать
Вайнахов род, и свою подлость
Тем самым чтобы оправдать?

Да пусть падет хоть пыль столетий –
Чтобы алмаз не смел сиять –
Ничто, Кавказ, на этом свете,
Затмить не в силах твою стать!

Притча о волке и осле

Притчи старинные будем
 мы помнить, друзья –
Забывать наставления предков
 никак нам нельзя!
Сквозь века донесли и,
 как прежде, звучат в
наши дни –
Много пищи дают нам
 для размышленья они.

Как-то ослик на выпасе,
 в чаще лесной, вдруг решил
Закричать по-ослиному –
 радостно, сколько есть сил.

Раздалось оглушительно
 громкое «Иа-иА!» –
На беду его крик спящий волк
 услыхал с далека.

Проза

Имран ИРИСХАНОВ

Имран Ахмадович Ирисханов родился 20 апреля 1943 года в с. Шали. Вместе с чеченским народом прошел множество испытаний. В семье был самым младшим. Учился, рано познал труд. В юности писал стихи, рассказы, очерки. С 1971 года работал в Шалинской районной газете заместителем редактора, а затем редактором. С 1982 года работал старшим редактором в Чечено-Ингушском книжном издательстве. Редактор и составитель многих книг, вышедших в издательстве. Автор книг «Чеканные узоры», «Ислам, Мухаммед, хадисы»; в соавторстве с Эдуардом Мамакаевым написал книгу

«История и современность чеченской литературы». Работал главным редактором Союза писателей Чеченской Республики.

Арбузные семечки

Рассказ

Зарево занималось над Каиндинским ущельем. Развев мглистую облачность ночи, ослепительные лучи солнца все ярче освещали дремавший хребет Киргизского Алатау. Лучистые полосы света стремительно вторглись в теснину долины и озарили ее световыми волнами.

Бешбармак – достопримечательность этой местности.

Киргизы связывали это место с пребыванием здесь легендарного героя – Манаса, который после отдыха встал и оставил отпечаток ладони на горе.

Нити восходящего солнца заняли бегущую по каменистому руслу извилистую реку Каин. Солнечный свет озарил блеском зеркальную поверхность воды и игриво залил своим сиянием селение Каинды, расположенное на берегах реки.

Свет раннего солнца проник в окна неказистого дома странной постройки, в котором было пять изолированных помещений с обветшалыми окнами и дощатыми дверями. В них обитали семьи высланных сюда чеченцев, крымских татар, немцев Поволжья, турок.

Невысокий фундамент строения был выложен из серого гранита с использованием глиняного раствора. Саманные стены здания заштукатурены глиной, перемешанной с половой. Двухскатная крыша залита затвердевшей со временем глиной. Кров, серые безжизненные стены с небольшими глазницами окон и узкими дверными проемами, а также бурая крыша строения выглядели мрачно. Единственным добротным убранством в помещениях барака были выложенные умельцами печи,

которые исправно служили обитателям в осеннюю непогоду и зимнюю стужу. В весенне-летнюю пору невольные поселенцы этой киргизской глубинки пользовались печками, сооруженными во дворе из подручного материала.

В одной из комнат этого ветхого дома ютилась семья высланных в феврале 1944 года чеченцев. В страшную годину семья потеряла своих кормильцев: отца, дядю, бабушку, двух братьев. А старший сын деверя за нарушение комендантского режима был осужден на 15 лет лишения свободы и сослан в Сибирь. На попечении матери Пати остались семеро детей. Она воспитывала пятерых своих детей, а также сына и дочь, оставшихся после смерти деверя и его жены.

Трудоспособные Саид-Хасан, Усам и Зайнапи работали, а остальные, кроме маленького Илмана, учились в школе.

Блики утреннего рассвета проникли в комнату, где теснилась семья. Когда помещение наполнилось светом, мать семейства тихо встала с ложа, сооруженного из настланных на козлах длинных досок. На топчане поверх истангов были разостланы матрацы, покрытые простынями, а в изголовье – подушки.

Пати вспомнила, как свекровь в то страшное утро заставила ее и старших детей нести в кузов «Студебеккера» постель, посуду, три мешка с кукурузной мукой, вяленое мясо, швейную машинку «Зингер», сепаратор, медную посуду, чемодан с жайнами, рукописями, документами, фотографиями.

Офицер и солдаты, пришедшие в их дом, снисходительно отнеслись к многодетной семье и разрешили им взять домашнюю утварь. Бабушка Язар, преодолев страх, раздавала распоряжения снохе и детям. Под ее присмотром они грузили в машину все, что могли.

«Неизвестно, что нас ждет, не хнычьте, а берите побольше еды и вещей», – твердила она, невзирая на то, что все мужчины в это время были арестованы и находились под стражей солдат в школе.

Дальновидность бабушки Язар и ее бойкий характер помогли семье в то страшное утро. Но все же холод, болезни не минули их. Члены большой семьи в ссылке скончались не от голода, а от болезней и скорби.

...Мать встала, надела платье и тихо принялась за домашние дела. Справа от входной двери помещения на дощатых нарах спали укутанные одеялами старшие сыновья: Саид-Хасан, Усам, Рамзан, Билал. На топчане слева, где было ложе Пати, ночевали сестра Зайнапи и маленькая Зарган. Малыш Илман спал рядом с матерью.

«Сейчас сделаю утренний намаз, а до того, как заиграет музыка в репродукторе и зазвонят восемь ударов по рельсу, оповещающих о времени выхода на работу, справлюсь с домашними делами», – рассуждала оставшаяся одна с детьми в этом захолустье чеченская нана.

Она вышла во двор, ее взгляд скользнул по южному склону гор и остановился на освещенных утренним солнцем Пяти Пальцах – на хребте четко выделялась ладонь с немного растопыренными пальцами.

Опустив голову, она подумала:

«Здесь, в этом каменном мешке, мы словно заточенные в клетку птицы. Но все равно мы вернемся на Кавказ! Нет на свете ничего краше наших гор, озер, лесов и рек!»

Она предалась воспоминаниям. Перед ней, как наяву, возникли Бесан-Корта, серебристая полноводная река Бас, текущая среди лесистых Черных гор, за которыми высились освещенные солнцем цепи снежных Кавказских гор. Также вспомнила, как ездила с мужем Ахмадом в гости в Шатой. Там она видела громады старинных башен.

Мать усердно молилась. После молитвы обратилась с дуа (просьбой) ко Всевышнему Аллаху, чтобы Он позволил чеченцам вернуться на родину.

Подоив корову, она выгнала буренку и коз в стадо. Затем покормила кур и выпустила их из курятника.

В сенях дома на сепараторе прогнала молоко, выделила сливки, залила обрат в большую кастрюлю для простокваши, чтобы потом из нее приготовить творог. Соседки также пользовались при необходимости ее сепаратором.

В это время, оглашая всю окрестность, из динамика разносился гимн Советского Союза:

...Нас вырастил Сталин
На верность народу,
На путь и на подвиги
Нас вдохновил...

«Этот шайтан Талин даже здесь, в ссылке, не дает нам покоя», – подумала она, когда в словах гимна услышала имя Сталина.

Закончив уход за домашними животными, она затопила во дворе печку. Вначале Пати положила в топку клок сухого курая, затем обложила сухую траву кизяком. Огонь разгорался медленно, и она снова подбросила в зев печи кизяк. Затем поставила на плиту латунный чайник. В сенях, на шатком столе, замесила тесто из кукурузной муки и приготовила мижаргаш.

На большом фанерном подносе отнесла их к печке и испекла на плите. Завернув лепешки в скатерть, принесла их на кухню, которой служили сени, и положила на стол.

Накрошила в большую деревянную чашку творог, залила его сметаной и тщательно размешала ложкой. Поставив на стол завтрак, пошла будить Сайд-Хасана, Усама и Зайнапи. Сегодня утром надо было разбудить Рамзана и Билала. Они, по установленной чеченцами очереди, должны были выйти пасти коз.

Молодые встали поочередно, помолились, позавтракали и ушли на работу – парни в мехпарк, а Зайнапи – в строительную бригаду. Мать семейства была уборщицей в школе. Учащиеся находились на каникулах, однако она вместе с другими работниками участвовала в ремонте школы.

Со стороны совхозной конторы донеслись звонкие металлические удары. Это был сигнал всем работающим отправиться на трудовую вахту.

Пати заторопилась:

– Зарган, Илман, вставайте! Я должна быть на работе.

Дети быстро встали, пошли на арык, умылись, совершили омовение и, придя в комнату, помолились. Потом сели за стол, покушали сискал с тоберам (творог со сметаной), запили чаем с молоком.

– Я иду в школу, вернусь к двенадцати часам, приготовлю для всех нас обед. Вы побудьте дома. Если придут Асламбек и Зура, прикройте дверь и идите играть.

Она ушла.

В это время Илман воодушевленно сказал сестре:

– Зарган, вчера все мои друзья были у склада. Туда привезли много бревен. Они со стволов обдирают кору – она хорошо горит. Маме будет чем разжечь печку. Пойдем и мы.

Сестра согласилась. Она надела свое серое платье, повязала голову платком, ее братишка натянул черные сатиновые штанишки на резинке, надел потрепанный пиджачок, нахлобучил на голову серую кепку. Они взяли старое ведро, маленький заточенный топорик и побрели в сторону склада.

Совхозные хранилища были без ограды. Как и все постройки кишлака Каинды, они были сооружены из кирпича-сырца с примесью соломы. Стены и крыши обмазаны глиной. Серые непривлекательные строения навевали грусть.

На площадке перед складами шла оживленная работа. Сюда на грузовых машинах с прицепами привозили со станции Джамбул лесоматериал. Бревна выгружали на ровной площадке, заросшей бурьяном.

Пилорамы в то время в совхозе не было. Приехали шестеро рабочих-пильщиков. Они из бревен соорудили основание с перекладинами и поперечными креплениями. По пологим стволам закатывали на эти станки бревна. Наверху крепили их в горизонтальном положении скобами к основанию станка. Затем стальными зубчатыми пилами пилили из бревен доски. Один стоял на верхнем ярусе станка, а второй – внизу. Три пары бородатых, дюжих, оголенных до пояса мужчин под палящим августовским солнцем, обливаясь потом, пилили из толстых бревен доски.

Они же из бревен и досок соорудили себе жилище с навесом для отдыха и приема пищи. Визг и скрежет больших пил весь день наполняли всю округу.

– Илма, Зарга! – радостно кричали соседские мальчишки – Емельяновы Борис и Витя. – Идите сюда. Здесь много коры!

– Боря, Витя, Илма! – дружелюбно звали с другой стороны мальчишка Ханыбек и его сестренка Айгуль. У них был скребок.

Они тесали отвердевший верхний слой дерева. Кору складывали в мешок.

Рядышком, помогая друг другу, детвора сбивала с бревен кору и собирала ее куски.

Дети обратили внимание на то, что мужики-пильщики прекратили работу и собрались под навесом обедать. Поливая друг друга водой из ведра, они освежились. Затем вынесли из жилой комнаты еду в ситцевых мешочках; разложили хлеб, масло, помидоры, лук и принялись кушать. Насытившись едой, они положили на приспособленный стол арбуз, разрезали его на доли и стали со вкусом уплетать гладкую мякоть ягоды.

При виде арбуза у детей потекли слюнки. Арбуз в этих местах был редкостью.

Пильщики, пообедав и немного отдохнув, снова принялись за работу. Как только они удалились, Боря с Витей, Тулеген и Айгуль побежали на место, где обедали рабочие, чтобы собрать обглоданные корки арбуза.

Илман по-чеченски предупредил сестру:

– Зарган, не подбирай арбузные корочки. Мама нам купит вот такой арбуз, – он развел своими тоненькими ручонками.

– А я хотела предупредить тебя, чтобы ты не зарился на объедки...

Оставив без внимания поучающую его сестрицу, мальчуган стремительно бросился на место «пиршества» и усердно стал что-то собирать в опилках.

– Не смей притрагиваться к этой гадости! – крикнула Зарган братику и, схватив его за руку, велела отойти от нечистого стола.

– Зарган, я сказал тебе, что не хочу арбуз, но соберу арбузные семечки. На следующий год Ваша посадит их на нашем огороде, и мы будем всей семьей есть сладкие арбузы, дадим Асламбеку, Зуре и всем нашим.

– Я и не догадалась собрать их, – с сожалением вздохнула сестра.

В сторонке валялась полоска старой газеты. Девочка взяла бумагу, осмотрела ее со всех сторон, как ее учили дома, убедившись, что на ней не было портрета вождя, свернула ее в кулечек. Туда детишки засыпали собранные семена. Их было достаточно.

Дети наполнили ведро еловой корой, прихватили топорик, а пакетик с семенами Илман положил в карман пиджака. С чувством исполненного долга они с двух сторон, чтобы легче было нести, взяли за дужку ведра и отправились к месту своего жилья. Никто из чеченцев-спецпереселенцев в те годы в местах своего пребывания не говорил: «Иду домой». Слово «дом» – «цIа» – ассоциировалось у них с домом, оставленным на родине.

Вечером, когда старшие братья вернулись с работы, Илман и Зарган показали им, как большую ценность, арбузные семечки. Младшие попросили весной посадить их на возделываемом семьей огороде.

...Пришла долгожданная весна. Они всей семьей отправились на сельхозработы. Сажали картошку, кукурузу, фасоль, тыкву и лук. Илман не забыл про арбузные семена.

...В центре огорода, среди кукурузы, старшие выделили «островок», чтобы посадить арбузы.

...Братья Сайд-Хасан и Усам следили за всходами на огороде. После работы направлялись на край села, где были наделы. Понимали, что в этой глуши, куда они были насильственно заброшены, от каждого початка кукурузы зависит их жизнь, а помочь им здесь некому.

Посевы дружно взошли. Наступило время прополки. Чтобы спасти будущий урожай, чеченцы всей семьей вышли в поле.

Илман был рядом с Усамом.

Брат показал младшему какие-то ростки и произнес:

– Жимниг (Малой), вот твои будущие арбузы!

В Киргизии летом почти не бывало дождей. Без воды посевы выгорали. Наступила пора поливов. Усам с братишкой ходили на огород. Мальчик как мог помогал старшему в поливке всходов. Поливать приходилось после

прополки и во время цветения. В арыке было достаточно воды. За лето братья хорошо оросили свой участок.

Наступила осень, самая ответственная пора земледельцев. Усам в один из дней попросил Илмана сходить с ним на огород.

– Не забудь взять нож, – шутя произнес старший.

– А зачем он нам нужен? – удивленно спросил мальчик.

Усам промолчал. У него в кармане был складной ножик.

Пробираясь между рядами кукурузы, братья набрали на бахчу. Мальчишка был удивлен, когда воочию увидел большие шарообразные плоды.

Старший брат сорвал большой арбуз. Они сели на лужайку. Усам достал ножик и разрезал ягоду на доли. Братья, смакуя, ели сладкий, замечательный на вкус арбуз.

Идя обратно, они захватили с собой два крупных арбуза.

С тех пор прошло много лет. Илман никогда не забывает тот радостный день, когда исполнилась его мечта. Маленькие, слизистые черные семена, собранные им около складских помещений, дали свои плоды.

Наши предки правильно говорили: «Труд – лучшее лекарство от всех болезней и несчастий, когда-либо посещавших человечество».

20. 02. 2018.

Дебют

Зарета ДЖАМАЛДИНОВА

Родилась в г. Урус-Мартан, Чеченская Республика. Проживает в городе Грозный. Окончила грозненскую среднюю школу №15. В 2004 году поступила в ЧГУ на филологический факультет, который окончила в 2008-ом, по специальности «Журналистика». О себе Зарета сообщает следующее: «Я являюсь матерью пятерых детей: три сына и две дочери. Стихи пишу со студенческих лет, – только семейные заботы не позволяли уделять этому творчеству много времени. И сегодня, когда дети подросли, жизненный путь снова привел меня в Дом Печати. Несколько лет назад мне удалось опубликоваться в журнале «Нана»,

когда он был под руководством Лулы Жумалаевой, которая была прекрасным литератором, вдохновляющим руководителем и просто добрым и отзывчивым человеком. Горжусь, что была с ней знакома (Дала гечдойла цунна!). Очень люблю читать, изучаю Таджвид¹ и продолжаю писать стихи в свободное от хлопот время. Пробую свои силы в прозе. В настоящее время работаю флористом в цветочном салоне, где часто применяю свое нереализованное воображение, собирая прекрасные букеты. Радуюсь каждой минуте жизни, отпущенной мне Всевышним!»

О чем ты мыслишь в тишине?

Живет на свете человек –
Неполный век...
И почему-то этот срок
Ему не впрок...
Не видит он красот земли, –
Как не внемли...
Торопит он событий бег, –
А жизнь лишь миг...
В мечтах всегда не там, где есть –
Вот это жесть...
Предпочитает правде лесь –
Повыше влезть...
И попадает в капкан,
Как мальчуган...
Настигнет тут его судьба,
Что с ним груба...
И захлестнет она тогда, –
Как с гор река...

Когда приходится упасть,
Так трудно встать...
А если встать, навверняка,
Хромать слегка...
И если нет в душе Творца –
Совсем один...
Своей судьбе он до конца
Не господин...

Сегодня грустно мне чего-то,
Все будто валится из рук.
Так не хватает мне кого-то –
Ведь не приходит сердца друг.
Опять я встречи ожидаю,
Гляжу в окно и снова жду...
Шаги услышав, замираю,
И двери распахнуть спешу...

¹ *Таджвид (араб.)* – правило орфоэпического чтения Корана и соответствующая кораническая дисциплина.

И словно не было разлуки,
Ты мне мерещишься опять –
Забыв обиды, ссоры, муки,
Все хочешь что-то мне сказать.
А я, смутившись на мгновенье,
И втайне радость затая,
Скажу, переборов смущенье:
– Не уходи, прошу тебя...

О женском счастье

Бывает, женщина несчастна,
А может, кажется такой.
Трактует жизнь свою ужасно:
Мол, только снится ей покой.

Но загляните глубже в это
И извлеките дела суть.
Наверно, счастье ходит где-то
И к ней найти не может путь.

Построила глухую стену,
Воздвигла тысячу преград –
Как тромб, закрывший доступ в вену,
Путь преградивший камнепад.

Пробиться как ему, скажите,
Сквозь глухо-слепо-немоту?
Ведь им вы явно не спешите
Заполнить в сердце пустоту.

А жертвой быть всегда приятней,
Все и поддержат и поймут...
Наверно, стало всем понятней –
Здесь счастьем не найти приют.

Прости меня – за то, что я смеюсь,
Что весела, довольна я собой.
И что тебя обидеть не боюсь –
Шучу, остро и спорю я с тобой.
За то, что грубости и колкости мои
Тебе так часто портят настроенье...
За то, что не горю я от любви –
За честное мое стихотворенье.

Противоречия

Ах, как хочу тебя увидеть!
И вновь услышать голос твой.
Тебя мечтаю ненавидеть –
Но в сердце лишь одна любовь...
Хочу опять с тобой встречаться
И по душам поговорить...
Мечтаю разочароваться, –
Но не могу тебя забыть.
Хочу делить с тобой минуты,
Хочу делить с тобой года...
Или не видеть ни секунды...
Но мне не деться никуда.

О чем ты мыслишь в тишине,
Когда с собой наедине?
Когда прилег ты в полумраке,
И звуков больше нет извне...
Ты мыслишь о своей судьбе?
И кто ты в этом странном мире?
С собой в ладу или в борьбе?
С годами – кругозор все шире...
С годами многое вокруг,
Что раньше было непонятно,
Приобретает смысл вдруг –
Жизнь объясняет все понятно!
И мыслей в голове так много,
И в сердце множество обид.
Их отпускаешь понемногу,
Надеясь – и Аллах простит...
Мы для Всевышнего – как дети...
И проходя все испытанья,
Пустил Он нас пожить на свете –
Чтоб получить здесь воспитанье.
Черпая внутренние силы,
И лень пытаюсь превозмочь,
Мы на пути к своей могиле –
И день и ночь, и день и ночь...

Прошу, лишь оживи надежды.
Прошу, но возроди мечты.
Прошу, когда вернешь одежды, –
Что износила на пути...

Прошу туман и мрак безлюдья,
 И подожженные мосты.
 Прошу бессонные терзанья,
 И ужас затхлой пустоты.
 Прошу неверье, взгляд потухший,
 Прошу протяжный сердца крик.
 Прошу так часто лик распухший –
 От слез... И этот нервный тик.
 Прошу капризы в настроеньи,
 Прошу предательство и ложь.
 Прошу забытый день рожденья...
 В душе мороз и в теле дрожь.
 Прошу безвольные решенья,
 Прошу неравную борьбу.
 Прошу мораль и наставленья –
 Прошу... И снова заживу...

Ловеласу

В любви ты так своеобразно,
 Так необычно и опасно
 Манил в расставленные сети –
 Казался лучшим ты на свете!
 Неординарно, энергично –
 И в то же время симпатично –
 Мог словом голову вскружить
 И взглядом лишь обворожить.
 Задаривал всегда цветами –
 Умел ты девушку увлечь
 И романтичными стихами
 Ее внимание сберечь.
 В любви внезапно признавался –
 И ждал с надеждою ответ...
 А в тайне... трепетал, боялся...

Ты каждый раз услышать «нет».
 Но только «да!» в ответ звучало –
 И страхи были позабыты!
 В мозгу отчетливо звучало:
 «Для счастья двери все открыты!»
 ...Ты чувством этим упивался,
 И пресыщался ты, как мог...
 И к новой жертве отправлялся –
 Переступать другой порог...

Я расплавляюсь в сладкой тишине –
 Как снег, попавший в теплое местечко.
 С Создателем сейчас наедине.
 И только блики на стене от свечи.
 А за окном неполная луна –
 Мне помогает замолить ошибки.
 На сердце легкость, голова ясна.
 И на лице забытая улыбка...

Усталость сковывает тело –
 Забот-хлопот невпроворот.
 С утра одно тебя задело, –
 Обид под вечер – хоровод.
 Я – женщина! Вам непонятно?!
 Раз уж впряглась – вези свой воз...
 Зову я женственность обратно, –
 Ушел последний паровоз...
 И как сапожник без сапог, –
 Минуя множество дорог,
 Торгую я в цветочной лавке –
 Чтоб вновь остаться без цветов...

Проза

Бэлла АРЖИКАНТОВА

Родилась в Грозном в 1990 году. Окончила ЧГПИ. «Существует бесчисленное количество рассказов, повестей и научных изданий о взаимодействии человека с лошадью, о том, чем она для него является, но нигде не сообщается о том, что сама лошадь думает об этом. Настало время преподнести настоящую историю лошади так, как это есть на самом деле», – считает Бэлла.

Безымянный

(История одной лошади)

Рассказ

Его звали Безымянный. Неизвестно, назвали ли его так в шутку или для него просто не нашлось имени, но это было так.

В новом чистом деннике рыжий жеребец высоко поднял голову и в волнительном ожидании стал прислушиваться к происходящему. Его привезли сюда всего пару дней назад из одного конного завода, где еще в шестимесячном возрасте отняли от матери, которая так и не смогла уберечь его от этих опасных двуногих существ. И теперь, когда ему исполнилось два года, молодого жеребчика продали, словно товар или вещь. С ним обращались именно так, никого не интересовало, чего хочет он. Его судьба была отнята еще до рождения, сама его жизнь была уже отобрана и ему не принадлежала.

С момента своего прибытия он не выходил из конюшни, но сегодня настал другой день. Во дворе слышались гулкие, знакомые и в то же время отталкивающие звуки. Он сразу же смог распознать их – это были голоса созданий, не заслуживающих доверия – людей. Спустя некоторое время в конюшню вошло одно из этих существ и, надев на коня уздечку и чембур, вывело его из денника в коридор. И чем дальше конь шел по коридору к открытым дверям, тем больше начал он доверять своим беспокойным чувствам. Когда наконец его вывели из конюшни и остановили, конь удивился. Слева, сбоку от него, стояла группа двуногих существ разных цветов и с разными запахами. Хихикающие, надменные и оценивающие его, словно хищники свою жертву, все они пристально глядели на него одного. Этот их взгляд, мысли и голоса были настолько невыносимы и тяжелы, что огненный жеребчик, всегда отличавшийся спокойным и задумчивым характером, завертел головой и недовольно фыркнул – ему было не по себе. Но сколько бы он ни всматривался в эти лица, сколько бы ни прислушивался, так и не смог понять, что им нужно, где найти объяснение их нелепому поведению.

– Э! Хорош! – гордо и самодовольно произнес один из стоящих впереди людей и, подойдя к лошади, грубо похлопал ее по шее. Но Безымянному это вовсе не понравилось, и он отвернулся от неприятного существа. Тогда человек схватил коня под уздцы и, повернув его к своему лицу и глядя в глаза, жадно произнес:

– Ты принесешь мне миллионы, – в этот момент лошадь увидела в этом

существо нечто уродливое, такое, что заставило ожидать в скором будущем что-то страшное. Но, не подавая виду, Безымянный сохранял хладнокровие. Двухное существо отошло от лошади и внедрилось в хохочущую толпу. По меркам таких, как оно, это был самостоятельный и независимый человеческий вид. На вид он был лет пятидесяти, полон, с лысиной и бледно-голубыми глазами. Это была его земля, а остальные – его товарищи и друзья. От сигар и мыслей этого сборища воздух пропитался гнилью.

Стоял октябрь, но погода была хорошая.

– Джек, он выглядит вялым. Посмотрим, за что я заплатил, – эти слова были сказаны на старте скаковой дорожки невысокому худощавому человеку, который с мерзкой, лукавой улыбкой на лице приблизился к лошади. В руке у него что-то было. Лошадь еще не знала, что они замыслили, но сразу же ощутила тревогу. На Безымянном уже было седло, и через миг легкий человек вскочил на него. Конь неприметно вздрогнул, чуя неладное.

– Покажи, на что он способен! – раздался резкий возглас за внешней стороной дорожки. Жокей взял поводья и сильно дал обоими шенкелями по бокам лошади, отчего конь дернулся, но тут же уперся передними ногами в землю. Еще никто не предьявлял такого Безымянному. Чего хотело это грубое существо? Наезднику не понравилась такая его выходка, конь упрямо застыл на месте, опустив голову и отжав уши назад. Тогда всадник решил применить свой любимый способ. В правой руке у него был зажат стек, которым он не замедлил воспользоваться. Всадник взмахнул рукой, и пронзительный удар стека прожег круп лошади. Дернувшись и подскочив от пронзительной боли, Безымянный рефлексивно ударил задними ногами, но не поскакал вперед, а попятился назад. От неожиданного толчка наездник упал с лошади. Не понимающий такого отвратительного поведения, напуганный Безымянный был не виноват, но наказание за глупость всадника всегда проявляется на лошади. Оскорбленное и озлобленное существо резко поднялось и, тут же вскочив на лошадь, начало изо всех сил хлестать и бить ее стеком и ударять шенкелями. Пораженный таким диким поведением человека, Безымянный от боли и негодования хрипло заржал, но, топчась на месте, не поднимал головы. А через миг внезапно бросился вперед. Напряженно и испуганно поскакала лошадь и, не прекращая бега, отбивала в воздухе задними ногами. Всадник попытался взять коня за повод, но лошадь, почувствовав силу железа, пытающегося порвать ее рот, начала в неистовстве вертеть головой, не давая ее поднять. В этот момент полный мужчина выкрикнул:

– Что ты творишь? Научи его правилам хорошего поведения! – после чего раздался смех. Что было нужно этим созданиям? Зачем они это делали? Зачем причиняли ему это изуверское и гадкое ощущение – чувство боли? Но никто не давал ответа коню, а наслаждающийся отмщением варвар все продолжал гнать лошадь, работая хлыстом. Наездник бил сильно, резко и беспощадно – так, как бил до этого еще десяток лошадей, ему просто нравилось это делать, это была его работа. Почувствовав свежую лошадь, он горел желанием «воспитать ее», указать ей ее место. Он хотел «выжать» из нее все, чтобы узнать, «какова эта вещь на ходу и сколько она берет» для гнусных нужд его хозяина. Но чем быстрее скакал перепуганный конь, тем сильнее и резвее его хлытали. Безымянный навсегда запомнит, как

бежал этот первый в своей жизни круг, и ту боль, и страх, которые он ему принес. Единственное, чего он так и не смог понять – за что и зачем? И тогда, когда, уже дрожащего, вспотевшего и бесконечно потрясенного варварским поведением людей, коня завели в денник, он навсегда запомнит это жестокое и гнусное слово, что сказал ему перед уходом торжествующий и довольный результатами наездник:

– Привыкай, – после этого дня все и началось.

День за днем, месяц за месяцем его гнали до тех пор, пока пот не лился с него рекой и у него не сводило ноги. Каждый день его ожидал хлыст, наводящий страх, и демон, держащий его в руках. Его гнали так, чтобы после тренировок у него дрожали суставы, и слышно было его тягостное дыхание. Его изматывали настолько, что он с трудом мог стоять в деннике. Но бывало и так, что, изнеможенный, дрожащий и усталый, он просто рушился на пол. И потом, сколько бы ни думал, никак не мог понять, зачем его изводят эти злые существа, за что причиняют ему эту боль? Он мечтал, что когда-нибудь это прекратится. Но, вопреки его ожиданиям, тренировки продолжались до тех пор, пока не наступила весна и ему не исполнилось три года. И все, что было до этого, оказалось лишь подготовкой к предстоящим мукам, ведь именно весна ознаменовала тот день, когда лошадь поняла, за что ее так ненавидят и губят. Начался сезон скачек.

В один из дней его привезли в место, где было много шума, двуногих существ и лошадей. Молодые собратья Безымянного нервничали и волновались – их всех охватило предчувствие приближения абсолютно не желанного для них «сражения». Но рыжий жеребчик не ерзал, не вспыхивал, как остальные тревожащиеся лошади, он стоял тихо и скованно: он понимал, что скоро должно случиться что-то плохое. Сегодня для этих лошадей был первый день скачек. Люди крутились, осматривали их, производили разминку. Через некоторое время все было готово. Полный человек с бледно-голубыми глазами со своими сородичами также находился где-то во тьме человеческих фигур. Громкий голос заговорил об открытии сезона скачек, назвал дистанцию и начал представлять участников, проходящих мимо трибун. Смятение охватило лошадей, еще никогда не представляли они перед этими иступленными толпами. В сердце Безымянного забились тревога, он не знал, куда смотреть. Здесь собралось множество человеческих созданий самых разных возрастов, но зачем они сюда пришли? Все они радовались, их ослепленные глаза горели от ожидания и надежды. Нахлынувшие волной, они, будто умирающие с голоду, ставили на тот или на другой «объект», видя в нем лишь машину для выигрыша и развлечения. Им было не важно, кто бежит и чего стоит ему этот угнетающий бег, лишь бы это приносило доход и удовольствие.

– Лошадей на старт! – скомандовал громкий голос, и лошади одна за другой, кто быстрее, кто медленнее, сопротивляясь или нет, вошли в боксы на скаковой дорожке. Когда Безымянный оказался в боксе, дверцы за ним захлопнулись, не оставив пути назад. Он занервничал. Разгоряченные, топчущиеся на месте в этих тесных «ящиках» лошади передавали тревогу с одного края цепочки на другой, им было страшно. Безымянный слышал все хаотичные звуки вокруг себя, но смотрел лишь вперед и видел то, что проглядывалось через прутья передних дверей – скаковой круг, представший

пред ним, словно огненная петля ада. На мгновение наступила тишина. Вдруг, под звонкий звук, дверцы боксов мгновенно распахнулись и взведенные лошади стеной выбросились из них. Безмянный на миг замешкался, но под ударами шенкелей и хлыста жокея бросился вслед за остальными. Шум ветра начал закладывать уши, и рыжий конь приблизился к основной группе, пытаясь не отставать, но и не опережать. Сохраняя дыхание, он не хотел скакать дальше, он знал, что принесет себе лишь боль и увечья. Ради чего он должен был это делать? Но очередной резкий удар хлыста не давал ему останавливаться. Вытаращенные глаза и прерывистое дыхание сопровождали каждую секунду этого смертоносного бега. Шутя и веселясь, люди следили за пролетающими по дорожке силуэтами. Полдистанции было пройдено. В голове Безмянного билась только одна мысль: когда можно будет остановиться? Но ни выпученные оторопелые белки глаз, ни жгущиеся ноздри, ни взбешенное и вспотевшее от невероятных усилий и напряжения тело никто не видел.

Сквозь меняющиеся фигуры с начала этой гонки перед рыжим конем соперничали два наездника. Они без устали погоняли ни в чем не повинных молодых скакунов, которым не нужна была ни эта борьба, ни эти глупые скачки. Жокей Безмянного послал коня между ними, но в этот момент соперник справа, перехватив свой хлыст в левую руку, остро и сильно ударил Безмянного по переносице. Всхрапнув от боли, рыжее создание дернуло головой и замедлило галоп, но безжалостный жокей заставил и вынудил его скакать быстрее. Когда был пройден последний поворот, соперничество между всадниками грозило приблизиться к своему апогею. Они вышли на финишную прямую. Вспотевшие, изнеможенные лошади мчались что есть мочи, но Безмянный понял – самое страшное еще впереди. И он был прав. Когда до финиша оставалось всего ничего, все жокеи приподнялись еще выше над седлами и стали усердно и неистово бить лошадей по крупу. Словно взбешенный, наездник с огромной силой бил и высекал Безмянного, стараясь причинить ему как можно больше боли. Жокей хотел лишь одного – прийти первым, он требовал и приказывал скакать быстрее. С громадной, колоссальной силой энергии и безумного напряжения конь бросился вперед. Двое жокеев, возглавлявших скачку в середине, начали сдавать позиции к ее концу. И Безмянный оказался возле них. Обезумевший от невероятной нагрузки, боли, от непрекращающихся ударов стеком и больших уколов железа во рту, конь не помнил, как проскакал то расстояние. Дикие вопли людей слились в один безжалостный рев:

– Давай! Давай! Вперед!

Немыслимая работа мышц сжимала его кости. Никогда в жизни он не был на такой черте, это был его предел, он просто не мог этого вынести. Но гонимому жаждой наживы и тщеславия жокею было все равно, что чувствует лошадь, он требовал скакать быстрее, но хотел невозможного. Будучи уже на грани, Безмянный добегал дистанцию в сумасшедшем карьере полумертвым. Из последних сил, под натиском жокея, огненный конь сделал последний рывок. Финиш... Безмянный прибыл четвертым, и лицо полного человека с сигарой в руке потеряло веселье. Но, к сожалению, это не был конец. Миновав конец скачки на последнем дыхании и перейдя на лужайку, не выдержав этого бешеного напряжения, хрипло сопя и издавая

протяжный стон, Безымянный неожиданно рухнул на землю. Он смутно помнит, что с ним происходило дальше: как он, мокрый и обездвиженный, лежал на траве, как бешено колотилась его грудная клетка. Он помнит лишь жгучую, невыносимую боль в ногах и теле. Полузакрытые, застывшие в муках глазами... Как из ушей текла алая кровь, а из раздувавшихся ноздрей сочилась кровь. Язык проглядывал над обвисшей нижней губой. Каждый сосуд, каждая вена раздулись и отпечатались на его голове и теле, словно она была вывернута наизнанку. Он мучился, словно агония охватила его изнутри. Он умирал. Но никто, никто не мог ему помочь, а особенно те, кто сделал все, чтобы довести его до этого состояния. И в те моменты никому из собравшихся людей не было интересно, что там происходит, никому не было дела до лошади. Они развлеклись, одни пошли за выигрышем, другие ставить еще, и всем, абсолютно всем, наплевать на боль молодых издыхающих лошадей, изводящихся здесь именно из-за них. В этот миг, страшный и мучительный, перестав слышать чьи-либо голоса, не видя больше никого и ничего, Безымянный вспомнил свою мать, он осознал, отчего пыталась она уберечь его в детстве. Он понял, что таилось в глазах ее при виде людей – это была боль, которая теперь стала его болью. Он ощутил, что такое зло.

Скоро он расплывчато будет вспоминать, как его, тяня за поводья и подталкивая со спины, попытаются заставить встать. После нескольких тяжелых попыток конь нехотя, но все-таки с трудом поднялся. Он смог встать. Он остался жить, но, как выяснится позже, чтобы жалеть о том, что не умер.

Прошло некоторое время, и Безымянного вновь вывели на скаковую дорожку. Вновь ломались его суставы, ныли затылок и поясница – это удел скаковой лошади. При виде хлыста он замирал и дергался, пытаясь вырвать поводья, он боялся встречи с этими странными злобными существами и вещами, уготованными людьми для него – они приносили ему лишь страдания.

«У него отличная пища, теплый денник, за ним ухаживают и чистят, что еще нужно животному? Он счастлив!» – так думают все, не замечая и не зная, как в свои минуты отдыха, опустив голову и прикрыв свои большие, наполненные печалью глаза, Безымянный одиноко и безмолвно стоит в углу денника. И безразлично ему было все, чем платят ему за то, что с ним делают. Потому что за то, что с ним делали, нельзя было отплатить ничем, тем более «овсом да чистой». Он был один, у него не было ни жизни, ни семьи – ничего. Он был «вещью», которую эти двуногие существа лицемерно называют своей гордостью, принадлежащей только им.

Безымянный скакал. Скакал под смех и брань людей, под их вопли у финиша и оглушающий поток ветра, выжигающего глаза и ревушего в ушах. И в то время, когда он бежал и выбивался из сил, его ноги с каждым бешеным забегом становились все хуже и могли в любую секунду переломиться и кости оторваться от сухожилий, в это время купивший его человек наслаждался и радовался стопке никчемных денег, которые он получал за счет страданий и угнетения этой лошади.

Безымянный прибывал и вторым, и четвертым, иногда первым, но везде и всегда были эти существа с бумажками и смехом. Он не мог понять, зачем им нужны эти скачки, за что они мучают его и остальных лошадей. Казалось, им это нравится. Но, чем больше он их видел, тем лучше

начал осознавать, что все, что они делают, делают лишь ради себя, из-за собственной гордыни, ради удовлетворения своих желаний. Однако он не мог знать одного. Во всем мире на больших и малых скачках зарабатывают сотни, тысячи и миллионы этих бумажек, все вокруг было за них и ради них. И до тех пор, пока люди не отвернуться от них и своего тщеславия, не увидят свою эгоистичную и корыстную натуру, ни скачки, ни собачьи бои, ни какие-либо другие гнусные развлечения и прихоти людей не исчезнут. А тяга к деньгам, власти и тщеславию человека не покинет никогда.

В один из теплых солнечных дней состоялись очередные скачки. Вновь прибыли невежественные толпы, и под их варварские вопли скачки закончились. Безмянный пронес всю дистанцию и прибыл третьим. Когда, вспотевший и усталый, он шел шагом под жокеем вдоль скаковой дорожки, в надежде скорее вернуться в конюшню, где царит тишина и где он будет один (а это куда лучше, чем быть здесь с этими ненасытными существами), его неожиданно охватило странное чувство. Жокей потребовал, чтобы конь остановился где-то за скаковым кругом, где неподалеку его ждал трейлер. Безмянного сильно наказывали, если он сторонился или пугался чего-нибудь, и потому конь всячески пытался лишний раз не проявлять любопытства и не замечать то, что происходит вокруг.

Но сегодня он просто не мог не заметить то, что предстало перед его глазами. В стороне от него на земле валялся темно-гнедой жеребец, которого загнали настолько, что, упав, он уже не смог подняться. Лежа, он буйно дышал, раздувая ноздри, из которых сочилась кровь. Пот лоснился на теле. Увидев глаза лошади, увидев боль ее, Безмянный замер, ибо непреодолимые горечь и боль за беспощадную и кровавую судьбу лошадей пронзили его сердце. Смятение и страх так глубоко закрались в его душу, что он даже не почувствовал, как слез с него жокей и как снимают с него седло и потник. Отведя уши назад и раскрыв свои жалобные глаза, огненная лошадь смотрела на умирающего коня с таким состраданием, как никто не смотрел на него. Безмянный видел и чувствовал это изнеможенное существо, которое так изувечили эти люди, забирающие и уничтожающие чужие жизни. Но никто из находившихся здесь не чувствовал в этом своей вины. Им было ясно одно: лошадь бесполезна, раз не выдержала. Один за другим люди стали собираться возле гнедого жеребца, чтобы поглазеть на сию картину. Их фигуры больше уже не позволяли что-либо увидеть Безмянному. А человек, занимающийся рыжим конем, закончил и потянул за поводья, чтобы завести в трейлер. Опомившись, конь неуверенно развернулся и вяло последовал за ним. В глубине души Безмянный все еще надеялся и верил, что гнедой жеребец встанет, так же, как встал однажды и он сам. Однако, когда он приостановился и оглянулся назад, то увидел там то, что совсем не желал бы видеть. Посреди расходящихся фигур лежало бездыханное тело. Гнедое создание больше не дышало, а его измученные, чуть прикрытые глаза потухли и потеряли свой свет. И никогда не забудется лик этой умершей лошади, на котором запечатлелось и застыло страшное слово «смерть», пропитавшееся так же глубоко, как большое, уходящее в землю, пятно алой крови под перерезанным горлом коня. Но какое бы чувство страха ни охватило Безмянного, в каком бы смятении он ни находился, тогда он узрел еще одну истину – скончавшийся

конь больше не страдал. Но он не умер, он убит...

Время шло. Рыжий конь протянул первый скаковой сезон, но впереди был второй. И вновь черствые массы устремились в обитель гнета и порчи. Слепленные жадностью и самолюбием, они желали денег, требовали зрелища. В этот день Безымянный неважно себя чувствовал. Ветеринар не нашел видимых причин не отправлять лошадь на скачки, говоря, что, возможно, конь просто в плохом расположении духа. Это было не редкостью. Безымянный всегда отличался странным безразличным спокойствием. Про него всегда говорили, что какая-то скрытая крупница тайны таится в нем. Отсюда и жалобы жокея, что конь никогда не выкладывается полностью. Это их бесило. Они всегда желали достичь абсолютного контроля над лошастью. Но, как бы там ни было, Безымянный знал: сегодня случится что-то неизбежное, он знал, потому что чувствовал это. Сегодня должна была состояться скачка первого сезона...

На Безымянного возлагали большие надежды. Он должен был порадовать своего хозяина. И вновь его отвезли в то место, которое он так ненавидел. Все, кто его окружал, пребывали в прекрасном настроении: жокей, тренер и тот, кто набивал свои карманы за счет лошадей. Перед стартом животные нервничали, как всегда, но в бокс огненный конь вошел, совсем не волнуясь, он решил, что будет так, как должно случиться. Старт. С бешеной скоростью вылетели лошади из боксов и помчались вперед. Безымянный уверенно взял старт и поскакал вслед за остальными. На первой четверти дистанции он держался в конце, на второй обогнал троих наездников, на третьей прижался к внутренней стороне дорожки.

Надрываясь, почти изо всех сил (остаток необходим был для конца скачки при рывке), он делал то, к чему его так долго принуждали. И каждый вдох через раздутые ноздри, выпученные белки глаз, дикий пульс и неистово колотящееся сердце, с каждым махом горящих суставов все неумолимее приближали его к финишу. Возрадовался в тот момент и хозяин в предвкушении выигрыша, в желании взять верх над остальными. Но не он был на дорожке, не он выбивался из сил. Но не слышал и не видел никого пред собой Безымянный, лишь ненавистный стон ветра бил ему в глаза. На последней стадии дистанции жокей приподнялся и вновь начал сыпать удары хлыстом. Через несколько мгновений Безымянный вдруг обошел всех соперников жокея, и пыль от копыт их лошадей осталась позади. Изнемогая, но терпя, он вырвался вперед. Справа от него поравнялся лидер – чалый жеребец с жокеем в красной форме. Ноздря в ноздю они помчались к финишу. Заревела серая масса, завизжала, словно зверь.

– Хлыстом работай! Гони его! – несдержанно кричал тренер, и его подопечный, будто услышав, делал все, как он велит. Две выдыхающиеся лошади бок о бок шли к финишу. Двести метров, сто... Затаив дыхание, хозяин уже готов был отпраздновать победу. Все шло как никогда хорошо! Еще громче поднялся вой толпы, как чалый на полголовы опередил Безымянного. Озлобленный жокей рыжей лошади, собирающийся взять победу любым способом, что есть мочи ударил и послал коня вперед. Взвизгнув и подпрыгнув от боли, Безымянный уже на грани отчаяния и сил сделал последний рывок и вырвался было вперед почти у самой черты финиша, как вдруг круто и резко поднялся на дыбы, а скачущая позади

толпа конников пронеслась мимо и подцепила его. Вздернувшего голову коня резко развернуло, и он опрокинулся на спину.

Одна часть толпы замерла, вторая начала бросать проклятья, третья ликовать. Что же касается хозяина Безымянного, то он, увидев произошедшее, сильно сжал зубами сигару, лицо его окаменело и, презрительно бросив взгляд на слуг, унизивших и разочаровавших его, он просто встал и ушел. Ошеломленный жокей, чуть не придавленный лошадьё, тяжело встал, но Безымянный не шевелился. Подошли тренер и еще кто-то и начали тянуть за поводья, чтобы заставить встать лошадь. Безымянный, сопя и тяжело дыша, пытался подняться, но, широко расставляя передние ноги, не мог пройти и двух шагов и снова упал, жалобно стоная. Сильная боль в ногах охватила замученную бесконечными и бессмысленными скачками лошадь. Все, что он предчувствовал, сбылось.

Ветеринар, осмотревший Безымянного, пришел к выводу о растяжении сухожилия правой передней ноги, а на левой оно порвалось наполовину. Безымянный не знал, что с ним будет дальше. Он боялся, но в то же время надеялся на что-то лучшее. Он верил, что ему больше никогда не придется скакать по этой затхлой мерзкой дорожке, что он больше не увидит ни хлыста, ни скачек, ни ревуших толп, ни их скупых, надменных взглядов. Он мечтал о жизни, которую у него отняли и которую он так надеялся вернуть.

Но судьба была неумолима. Даже не дождавшись его выздоровления после лечения, хозяин продал лошадь. Но когда за Безымянным приехали, он не почувствовал ни капли сожаления, покидая это варварское место. Всей душой надеясь, что его ждет лучшее место, чем это, он был готов ехать куда угодно. И, может, там, куда его повезут, не будет ни насилия, ни криков, ни требований, а жизнь его навсегда перестанет быть жизнью скаковой лошади.

И на самом деле, отчасти он был прав. Его пора скаковой жизни окончилась.

Но о чем бы рыжий конь ни мечтал, он был не в силах решать свое будущее – за него уже все решили. Целых два года проведет он в месте, где он оставался один. Его держали на сохранение, готовясь после полного его выздоровления продать подороже. Долгими неделями и бесконечными месяцами проходила мимо него жизнь в четырех стенах небольшого денника, из которого он редко выходил. Это душное, стесняющее место медленно, но верно убивало его, оно стесняло и сдавливало душу. Боль в ногах сменилась жестокой окаменелостью и унынием. Да, здесь не было ни бешеного напряжения, ни крови из носа и рта, ни ломающихся ног, но здесь было нечто иное, что не спеша пожирало тебя изнутри. Безымянный медленно, но неумолимо гас. Его запирали в «шкафу» и «брали и использовали», когда появлялась необходимость. Его тяготило чувство, что жизнью его распоряжаются другие и что он ничего не может сделать, не может уйти от них. Мечты Безымянного ушли в никуда. Ему не хватало частички свободы, частички счастья, частички жизни. Везде, куда бы он ни попал, его ожидало лишь разочарование. Но это продолжалось до тех пор, пока не представился новый случай. Тогда в постройку, где было полно других лошадей, явились двое, пожелавших посмотреть именно на Безымянного. В тихой, застоявшейся, нагулявшей вес и лень лошади, стоявшей перед

ними будто невинный ягненок, они все же заметили спортивные проблески и силу, скрывающуюся в ней.

Безымянный почувствовал приближающиеся перемены, и вновь слабый огонек надежды зажегся в нем. Он грезил о месте, где будет свободен от всяких требований и бессердечных просьб, где он будет просто чисто и свято любим только за то, что он есть, а не за то, что делает.

Странная вещь все-таки эта судьба. Никому не понять ее тайных замыслов. Вот и тогда, когда Безымянный оказался в большом строении с конюшней, манежем и прогулочной площадкой за его стенами, он и мыслить не мог, что с ним случится. Лишь потом он узнает, в чьи ужасные и беспощадные руки попал. Это были представители конкур – соревнований по преодолению препятствий на определенной площадке. Самые страшные моменты его жизни были пережиты именно здесь. В месте, где за любую шалость, любую оплошность, любой намек на неповиновение карали битьем, голодом и железом. Небо и десна немели от боли сидящего во рту железного лезвия. Текли пена и кровь из уст лошадиных, и беспощадны были существа, таким образом обучающие глупое, по их мнению, создание, находящееся ниже них только потому, что оно на них не похоже, и поэтому должное им беспрекословно подчиняться. И ужас и страх перед гневом людским заставляли выполнять и делать все, что они хотели. Забыв про мечты и потеряв всякую надежду, Безымянный почти потерял единственное, что у него было, – веру. Он замкнулся и ушел глубоко в себя. Он был опустошен и истощен выполнением всего, чего от него требуют, превратившись, на радость этим существам, в машину, готовую сотворить все по их приказу. Когда забитая лошадь возвращалась в денник после тренировок или соревнований и, почти безжизненная, лежала на полу с вытекающей на солому кровью из разрезанного рта, она не могла думать больше ни о чем, кроме одного. Спустя годы, проведенные и вынесенные здесь, она, наконец, поняла истину. Единственное, что могло освободить ее от всех страданий, мучений и унижений, – смерть. И, в конце концов, случилось то, что неминуемо должно было случиться. Однажды прямо на виду бесчисленного количества человеческих существ на соревнованиях, когда наезднику Безымянного до победы оставалось пересечь всего одно препятствие, и послушный конь, казался бы, вторил всем приказам хозяина, произошло самое неожиданное и внезапное из всего, что могло бы стрястись. По мере того, как лошадь приближалась к последнему препятствию и прямая стезя к нему стелилась перед ней, время стало останавливаться. Звуки, блики, биение сердца – все это начало отражаться внутри коня. Все слилось в одно протяженное чувство. Смех, ярость, гнев, радость – он ощутил все, что здесь было. Лики жажды и самодовольства, надменность и жестокость, безнаказанность и беспечность – он узрел все. Плыли мимо него призрачные блики хаоса человеческих душ, пронзивших его до глубины еще бьющегося сердца. И странное чувство колыхнулось в лошадиной душе в людских оковах. Но не знал человек, сидящий на нем, ничего этого и, гонимый надеждой победить, поддал поводьями, и железо на миг впилося в небо лошади, предупредив о прыжке. Этот, казался бы, испытанный уже миллион раз «щелчок» оглушил и пробудил потерявшегося в чувствах и времени Безымянного. Вспыхнувшая боль вдруг озарила коня, и предстали в его разуме клеймо, разлука с матерью и хлыст скачек. Смерть лошади на окровавленной

земле, и кровь ее, и собственные муки, и плач, боль и страдания – в одно мгновение он вспомнил все! И в тот момент, когда его ноги уже должны были оторваться для победного прыжка, пред ним явились образы тех, кто был повинен во всем этом. Узрел он их злобу и глупость, вспомнил боль, причиненную ему, их безжалостность и беспощадность, побои и вопли. Они отобрали у него жизнь, у него не было и не осталось ничего, и никто не мог их остановить. Тогда явилась пред ним ненависть. Внезапно перед самым прыжком, со всего галопа, лошадь застопорилась на месте, и всадник, по инерции, перелетел через ее голову и рухнул на препятствие. Замерли и ахнули в этот миг все, кто тут был, – никто не ожидал этого. Громкое ржание раздалось вдруг в манеже, и наполнившаяся небывалой злостью и невиданным бешенством лошадь встала на дыбы. Обезумевшая от страданий и угнетений, полыхающая огнем и яростью, она всем своим существом пала на опрокинутого навзничь человека, топча и сокрушая его ударами копыт. И в этот миг Безымянный собрал всю свою ненависть, всю обиду, всю злость и боль, пронизавшие его, все, что накопилось в нем за все эти долгие годы оскорблений и унижений. И здесь существо, которое так долго использовали, которое выполняло все, что от него требуют, всегда и везде делавшее то, что хотят другие, восстало. Тогда трепет и страх охватил и сковал людей при виде этого зрелища. Как мог «слуга и раб человека» сотворить подобное? Почему? Бросив одного из своих мучителей, лошадь бросилась на препятствия, жерди и палки и всей своей мощью рушила все, ради чего сюда пришли эти глупые создания. Никто не решался к ней подойти, все испугались. Но вдруг кто-то все-таки решился и, улучив момент, попытался схватить Безымянного за поводья и усмирить. Это была женщина, тоже «учившая» Безымянного, которую обезумевший конь в тот же миг узнал. Твердо и самоуверенно, грозя хлыстом, она решительно двинулась к нему. Но еще сильнее разозлившийся Безымянный, не колеблясь, бросился в ее сторону и вцепился в нее зубами. Своими мощными челюстями он принялся грызть и топтать копытами существо, причинившее ему столько боли и мучений. Но он не хотел мстить, он хотел прекратить и остановить! И затем, кинувшись по манежу, разогнав всех, наведя страх и ужас, всю жизнь молчавший и повинующийся конь поднялся на дыбы и неистово и пронзительно заржал в дрожащем безумстве. И ржание его заставило вздрогнуть и задрожать сердца людей, узревших и испугавшихся силы, не находившейся под их властью. Люди увидели существо, неподвластное и живое, имеющее свою волю и свою душу! И голос этой лошади донесся во все уголки душ, находящихся здесь, и внимали ему воздух и пространство, и этот неудержимый, высвободившийся из лошади образ мощи и воли навсегда запечатлелся в сердце незыблемого потока времени.

Старая коневозка прибыла на ветхую конюшню, где около двух недель бился о стены и пол запертого стойла брошенный заживо в холодный гроб тьмы и тишины обезумевший конь. Но сейчас оттуда не доносилось ни звука. Вскоре пожилой человек неспешно и осторожно вывел из полуразваленной конюшни неузнаваемое существо, ходячий труп. От бывшего Безымянного не осталось ничего. Высохший скелет с облезлой, отмеченной бесчисленными шрамами и грязью кожей, пошатываясь, плелся к машине. Ноги его, покрытые ранами и порезами, дрожали, и он сильно хромал. Голова

Безымянного время от времени судорожно подергивалась, а из больных глаз текла прозрачная слезь. Его безумие ушло, но вопреки всему конь сохранил свой рассудок. Это было избитое, изнеможенное, умирающее существо, не познавшее в этом мире ни любви, ни счастья, ни жизни. Лишь боль была его вечным спутником. И сейчас, изувеченный и изуродованный, Безымянный совершенно спокойно и непоколебимо вошел в коневозку. Он знал, что отправляется в свой последний путь, путь, который станет венцом его надежд и которого он так долго ждал. Пришло время.

Уставшая от мира и от жизни в нем, лошадь с болью, но стойко шагает по тропе, ведущей внутрь большого строения – скотобойни. Уже внутри запах смерти забился в ее ноздри, но Безымянный не боится, он идет навстречу судьбе. И не страшится он даже тогда, когда пред ним, как демоны из пламени, восстают тени, облитые кровью, держащие в руках острые, окровавленные ножи – убийцы плоти, которую с упоением поедают существа из людского рода. Но и здесь, не дрогнув, не пытаясь убежать или спастись, Безымянный непреклонно встретил немые тени лицом к лицу и заглянул в их равнодушные глаза.

И тогда, когда конь уже лежал на холодном полу, он не думал больше ни о чем. Он видел дом, которого у него никогда не было, он чувствовал зов тепла, так и не постигнутого им. Он видел место, где больше не было ни боли, ни страха, ни отчаяния, где он и его жизнь никому не принадлежат. И нет там ни людей, ни их бесконечных требований и прихотей. И не увидит он их больше никогда, и, оказавшись там, он, усталый и искалеченный жизнью, найдет в конце концов свою частицу счастья и обретет покой. И, пройдя столько испытаний и до конца веря в это, он не боялся, он был глубоко и покойно рад тому, что наконец освободится. В последний раз из наполненных мудростью и болью глаз медленно скатилась по ее морде капля слезы, сколь чистая, столь и тяжелая. И в тиши несуществующего страха конь безмолвно и стойко принял острие, коснувшееся его горла...

И тогда Безымянного больше не стало. Закончились его муки и страдания, и здесь осталась его боль. Он освободился. У него не было имени, о нем никто и нигде не вспомнит и не узнает. И, возможно, его страдания и вера были не напрасны.

Тихо и безветренно, сквозь белый играющий туман облаков, навстречу теплым солнечным лучам безмолвно скачет призрачный табун. Он несет с собой легкость и свободу, и примыкают к нему освободившиеся души и, мчась вместе, они не знают забот, сливаясь с крыльями невесомого и бескрайнего пространства. Они – дети южного ветра. И всякая душа уходит с ними в чистые и светлые дали, где царит истинное безветренное счастье... Безымянный обрел свой покой.

2008 г.

Мохдан ЦУРАЕВ

**Ты просто верь
и продолжай молиться!**

Когда печаль всю душу в плен берет,
И грусть и боль когда тревожат сердце,
Когда не можешь сделать шаг вперед,
Как памятник когда стоишь на месте...
Когда удар наносят – в спину нож,
И грязью обливают за спиною,
Когда тебе «предательство и ложь» –
В подарок приготовлены судьбою...
Когда и кровь бежит уже из жил,
И свежий воздух ощущаешь «ядом»!
Когда для жизни не хватает сил,
И «нужных» нет людей с тобою рядом...
Когда готов расстаться ты с душой,
Отдать земле и попрощаться с телом –
Когда лишь в этом видишь свой покой,
Когда мечты рисуешь только мелом!..
Когда желанья превратились в прах,
В огне горишь – в душе бушует пламя,
Ты будь силен, держи себя в руках –
Ведь это от Аллаха испытанья!
Ты веришь в Бога – веру Он дает!
Пусть на коленях, и душа томится,
Аллах с тобой, Он от всего спасет,
Ты просто верь и продолжай молиться!

Не оставляйте нас умирать –
Холод на улице. Страшно.
Разве нельзя нас впустить и принять?
Ваше тепло для нас важно.

Мы голодны и нам нечего есть.
В мусорках пища замерзла.
Если б могли мы к вам в душу залезть –
Вы полюбили б нас просто!

Нёмощны мы, и беспомощны мы –
Только на вас вся надежда.
Многих из нас вы в подвалах тюрьмы
Заперли насмерть навечно.

Больно и грустно. Скажите же, в чем
Мы провинились пред вами?
Может быть в том, что и ночью и днем
Мы вам любовь отдавали?

Шерсть, как иголки у ежика – лед.
Глазки опухли, закрылись.
Лапы – как будто бы токами бьет...
С плачем мы в угол забились.

Как пережить нам суровые дни?!
Помощи просим! Придите!
Знаем, конечно, что мы не одни –
Есть и другие. Спасите!

Мы милые кошки. Котята. Коты.
Мы были любимы Пророком.
Ну как же вы смеете нас не спасти?!
И как вам предстать перед Богом?!

А кто-то из нас в эту зиму умрет, –
И в райских садах он очнется.
А тот, кто нас впустит к себе и спасет –
Довольства Аллаха добьется!

Давай с тобой поделимся на атомы,
Изучим весь молекулярный уровень,
Чтоб совершить скачок, единый – квантовый,
Чтоб мы сыграли без надежды с судьбами.
Давай мы создадим машину времени,
И в световых годах – за край Галактики,
Быть может, там, с инопланетным племенем,
Научимся космической романтике.
Мы звезд на небе сосчитаем численность,
Их назовем своими именами мы.
Мы под себя там выстроим действительность,
А для землян мы станем невменяемы.

Давай с тобой научимся быть лучшими,
Чтоб сердце билось в такт с дыханьем космоса,
Как ДНК и гены – неразлучными,
Что не разделит даже хаос Хроноса.
Давай с надеждой мы сыграем судьбами,
Научимся с тобой быть выше времени:
Секунды – галактическими сутками
Растянем, и забудем про забвение.
И будет наш молекулярный уровень,
И совладаем мы с эфиром полностью.
Душевыми с тобой сыграем струнами,
И с песнями в сердцах – пойдем по космосу.
Наш квантовый скачок – всего лишь импульсы
Нейронов, что в итоге светят мыслями...
Давай мы сосчитаем плюсы-минусы
И в мыслях улетим Туда пожизненно...

Мир крутится все так же. Изменений
Не нахожу, не вижу – нет сомнений.
Земля вокруг по-прежнему вращается,
И ничего, по сути, не меняется.
Не вижу смысла вовсе философствовать,
И прыгать тоже с острова до острова.
Не отличая сладкое от острого,
Из доброго я превращаюсь в черствого.
Внутри все каменеет. Словно статуя
Моя душа, и ничего не радуется.
Как видишь, я нарочно радость «прячаю»,
Чтоб виделась мне грусть стихией пятою.
И все катастрофично. Сердце – вдребезги
Ломается от этой бессердечности.
И в собственных же мыслях, словно в брешности –
Боюсь я оставаться в бесконечности...

Я к тебе обязательно снова вернусь, Эвтерпа!
 И желаю нам скорой и долгожданной встречи.
 И я сделаю так, чтобы ты хоть на миг ослепла –
 От метафор кристальных, витиеватых наречий.
 Ну что даст тебе это? Разве так быть обязано?
 И не главное ли в нашем деле – искренность слов?
 Да и эти абстракции с ритмом – душой повязаны
 С нескончаемым слогом и рифмами между строф.
 До чего ж разбираться в технике стихосложения?!
 И ведь мы же тут не на уроках, и опыт есть –
 Чтобы выразить чувства, достаточно и предложения;
 И без разницы что: про любовь, или ненависть, месть...
 Иногда мне хватает и слова для бурных оваций,
 Но на кой же мне черт этот жалкий кусок похвалы?
 Интересней играть на эмоциях разных реакций,
 Но сложнее еще – достучаться до головы.
 Понимаешь, Эвтерпа, ведь ты же всего лишь муза.
 Для поэзии – все, только вот для меня ты – ничто.
 Лишь название для разодетого в рифмы чувства,
 И вот все это – только сейчас до меня дошло.
 Понимаешь, Эвтерпа, не я здесь в тебе нуждаюсь.
 Без меня ты опять канешь в темные воды Леты.
 Ну а я, без тебя и без встречи с тобой, справляюсь.
 Трудно – это когда за плюс тридцать лето!..
 Мы с Эвтерпой той ночью играли в бои без правил,
 Но включив вентилятор – я, выиграв, все исправил!..

как в результате взрыва сверхмассивной
 звезды в просторах дистатичной тленной
 вселенной умирающей с рожденья
 я чувствую все то же притяжение
 к тебе как и в бездонных черных дырах
 в тебе высокий уровень от радости
 притягивающий как гравитация
 и это все познавню непосильно
 но знаю что за горизонт событий
 как только упаду я буду в вечности
 потерянным во тьме средь бесконечности
 где нет пространства времени материи
 как часть антиматерии в неверии
 что это может хоть когда-то кончиться
 я буду точкой во вселенной корчиться
 в безумном одиночестве на атомы
 раздробленный сверхмощным взрывом ядерным
 и через световые миллиарды
 далеких лет где миг как год земного

быть может я освобожусь но вряд ли
 смогу быть целым человеком снова
 ведь если так бездумно и без критики
 поверить астрофизике то в принципе
 я буду без единой информации
 без клеток ДНК среди стагнации
 бессильный к жизни к новой трансформации
 и непонятно где в какой бескрайности
 и в матрице какой и в сингулярности
 не важно где и как в какой реальности
 как важно то что буду я без памяти

...И если в ночь начнется трансформация –
 Взрывая разум, мысли строят хаос,
 А телу – от химической реакции
 Окситоцина – чувствуется радость.
 Выходишь из ловушки дофаминовой,
 Забыв себя – и имя, и фамилию, –
 Одна лишь эйфория эндорфиновых
 Молекул – даст мне взрыв серотониновый!
 ...А если просто – буду просто счастлив,
 Настолько, что забуду про забвение –
 Что в мире став настолько безучастным,
 Построю свой же лабиринт из времени!
 Настолько, что в конвульсиях бесчисленных
 Все мышцы содрогнутся бесконтрольно –
 Фатально и спонтанно! И немислимо,
 Как объяснить, насколько это больно!
 Ведь после взрыва – дальше по инерции
 Их скорость постепенно замедляется –
 Гормоны мне же строят инсургенцию,
 Захватывают разум! Начинается...

Вот так вот в ночь ведется трансформация,
 Я становлюсь рабом какой-то сущности –
 Как пятая стихия – информацию
 Раскрыть не в силах о ее бездушности!
 Что это? Что? Дарованное Господом?
 Или же демон надо мною властвует?
 И что такое все, что мною создано?
 Несет добро или всегда злорадствует?..
 Ты знаешь, как я поступаю с мозгом?
 Как сильно я травмирую свой разум,
 Когда пытаюсь высказать лишь просто
 Одну сформулированную фразу?!
 Ты знаешь, как на самом деле «мучаюсь»?
 Где странствует в ночи душа «поэта»?

В каких мирах я чувствую бесчувственность?
В каких мирах я вижу радость света?
...А я скажу: «Ты ни черта не знаешь!
И не узнаешь ты, не встретив демонов!
Меня, как и себя, ты не обманешь,
И не увидишь мрака всевселенного!»
Я этому не радуюсь, не хвастаюсь,
Но, как «писатель», факты констатирую.
И с этим фантазирую – но падаю,
С обрыва ожиданий регрессирую.
И мысль мне аплодирует! Фантазия
Не может завершить полет по Космосу!
Все это есть ночная трансформация –
При свете дня раскрывшаяся полностью!..
Не сосчитать идей метафизических,
Не сосчитать перемещений, странствий.
Материальный мир – реалистический,
Но «нереальный» – больше по пространству...
А тело – вновь в химических реакциях;
Гормоны, чувства, разум – квинтэссенция!
Душа, что зарифмована в абстракциях,
Со складным ритмом – это есть «Поэзия»!

я с мысли на мысль перескакиваю
а кто же такой человек
и редко покойных оплакиваю
о как беспощаден наш век
хотел бы поведать вселенную
о как бесконечна ты жизнь
люблю я земля тебя брентную
и снова меняется мысль
идет просвещение разума
зачем я так помню про смерть
а что же еще и не сказано
а сколько ж и вправду планет
и есть ли живые какие-то
есть ангелы демоны есть
есть в психиатрической клинике
а где же теряется честь
и видишь опять перескакиваю
зачеркиваю-создаю
я просто вот так вот оплакиваю
ничтожную душу свою

Необратимый поток информации
К непоправимой ведет деградации.
С грязью сливается серая масса,
Разум теряется с первого класса.
Общество роется в мусорке жизни.
Нынешней портятся музыкой мысли.
Юношей, девушек – водят к разврату.
Люди уже превращаются в стадо.
Век технологий и высших прогрессов!
Кнопкой не выключить этот процессор.
Слева и справа – везде мракобесы,
Цели которых – регрессы и стрессы.
Этот тупик нас приводит к стагнации.
Нет мотивации – манипуляции.
Люди, как овощи – каждый зомбирован.
Кем же, скажи, этот мир оккупирован?..

В мой внутренний мир для всех была дверь открыта –
Мой творческий путь для вас был в мир иной портал.
И я всем показывал, где тут собака зарыта,
Лопаты давал вам, однако никто не копал.

Хотя я твердил, что нашел раскаленную лаву –
До магмы я смог докопаться и выпустить пар.
Вы мне отвечали: «Ты ищешь сокровища Славы,
В глазах полыхает твоих эгоцентризма напалм».

И только презрение-ненависть (может, и зависть),
Как месть, подавали холодным на завтрак-обед,
А после на ужин – вы все над голодным смеялись,
Не зная, что сыт от любви (параноидный бред!)

Копились во мне недостатки. Душа – как копильник
Гнилых, непригодных продуктов – отходы, изъян.
Но я – над Некрополем гордо парящий Могильник –
Для пищи себе доставал ваши чувства из ям!

Вот только питаюсь всем тем, что кипело внутри вас,
Я тоже, как вы становился, себя же губя –
И личность моя среди сонмищ людских растворилась –
В себе потерявшись, в конце потерял я себя!

Голоса друзей

Борис ГУСАЛОВ

Северная Осетия-Алания

Борис Мустаевич Гусалов родился 20 марта 1940 года в селении Зилга Северной Осетии.

Окончив среднюю школу, поступил на филологический факультет педагогического института г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). По получении диплома преподавал русский язык и литературу в школах Осетии и Чечни. С 1968 года работал в редакциях газет и литературных журналов. Около 30 лет является редактором прозы в журнале «Мах Дуг». Автор 8 книг прозы – рассказов, повестей, романов, публицистики...

Травинка-кровинка

Рассказ

Где-то вблизи гроыхнуло так, что даже эта земля, много сотен раз испытывавшая на себе даже глубинные бомбы, утробно аж застонала.

– Чтобы тебя, фриц конопатый... Неужели и сюда приволок ты, собачий сын, свою царь-пушку – Большую Берту?! Ай дын Гитлер мады для помады!

Звук взрыва успел растаять, взлетевшая вперемешку с камнями земля успела осесть, когда явственно раздался этот прокуренный махоркой голос. И особенную ему радость доставила ругань – наполовину по-осетински, наполовину – по-русски. Чуть помучившись, он вспомнил того, кому принадлежал этот голос – даже предстала перед глазами такая картина: длинные, как у пианиста, пальцы умело и красиво скручивают газетную бумагу в козью ножку. Чуть ли не торжествующе крикнул:

– Эге-гей! Ашамо! Не Ашамо ли ты?

– Эге-гей! Ваню! Не Ваню ли ты?

– Салам тебе!

– Малейкум тебе!

– В Керчи, на переправе встретились мы, да?

– Да, точно.

– Хорошо тебе меня слышно?

– Отлично даже, хоть мы и в Крыму – в огне и дыму! Не я это сочинил, слышал от кого-то...

– Подними на какой-либо хворостине или стебле свой носовой платок – он же у тебя, должно быть, красного цвета, как у нас принято.

– А зачем? Со знаменем пойдем в атаку? – послышался приглушенный смех Ашамо.

– Наатаковались, теперь вот залегли до... Не знаю, до какого «до». Я просто хочу узнать, насколько близко ты находишься...

Над голой, обожженной огнем и солнцем, каменистой землей из какого-то углубления опасно так поднялся кусок красной материи или, точнее,

когда-то чисто красной, а теперь... Ну да, ладно, чего хотеть с побывавшего в переделках, в боях-пожарищах, солдата... Ваню мысленно прикинул расстояние меж ними в обыкновенных, не в растяжку, шагах:

– Шагов до тебя, Ашамо, от силы пятнадцать-двадцать. Как ты – не ранен?

– Слегка, не очень, зато страшно голоден. Барашку бы умял без араки даже и нурцахдона – без чесночной подливки...

– Потерпи уж до дому: такое твое угощение за мной – и с перцовкой, и со жгучим чесноком в сметане.

– А где это до дому? Я из Зилга, а ты, если не запамятовал, из Тулатово-Беслана, да? Или же, не глядя, махнулся с кем домами?

– Да, махнул: променял на Севастополь. Рай Осетии на сегодняшний ад Крыма.

– Как погляжу на тебя, Дзгоев-сын, ты подлинный джигит: способен еще шутить. Но ты прав, когда сравниваешь наше положение с адом. И как же нам из этой преисподней ноги уволочь?

– Командование наше во главе с самим адмиралом Ноябрьским не то что ноги унесли, но и драпанули, прихватив с собой верных боевых подруг...

– Ты же, наверное, в чинах, Ваню.

– Еще бы: сержант я.

– Вот теперь-то ты и есть мое и главное, и верховное командование, товарищ сержант. И, учитывая сложившуюся – не по нашей, красноармейцев, вине, – ситуацию, прикажи это самое... Выдать и мне драп на отход на заранее подготовленный укрепрайон где-нибудь на родном кавказском берегу.

– Ты ведь знаешь наверняка, что с нами будет, если мы самовольно оставим наш так называемый плацдарм. Взыщут за все, даже за трусость командиров...

– Не смей Гитлера, Ваню! Какой еще, к черту лысому, плацдарм, когда весь Крым уже под кованым башмаком немца! – послышался его, Ашамо, надрывный, грудной кашель.

– Что с тобой? Глотни хотя бы воды из фляжки...

– Какая вода, какая фляжка – о чем ты говоришь, Ваню?! Дрянное курево! Не махорка, а сушеный конский навоз. И на чем только душа наша солдатская держится?.. На песне, что ли:

Если завтра война –

Враг получит сполна.

А мы выпьем до дна

За нашу над фрицем победу!

– Раз так, рядовой Азиев, то слушай мою команду. Приказываю в пешем строю передислоцироваться к самой кромке воды Черного моря! Не может того быть, чтобы и рыбаки бросили нас на произвол судьбы и немцев. И для более легкого и успешного достижения цели, оставляем свои ППШ: ведь ни патронов на них не осталось, а штык-ножей для них вообще не предусмотрели. Даже в качестве палок не годятся в случае ранения в ногу, не то что древняя трехлинейка Мосина.

– А про приклад ты забыл, Вано?

– Бери с собой, раз так. А у моего и он раздроблен в щепы заблудившимся осколком. Ашамо, тебе виден колючий куст терна у края обрыва? Там внизу море...

– Это под которым кустом матросская бескозырка лежит кверху?

– Точно. Знаешь, сколько их плещется у берега – услан ими. Я видел накануне. А матушка ждет сына домой. Ага... Значит, Ашамо, держи курс по азимуту к этому терну, или как его там. И фамилия твоя как раз: азимут Азиева...

– А ты сам как, Вано?

– Я-то? Я не бездумный храбрец какой, но, знаешь, как за это время коротких наступлений и долгих отступлений осточертело ползти на брюхе, вставать – ложиться, искать хоть малейшее укрытие... Словом, быть зайцем для фрица... Мой здешний бугорок простреливается со всех трех сторон – лишь со стороны моря в меня никто не целится. Ага... Вот я и решил подняться во весь свой средний рост колхозного счетовода и... Будь что будет!

– Ну ты даешь! Тогда беги, виляя-петляя, как заяц. Я понимаю тебя: сам не раз молил Бога послать мне мгновенную смерть, но Святой Георгий – наш осетинский Уастырджи не голосовал за мою мольбу. И тебя он берег до сих пор. И чтобы до смерти ни одна немецко-фашистская пуля нас не взяла! Ах, да... Что хотел спросить... узнать у колхозного счетовода. Это... А к нему, к их Бисмарку, ты сколько фрицам успел выписать командировочные на вечные бессрочные?

– Бисмарк, Бисмарк, – задумчиво повторил Вано, стараясь вспомнить, кто же он такой. Засветилось в голове, обрадованно сказал: – А-а-а, к их железному канцлеру, да? Он им уши точно надерет за то, что не послушались его завета никогда не ходить войной на Россию. А Гитлер же этим не отделается... Что, что? Скольким задарма выписал путевки в ад? Девятерым!

– А я семерым! И цифры у нас получаются какие-то магические, святые...

– Война же наша тоже священная!

– Вано, сказать тебе, что мне было неожиданно приятно?

– Скажи! Может, и мне будет приятно то, что тебе доставило радость.

– То, что ты знаешь, кто есть Бисмарк, Отто этот.

– Чудак человек ты, Ашамо! Я же все-таки целых девять классов одолел Тулатовской средней школы. Но перед десятым отец сказал, что – достаточно, читать, писать, считать научился, а сейчас, сказал, пахать пора, сеять пора, жать пора, молотить пора, молоть пора... И пустил вперед моего младшего брата Бориса. Но ладно балаболить, пора в путь-дорогу вперед-назад к берегам непокоряемого Кавказа.

– Разреши, товарищ Верховный Главнокомандующий, еще один, так сказать, оперативно-тактический вопрос: почему немцы тоже залегли, не поднимаются в атаку? Вон даже свою Большую Дуру приволокли против нас, почти уже безоружных.

– А их смертельный ужас перед полундрой моряков? Они сидят в окопах впереди нас и поклялись до последнего патрона, до последнего вздоха не сдавать эту священную для них севастопольскую землю фашистам. Я

думаю, что как раз против них и притащили свою громадину пушку. Ну давай, до встречи – хоть на этом, хоть на том свете.

– Лучше на этом! Ваню, ты не забывай, какой кушарт обещал мне!

Ваню, встав на ноги и, по привычке отряхнувшись, далеко в сторону немцев закинул свой бесполезный автомат, как бы призывая и тех сложить оружие и брататься, потом резко повернулся к ним спиной, на, мол, позорники, стреляйте в спину. А там, широко распахнув борта своего безворотничкового ватника, зашагал прочь.

...Десяток лет спустя после войны, Ваню, очень уж неохотно согласившись на встречу со школьниками в канун 9 мая, рассказывал им:

– Я не из тех фронтовиков, которые то в меру, то нещадно привирают, но это вовсе не значит, что я вот сейчас выложу всю неприукрашенную правду о войне. В ней, в войне, мало доблести и святости. В ней не столько много крови, сколько пота и грязи, непосильного труда, неразберихи. Там, помимо геройства и трусости, много чего еще... Но не об этом обещали вам от моего имени рассказ, как я легко догадываюсь...

Так. Значит, поднимаюсь я из своего неглубокого лежбища-окопчика и единолично отступаю. Иду прямо, то есть, выпрямившись. И иду напрямик, не бегу, не рисую восьмерки, не отпрыгиваю время от времени из стороны в сторону, как хитрит лиса, и тем самым выдавая себя; не петляю и подобно русаку, то есть серому и зимой и летом зайцу. Иду. И надеюсь, что там, внизу, на море окажется какой-нибудь отчаянной храбрости рыбак со своей лодкой-шаландой и... и...

Там он и оказался, и переправил меня и еще вконец измотанных трех бойцов к косе Чушка, что уже на кавказском берегу.

Ага... Шел, значит, на виду у всех немецко-фашистских войск, что в этот час находились под героическим городом, городом русской славы Севастополем. И вот они на спор стали в меня палить: кто первым сразит меня, тому призом будет бутылка араки. Ой! Не араки, конечно, а пузырь шнапса, родной их шайтан-воды. Однако ни один из них не раскупорил эту бутылку, ибо... Ибо все их пули ложились не в цель, то есть в меня, а в мою боевую подругу – в телогрейку мою. Вот из нее-то и вылетал пух. Нет, не пух, а вата, узбекский хлопок. Жаль, я потерял ее в каком-то из последующих боев... Ага, был как заговоренный, недосыгаемым для пуль, однако не исключен и такой оборот дела, что фрицы просто забавлялись, не очень-то тщательно беря меня на мушку, а стреляли, не целясь...

Что, что? Не страшно ли мне было? Поначалу было, а потом уже нет. Было как-то все равно. Не, вру, не совсем все равно: я таким манером плевал на них, на немцев! На всех Фрицев Гитлеровичей!

А Ашамо куда делся? Был оглушен, контужен взрывом снаряда огромного калибра. Но повезло ему: кто-то набрел на него и доволоч, еле живого, до моря... Здравствует поныне тоже...

Как, как? Ну смелее спрашивай. Почему нас не наказали за самовольное отступление? О, тогда, знаете, скольких нужно было бы призвать к ответу! Но и то правда, что особистов бы и это не смутило, количество вынужденно отступивших. Просто уже не до нас было, тем более, что нами пополнили другие ополовиненные части и выдали новое оружие... А конец войны,

победа застала меня в Венгрии, в городе с труднопроизносимым, но красивым названием: Секешфехервар.

Когда школьники начали пробовать правильно произносить это название, при этом искажая его на разные лады и заливаясь смехом, он подумал, что наступило самое время раскланяться, и – ушел.

...Вано, оказавшись в недосыгаемости для все-таки криворуких и кривоглазых немецких стрелков, по крутому склону оврага наискосок спустился на плоское его дно – это было сухое русло лишь весной оживляющегося потока талых вод. Внизу вызывающе нарядно, празднично зеленела трава наперекор войне и всем невзгодам, в том числе знойному лету, оставаясь непреклонно жизнелюбивой и стойкой.

Отбросив пару крупных камней в сторону, Вано прилег на более-менее ровном месте, чтобы чуточку передохнуть после того, как побывал в роли движущейся живой мишени и еще раз обдумать ситуацию, но нисколько не тревожась за последствия предпринятого шага: пусть отдувается за все командование, а с них какой такой спрос – с них, брошенных на милость врага... Прилег поудобнее и только тогда метрах в семи заметил котенка. У него был любимый им, Вано, огненно-рыжий окрас. Захотелось тут же взять его на руки, погладить, почесать ему за ушками и подождать, не замурлычет ли он, или еще рано ждать от него такого ответа на ласку?..

Между тем котенок был занят серьезным делом: он с воображаемым противником из своих сестер-братьев играл в прятки, хоронясь за полувысохшим безлистным стебельком неведомого бурьяна-травы. Он то с одной стороны стебля настороженно высунется и пробно так, дразняще царапнет лапкой с выпущенными когтями воздух, то с другого боку, но уже напрягшись, готовый к прыжку, к атаке, свидетельствующей о его бесстрашии. И при этом он не без интереса искоса своими прекрасными глазенками поглядывая на человека, мол, нравится ли ему его подготовка к бою, или... Или же и ему, только не по малодушию, а по малолетству ретироваться, драпануть перед наступлением превосходящих сил облезлого, но все еще матерого котяры с катакомб далеко за городом...

У Вано защемило в сердце, вдруг стало горячо-горячо в груди: он увидел себя юного, когда он в зимний теплый вечер в комнате, где в печи трещал огонь сухих акациевых дров, играл с котенком, дразня его подвешенным к нитке комочком бумаги...

О Хуцау-Господи! Они ведь сами всем фронтом и есть вот этот огненно-рыжий котенок, ибо вся их защита на войне не надежнее, чем стебель неведомой бурьян-травы! Но травинки-кровинки родной каменистой почвы. Никто не сеял, не пропалывал-лелеял, а травинка выросла, ибо она действительно кому-то кровинка-кровинушка. А они-то, люди, которые по чьей-то дикарской воле, случается, – и не так уж изредка! – служат просто пушечным мясом, они-то кому дорогие родные его... или же ее травинки-кровинки, а? Государству? Стране?

Но, однако...

Однако если наперерез сумасбродному миру в огне и в дыму трава смеет так изумрудно зеленеть, не пеняя на судьбу, то и в глубине народного горя обнаружатся силы такой мощи, что и тебе, Фриц, Гитлера-последыш, мало

никак не покажется: пятки твои, надраенные камнями Крыма и Кавказа, засверкают ослепительнее подошв наших обмоток, когда и ты дашь деру на запад, к закату – к закату и фашистского солнца твоего, и твоего Третьего Рейха, дрянь такая!

О, киска, кисуля! Радость золото-рыжая! Спаси тебя во все дни твои твой, кошачье-тигриного племени Создатель!..

...С Ашамо они встретились лишь через семь лет после войны – как раз перед кончиной своего настоящего Верховного Главнокомандующего в редчайшем звании генералиссимуса. А встретились, как это чаще всего бывает в Осетии – на похоронах знакомого им обоим фронтовика Бесагура из села Эммаус. Сдвинулась, сказали, застрявшая в груди того пуля и проникла в сердце...

Много о чем они переговорили тогда. Напоследок Ваню задал Ашамо чуть ли не провокационный вопрос:

– А если это... Снова прозвучит «Вставай, страна огромная...», то ты как?

Помедлив с ответом, тот поинтересовался:

– А ты сам как?

– Ты что, зилгинский, как еврей, отвечаешь на вопрос вопросом? Порох отсырел? Я-то встану, забыв полные горсти горечи и помня щепотки радости. И еще, мой однокрымчанин-полчанин. Никак не может быть так, чтобы кто-то был во всем прав или виноват, а мы кругом все просто облапошенные, обделенные. За счет смертей миллионов ребят нам оставлена жизнь, и тоже для жизни других. И, вообще, Родина не столько командирская отцова земля, сколько она наша – солдатско-сержантская. Извини за речи политука. Ладно, не теряйся из виду...

– И не надейся, – Ашамо улыбнулся одними глазами, потом взглянул на Ваню, прищурившись. – Не надейся, не потеряюсь хотя бы потому, что устал глотать слюнки...

– А-а-а! Не забыл, помню о барашке. Не в это, так в следующее воскресенье жду тебя с теми, кого сам считаешь нужным пригласить. Адрес я тебе давал...

– То-то и оно!

Август 2020 – октябрь 2021

Марет ЭЛЬДИЕВА

А Земля давно сошла с орбиты:
 Не важен ей ни детский крик, ни плач.
 На земле сочувствие забыто.
 С ума сошел от радости палач!

Несется в гибель вольная планета.
 Ничто не держит: ни любовь, ни смех.
 Безумство войн ведет планету эту,
 Безумство краха и безумный грех.

Я пришла помолчать
 О беспечности юной,
 Твердящей, что вспять
 Повернуть жизнь всю нужно.
 Что нависло опять небо
 Серое хмуро,
 У природы отнять нужно
 Светлое утро.

Я пришла помолчать
 В край сомнений и звуков,
 Чтоб беззвучно роптать
 На безделье и скуку.
 Смысл жизни понять
 И пожать себе руку,
 Чтобы миру сказать,
 Шепнуть чтоб под руку:

Я пришла помолчать...

«Я пришла помолчать,
 Слушать шепот свой.
 Слышу, как бесконечная гладь
 Неба синего дышит.
 Нужно тихо дышать
 Тишину не нарушить...
 Пусть все катится вспять –
 Тишину только б слышать!»

Столько лиц без лица!
 Столько глаз без стыда!
 И читают, читают мораль.

Если смел, помолчи.
 Если глуп, закричи.
 Им не нужно ни «да» твое, «нет».

Просто тишь возмутить,
 Да умы бередить,
 И бездарность свою возвеличить.

Там с пути не сойти,
 Раскаянья не жди.
 Мимо, Боже, меня пронеси!

Мимо бреда всего,
 Самомненья того.
 Мою душу, прошу, сбереги!

Была любовь. Прошла. И что же?
 За что теперь терзать, о чем молчу?
 За то, что белою покрыто все порошей,
 И я, как снежный ком,
 в неистовость лечу?!
 За то, что разобьюсь сейчас, рассыплюсь
 О твердь земли, души, непониманья?
 Не разлететься на снежинки силуюсь,
 Понять, принять всю
 горечь расставанья.

За то, что мир теперь (да, да!) расколот
 На «до» – и боль, невыносимую боль?!
 За то, что мыслей непонятных ворох
 Рвет сердце мне, доиграна и роль?

За то, что вдребезги все – не склеить;
 Не ждать заката, не встречать рассвет.
 За то, что (горе!) разучилась верить?
 На все плевать. И буду резать: «Нет!»

Была любовь, прошла твоя, и что же?
 Ты не в плену у чувств теперь, свободен.
 А я... сама решу, что для меня дороже:
 Разбиться, жить иль полюбить неволю.

Расшатала совесть мои нервы.
 Я ее запру на семь замков,
 А она все в душу и, наверно,
 Не спастись от брани и оков.

Если бы кто призвал к ней, понимаю.
 Да и мода ж на нее прошла,

А она все тычет, да так рьяно –
 Где оступилась – что никак нельзя.

Я ее задвину за притворство,
 За модный и расчетливый цинизм.
 А она, вина меня в потворстве,
 Повергает снова меня ниц.

Я ей о туманности сей жизни,
 О пути запутанном и жалком,
 А она мне: «это все излишне,
 Мне тебя совсем теперь не жалко».

Я пытаюсь убедить ее, чумную,
 Что в этом мире ей уже не место.
 А она все лезет, да вслепую,
 Требуется быть с нею очень честной.

Расшатала совесть мои нервы.
 Я ее запру на семь замков,
 А она все в душу и, наверно,
 Не спастись уж от ее оков.

Хамсат АГАЕВА

Рассказы

Былое и думы

Дорога вьется мимо каменной кладки, которой здесь часто огораживали и укрепляли участки, чтобы земля не сыпалась под уклон. Наверху, во дворе полуразрушенного дома, раскинулось дерево, обсыпанное грецкими орехами. Орехи падают с высоты и катятся вниз.

– Смотри, как много!

Муж останавливает машину, выходит и наклоняется к обочине. Аккуратно собирает и передает мне орехи. Набираем несколько полных пригоршней, садимся в машину и продолжаем путь.

– В годы моего детства к этому времени не только ни одного ореха не валялось, все деревья успевали обтрясти, – после непродолжительного молчания вдруг начинает говорить супруг. – Запасали все, что можно. Время-то было полуголодное. Тогда на ближайšie пять сел был один магазин в соседнем селе, и перед ним собиралась огромная толпа. Через день приходила только одна машина с хлебом, на всех не хватало. Других продуктов тоже было немного, только самое необходимое.

Снова пауза, муж сосредоточился на трудном участке. Дорога делает крутой поворот, спускается вниз и, пересекая ручей, также круто поворачивает вверх.

– Неподалеку от магазина стояла цистерна с керосином, его покупали большими бидонами, – продолжает он. – Света здесь тогда тоже не было, ночью жгли керосиновые лампы. Дороги были узкие, проехать можно было только на лошади или осле, телеги еле разворачивались. Бидоны вешали на ослов, по одному с каждой стороны. Сверху в таьлсы – мешочки, что свисали по бокам – укладывали остальные покупки.

Жизнь в горах всегда была тяжелой, независимо от власти. Зимой ели то, что успевали запасти за лето. Сажали в основном кукурузу и картофель. Все держали скотину, многие овец, а вот лошади были редкостью. Особенно ценились пахотные, ведь участки были большими, по пятнадцать-двадцать соток, каждая семья сажала по несколько огородов.

В нашем селе пахотная лошадь долгое время была только у отца. И лет с десяти я каждую весну обходил с ней все участки в селе. Вел под уздцы, а за плугом шел кто-нибудь из старших. Это было самое тяжелое время. Поднимался ни свет ни заря и, зачастую даже не позавтракав, отправлялся к очередному односельчанину. Мать давала с собой пшеничную лепешку или сискал и кусок сыра – вот и весь завтрак.

В то же время по весне скот и лошадей отгоняли за хребет, на плато. Правда, овцы оставались, за ними надо было присматривать. Мы всегда держали голов шестьдесят-восемьдесят, пасли их на соседнем склоне. Вокруг не было ни одного кустарника: каждая пядь земли или засевалась, или шла под покос. Даже дороги, кроме центральной, закрывали и перепаживали.

После пахоты и до сенокоса для детей была самая вольная пора.

Детвора и молодежь ранней весной ходили за черемшой, а летом собирали дикие фрукты, орехи, ягоды, съедобные клубни. Варенья тогда варили мало, сахар был дефицитом. В основном мочили и сушили. Высушенные плоды дикой груши мололи на мельнице, а получившийся цу – муку – разводили в теплой воде и пили, как кисель. Или ели сырым.

Во время сенокоса младшие помогали женщинам ворошить и собирать в стога сено. Подростки постарше косили наравне с мужчинами. Осенью собирали кукурузу, отделяли початки от стеблей, а стебли увязывали в небольшие копешки – они тоже шли на корм скоту. Потом копали картошку, засыпали в ямы. Резали скот и сушили мясо на зиму.

Да и зимой было чем заняться: свозили сено с дальних покосов, пилили и кололи дрова. Дрова тоже сами запасали. Участки для рубки старики выбирали так, чтобы лес успевал восстанавливаться. Рубили только старые и больные деревья, сильно разросшийся кустарник.

Работы всегда было много. Но при этом все делали вместе, помогая друг другу, с шутками, розыгрышами и весельем. Часто устраивали белхи – собирались у того, кому нужна была крупная помощь. Летом кто-то обязательно строился, а зимой женщины звали односельчанок, чтобы помогли лущить фасоль, перебирать и обжаривать для молотьбы кукурузу, чистить шерсть.

Собирались все девушки, а где девушки, там, понятное дело, и парни. Тут же устраивали синкьерам (посиделки), танцевали, пели, упражнялись в остроумии. Устраивали шуточные сватовства, которые потом часто перерастали в настоящие свадьбы. И при этом девушки еще успевали соревноваться, кто больше сделает работы. А старшие женщины в основном руководили «парадом». Хорошее было время.

Еще один трудный участок дороги, и опять сосредоточенное молчание. Наконец выехали на трассу.

– А сейчас что? – помрачнел глава семьи. – Старшее поколение из кожи вон лезет, вкалывает, чтобы дети были одеты-обуты. А молодежь не ценит, сама ни работать, ни учиться не хочет. Все сутками в телефонах сидят, никого вокруг не видят. Приезжают сюда как на экскурсию, и то редко. Мимо проезжают, лень машину остановить и пару орехов подобрать. От натуральной еды нос воротят, магазинной химией питаются. А если без света и интернета останутся, как они выживать будут? Совсем разленился народ, – продолжал ворчать представитель того самого старшего поколения. – Разбаловали гуманитарками и компенсациями. Огороды не сажают, скотину держать не хотят, хотя сегодня все условия есть. В советское время с каждой коровы требовали сдавать государству определенное количество масла, с каждой курицы – яиц. И в заготконтору надо было отводить ту скотину, на которую указывали. Если заготовитель без совести оказывался, мог и многодетную семью последней дойной коровы лишить.

Сегодня же власть сама предлагает – работайте, поможем. А те, кто попробовал вкус халявных денег, уже не хотят достойным трудом кусок хлеба добывать. Так и рыщут, где бы урвать и у кого бы хапнуть. Разницы нет, хоть у бедного, хоть у сироты или убогого, лишь бы карман набить. Совсем совесть потеряли.

Супруг опять замолчал. В зеркало заднего вида перехватила его взгляд, брошенный на сыновей. И в этом взгляде невысказанный, но так явно читающийся страх. Страх, что не успеет поставить их на ноги. Старших пятерых поставил и

в люди вывел. А этих двоих... Хватит ли сил и времени? Все-таки возраст – шестьдесят уже. Да и здоровье подводить начало, а дети – дошколята. И страх, что, если его вдруг не станет, некому будет заступиться. Обидят, обделят...

– Ну, не так уж все и мрачно, – улыбаюсь я. – В безвыходной ситуации любой соберется и выкарабкается, жить всем хочется. Да и хороших людей намного больше. Вспомни, когда твой племянник в аварию попал, казалось – все! А стоило в группу в Ватсапе с просьбой обратиться, так со всей республики представители тейпа съехались. Даже те, кто понятия о нашем существовании не имел. Никто ведь такой поддержки не ожидал.

– Ну да, – скривился. – Только племянник об этом уже и забыл!

– Почему забыл? Не забыл. Не бегать же ему, каждому в ножки кланяться. А вот когда его поддержка потребуется, он будет на месте. Как и все их мужчины.

В этом наша сила – когда приходит беда, забываются все мелкие дрязги, мы объединяемся. И объединяемся не во взбесившееся стадо, которое вытаптывает все на своем пути, а в стаю, которая защищает, помогает выжить, учит, наставляет на путь и осуждает за неблагоприятные поступки. У чеченцев это в крови, ничем не вытравишь. Никогда призыв о помощи не оставался безответным. Потому столько веков выживаем. И дальше не пропадем.

Муж еле заметно улыбнулся, морщины на лбу разгладились. Бросил взгляд на сыновей и улыбнулся уже шире. А в серых глазах снова заплясали знакомые чертики.

Кузнец и бес

Пожаловалась я однажды старшей коллеге, по совместительству троюродной тетке, на несправедливость со стороны непосредственного начальства. Мол, вкалываю, как лошадь, и я же кругом виноватая. Она мне и рассказала эту сказку, которую еще в детстве слышала от своего отца.

Поймал как-то кузнец беса. Очень старался бес вырваться: и в чудовище огромное превращался, и в ребенка грудного беспомощного, и в девушку раненую, умирающую, и во что-то маленькое, склизкое и мерзкое. Но кузнец оказался не промах – не выпустил пленника из рук. Пришлось бесу за свою свободу торговаться.

Долго торговались, азартно, со вкусом. Наконец сошлись на том, что бес поработает на кузнеца три года. И если за эти три года он не получит ни одного выговора и справится со всей возлагаемой на него работой, кузнец его отпустит. В противном случае работать бедолаге еще три года на тех же условиях.

Бес оказался очень справным работником: ни свет ни заря в кузницу придет, огонь разведет, воду и уголь натаскает. Потом целый день от хозяина не отходит: уголь в горн подсыпает, мехи раздувает, молотком по наковальне постукивает – ковать помогает, воду подносит, полосы железа закаливает.

По ночам, пока хозяин спит, чеканные узоры на готовом оружии выводит, да такие затейливые – ни один не повторяется. Еще и секреты у других кузнецов тайком подглядывает, то бишь промышленным шпионажем занимается.

Словом, прославился кузнец как знатный мастер. Дела в гору пошли, заказов много, работа спорится, денежка в карман рекой льется...

Три года пролетели незаметно, подходит срок бесу на волю возвращаться. И чем ближе этот день, тем мрачнее становится кузнец – уж очень не хочется ему такого работника терять.

Наконец, наступил последний день. Бес, как обычно, спозаранку в кузне крутится да втихаря скорой свободе радуется. А кузнец смотрит на его довольную рожу и говорит:

– Сегодня заказ очень большой, к вечеру закончить надо. Так что работы невпроворот.

У нечистого аж морда вытянулась. Но делать нечего, надо так надо. И понеслось!

– Воды!.. Угля!.. Поддай!.. Бей!.. Воды!.. Угля!.. Поддай!.. Бей!..

Крутится бес, как юла, еле поворачиваться успевает. Кузнец же знай подгоняет:

– Воды! Угля! Поддай! Бей! Воды! Угля! Поддай! Бей!..

С работничка пот в три ручья, а кузнец еще больше в раж входит да рычит:

– Воды-угля-поддай-бей! Воды-угля-поддай-бей!..

Глядь, вода закончилась! Беда! Бес молот на наковальню бросил, уголь в огонь бухнул, ведро там же кинул, схватил бадью и в дверь стрелой. Обрато с водой мчался да второпях об порог споткнулся, через всю кузню курицей пнутой пролетел и головой прямо в угольное ведерко угодил. А бадья дугу в воздухе описала и в огонь плюхнулась – потух огонь!

Бес в спешке с ведром на голове вскочил, на наковальню наткнулся – молот ему на ногу и упал. Взвыл бедолага дурным голосом, по кузнице заметался, все, что можно, в панике посшибал. В конце концов со столбом опорным головой «поздоровкался» и растянулся на полу почти бездыханный...

Кузнец окинул взглядом все это безобразие, ухмыльнулся и говорит:

– Не справился ты, бес. Придется тебе еще три года на меня работать!

– Вот так и наше с тобой начальство, – подытожила сказочку тетка. – Хороших работников потерять боится, потому нас и шпыняет...

*Критика и литературоведение***Роза Межиева****Волшебные маски поэта-мечтателя**

В мире искусства, когда талантливая личность в процессе творческих изысканий постоянно держит руку «на пульсе планеты», явление не редкое. В целом оно может свидетельствовать о разносторонней развитости и даже одаренности человека, его «включенности» почти во все животрепещущие и актуальные темы в обществе. И современная чеченская русскоязычная поэзия (как минимум, двух последних десятилетий) в этом смысле не является исключением.

Понятно, что возглавить такой своеобразный шорт-лист «самых-самых» достойны многие авторы. А имя чеченского поэта Вахи Докаева, как мне представляется, заслуживает занять в нем далеко не последнюю строчку.

С его стихами читатели нашего журнала имеют возможность знакомиться периодически на протяжении последних 10 или даже 15 лет. Кому интересно, могут заглянуть на сайт Стихи.ру, где поэтический «кейс» автора представлен, практически, в полном объеме и время от времени дополняется новыми подборками, условно обозначенными как «книги» (во всяком случае, об имеющихся печатных аналогах мне неизвестно).

Лирика Докаева многогранна, разнообразна и богата во многих смыслах – и качественно, и количественно, и в плане жанрового разнообразия, и тематического охвата. И если бы он планировал, допустим, в ближайшее время издать поэтический сборник – то сделать выборку тематическими блоками из всех электронных «книг», под общим заголовком «Избранное», наверное, было бы идеальным решением. Ведь таким образом читатель получил бы возможность самостоятельно убедиться в справедливости данной творчеству поэта оценки.

Здесь, пожалуй, стоит оговориться: оценки справедливой, но все же немного пристрастной, поскольку она исходит не от профессионального критика. Желание поделиться своими впечатлениями и размышлениями о докаевской поэзии отчасти продиктовано и чувством благодарности – ведь уже столько лет мы, в каком-то смысле, «злоупотребляем» однажды данным им разрешением на публикацию любых его стихов. Очень надеюсь, что эта рецензия хотя бы немного восполнит существующий пробел во внимании к его творчеству со стороны профессионалов в области критики и литературоведения. А последние, наконец, дадут свою объективную оценку.

Характерная особенность докаевской лирики – в создаваемом у читателя ощущении некоторой светоносности, прозрачности и пронизанности непреходящим оптимизмом, такой чистой восторженности. Здесь, конечно, имеется в виду, совсем нет восторженности, которую «хитромудрые» критики порою обозначают как «юношескую» (как бы намекая этим «щадящим» эвфемизмом на недостаточную зрелость). Нет, за непринужденной легкостью – самих строк, художественных образов, смыслов и настроений стоит целое мировоззрение, философия и школа жизни, уроки которой автором, как представляется, были усвоены сполна. Что же дает основание

для подобных «далеко идущих» выводов и предположений? Ну, во-первых, пусть и не частые, но достаточно информативные беседы с самим поэтом. Во-вторых, это, конечно же, его стихи. В поисках жанровой «оправы» для поэтического самовыражения Ваха Докаев охотно обращается к литературным традициям самых разных культур и народов: хокку, танка, рубаи, белые и вольные стихи, поэмы, притчи, миниатюры, афоризмы и т.д. И это не какие-то «вольные упражнения», на тему: «а смотрите-ка, что я еще могу». Само содержание почти каждого его произведения, идейная и духовная составляющие и посыл, палитра художественных средств, образов – как будто подсказывают, каким жанровым формам они наиболее созвучны и органичны. То есть, подобные «разрешения» у поэта всегда уместны и оправданы – и не важно, пейзажная это лирика или любовная, философская или гражданская, мистическая или религиозная. Новаторство проявляется порою в причудливом смешении мотивов, характерных для ближневосточной лирики – с использованием традиционных жанров японской поэзии:

Первая песня
Плачем была твоим.
Все повторится...
(«*Песни жизни и смерти*»)

Или:

Вижу ангелов
За каждым человеком –
Город Ангелов!..

И наоборот, образы, созвучные для атмосферного, как бы лишённого «несущих стен» японского хокку или танка, у Докаева гармонично «вплетены» в каркас четверостишия, вполне себе традиционного для европейской или арабо-персидской литературной школы:

Я скуп на слезы –
Берегу на завтра...
Но ворох листьев желтых
Так тревожит сердце.
(«*Ворох листьев желтых*»)

Еще один пример поэтического «симбиоза» – философии индейского шаманизма (с отсылкой к эзотерическому «Учению донна Хуана: Путь знания индейцев яки» Карлоса Кастанеды) с жанром хокку:

Когда я проник
В стрекот кузнечика,
Мир остановился.

Или мистицизм суфия-дервиша (причем симбиоз не искусственно-принужденный – в основе нравственных координат суфия, проповедующего непривязанность к материальным благам и привилегиям, смирение, которое мало что имеет общего со смирением нищего) – и индийского воина-мага. О последнем можно сказать почти то же самое: воин ни перед кем на земле не опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним.

Я нищий –
 В щель между мирами
 Не пронести
 Ни сердца,
 Ни любви.
 Лишь добродетель
 Светлыми кругами
 Украсит в бездне
 сумрачные дни!

(«Я – нищий»)

На примере этого стихотворения (и многих других) легко заметить, как философские, эзотерические или религиозные учения, принадлежащие разным народам и культурным традициям, «вооружили» и обогатили Докаева-поэта новыми лексическими и художественными средствами.

Путь индийского воина-мага в его концептуальном миропонимании – это путь безупречного действия. Где цель пути – встреча с Бесконечностью.

Суфий свой путь символически представляет в образе длинного стебля розы, усеянного острыми шипами, олицетворяющими трудности. А раскрывшийся бутон – встречу с Божеством. Это и есть окончательная цель пути суфия – пути добродетели и... безупречности действий.

В стихотворении «Улыбка Самурая» лирический герой поэта (как вариант и манифест его собственного альтер эго), подобно безупречному воину из кастанедовских книг, снимает одну маску – чтобы тут же надеть другую. Не для самолюбования и рефлексии – а из понимания своей (как думается) особенной миссии на земле:

Ради тех, кто отдал мне Меч Искателя Истины –
 И Улыбку Самурая.

 И я надеваю маску –
 Улыбку Духа – для тех, кто пал духом...
 Солнечный луч для омытых кровью своей и врагов...

Ее нельзя купить, ее нельзя выпросить,
 Ее невозможно выбросить.

Она защита от глупости,
 От серьезности чрезмерной.

Я знаю, что никто не нуждается в улыбке.
Но это мой долг Чести.

О долге чести и настоящем подвиге духа хокку, посвященное добровольцам-ликвидаторам из японских сил самообороны, полицейским и пожарникам – на разрушенной землетрясением и последовавшей вслед за ним гигантской волной цунами АЭС «Фукусима» в 2011 году:

Скрестили клинки
Пятьдесят самураев
На «Фукусиме».

Нет случайных гостей на этой планете – у каждого из нас своя особенная миссия, своя порция боли и радости, побед и поражений. Но лишь немногим под силу «вышагивать бодрым шагом», пряча под маской «Улыбки Самурая» «свои не зарубцевавшиеся раны» – именно таким героям посвящает поэт эти строки. Ибо как восклицал более века назад «буревестник революции» Максим Горький в «Песне о Соколе»: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Особое место в творчестве Докаева занимает пейзажная лирика (но не просто «пейзажная» – скорее, как полотно для новой сюжетной линии). Пронизанная тонким психологизмом, она просто восхитительна. В этом жанре автора смело можно считать «властелином стихии». Волшебные «маски» поэта-мечтателя сменяют одна другую – они словно гипнотизируют читателя, разворачивая перед его внутренним зрением объемный 3D-мир – мир сказки о странствиях, о неумолимом беге времени, о вечном и мудром... Сказки о любви, о добре и зле, о щедрости и скупости – о самом смысле нашего существования на этой земле. Таких стихов у Докаева, ну просто «тьма тьмущая». А привести здесь, в качестве яркого примера, целиком, достаточно лишь одного:

Песнь осени. Золотой Император

Город оделся
в желтые доспехи.

Старый император
Вернулся победителем
И осыпал город
Милостью.

Его приближенные бросают
Под ноги беднякам
Медь и золото царства грез.

И разодетая толпа,
Овеянная нежной грустью,
Топчет желтые монеты.

Старый император вернулся,
И мятежный город,
Целое лето
Вывешивавший
Зеленые и белые знамена,
Сдался на милость победителя.

Он надеется,
Что хотя бы на этот раз
Осень-император
Не обложит город
Непосильным налогом
Белых лепестков-снежинок.

Тюльпан твоей любви
Открыл навстречу бутон...

Золото Императора
Топчут немилосердно
Глухие,
Немые,
Слепые...

И скоро кончится
Желтая казна...

Как говорится, слов нет – одни эмоции. А если серьезно, то, как сказал один древний и очень знаменитый китайский поэт Ли Бо – о другом, еще более древнем и знаменитом:

...О реке говорил Се Тяо:
«Прозрачней белого шелка», –
И этой строки довольно,
Чтоб запомнить его навек.

Тут и мне невольно захотелось вторить Ли Бо, немного перефразировав его бессмертные строки:

И лишь этого стихотворения –
«Песнь осени. Золотой Император» –
Довольно, чтобы имя Вахи Докаева
Запомнить уже навек!

Как отмечалось выше, в основе такого разнообразия умений и приемов работы с поэтическим словом и тематической «всеохватности» заложен довольно солидный багаж знаний и опыта – своего и чужого, но переосмысленного и воспринятого как собственный.

В случае Докаева, знания, которые он щедро черпает отовсюду, не отравляют разум и душу, как это происходит иногда с творческими личностями («многия знания – многия печали»), погружая в глубокую разочарованность жизнью. Не рожают сожаления о ее быстротечности, когда «вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю»...

Напротив, поэт, подобно растениям, тянущимся к солнцу (чтобы в процессе фотосинтеза – длинной цепочке поглощений и превращений энергии света и углекислого газа в живительный кислород – основу жизни на земле), вбирает в себя знания мира, жемчужины впечатлений, разнообразных эмоций и мыслей. И там, в самом сердце поэтического «воображариума», словно в некоем алхимическом тигле, они претерпевают таинственные трансмутации – чтобы генерировать вовне «эликсир», именуемый поэзией... Или же, подобно ученым-физикам, в безумной отваге разгоняющим пучки частиц в ускорителе – чтобы здесь, в проявленном мире материализовать нечто совершенно новое, чему еще никто не был свидетелем:

Мир вдруг расщеплен, расколот –
И стал исходить светом
Нестерпимо белого...

.....
Мое пространство расщепляется
на измерения
До одномерного состояния...
Сердце мое – коллайдер...

(«Сердце мое коллайдер»)

Чуткий слух поэта улавливает, как «Мир шепчет мне очень нежно: «Не привыкай ко мне – я обречен убить тебя». НО, кажется, эта угроза не смущает его, ведь:

Там, через тысячи звезд...
Там, на окраине Вечности.
Я отключаюсь...
Мы выполняем
Особую миссию...
Звезды мерцают во тьме...
Как кнопки
Телефона Вселенной...
Слышишь меня?!

Возьми, пожалуйста, трубку...
(«Карусель бессмертия»)

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века

Продолжение. Начало в №1-3(2020) и №1-3(2021)

Социальные воззрения Исмаила Мутушева

Одним из заметных просветителей начала XX столетия, творчество которого в должной мере не получило освещения в историко-философской науке Чечни является Исмаил Мутушев (1886-1920 гг.). В исследованиях философа А. Д. Яндарова¹ и литературоведа Х. В. Туркаева² рассматриваются разные аспекты его творческой деятельности. А. Д. Яндаров касается некоторых особенностей его религиозно-философских воззрений. Х. В. Туркаев останавливается на художественно-эстетических взглядах И. Мутушева. Мы же постараемся рассмотреть его социальные воззрения, которые им активно высказывались в чеченской периодической печати начала XX века.

Родился И. Мутушев в 1886 году³ в семье царского офицера Магомета Мутушева, который, окончив Владикавказское окружное училище, еще в 1868 году определился на военную службу⁴. Своим сыновьям Исмаилу и Ахметхану он дал превосходное образование. Они учились в высших учебных заведениях: Исмаил – во Владикавказе, Ахметхан – в Санкт-Петербурге. Первый стал учителем, публицистом, второй – юристом, адвокатом. Братья Мутушевы своей практической, политической, творческой деятельностью приобрели на Северном Кавказе широкую популярность⁵. Их публицистические статьи, раскрывающие причины общественных проблем края, печатались на страницах петербургских и владикавказских периодических изданий. Так, И. Мутушев – постоянный автор северокавказских газет: «Терские ведомости» (Владикавказ), «Северный Кавказ» (Ставрополь), «Кавказское слово» (Владикавказ), «Север Кавказа» (Грозный) и др.

Антропологические корни духовного наследия И. Мутушева

Тема человека, его житейские трудности, социальные коллизии, борьба за выживание становится стержневой в творчестве И. Мутушева. Это определяет его отношение к окружающей действительности, через это воспринимаются им и оцениваются различные явления жизни.

Взаимоотношения человека и общества, человека и власти, реальные последствия таких взаимоотношений становятся предметом самых серьезных размышлений Исмаила Мутушева. Идеи служения обществу, своему народу, правде жизни составляют основу его мировоззрения. «Идея, как идеал, –

¹ Яндаров А. Д. Развитие общественно-политической и философской мысли Чечено-Ингушетии в XIX - начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Алма-Ата, 1986.

² Туркаев Х. В. На переломе. Грозный, 1991.

³ Яндаров А. Д. Указанное соч. С. 206.

⁴ Туркаев Х. В. Указанное соч. С. 98.

⁵ Туркаев Х. В. Братья Мутушевы. // «Грозненский рабочий». 1988. 25 августа.

писал П. Копнин, – должна реализовывать себя и тем самым, с одной стороны, проверить, а с другой – выполнить свою основную функцию: воздействовать на ход познания и на общественную практику»⁶.

И. Мутушев, придерживаясь принципа социальной справедливости, пытается доступными ему средствами – устным и печатным словом – воздействовать на общественную практику.

В корреспонденции, опубликованной в начале 1900 года в одном из номеров газеты «Северный Кавказ», И. Мутушев ставит актуальную и острую социально-финансовую проблему того времени. Денежная реформа, проводимая царским правительством без учета реальных обстоятельств, превращает многих граждан царской России в нищих. Особенно сильно задевает реформа интересы жителей национальных окраин, поскольку в силу их сплошной неграмотности сведения о ней дошли до них очень поздно. Против такой социальной несправедливости и поднимает свой голос И. Мутушев. Он пишет: «Как выясняется теперь, объявление министерства финансов о прекращении действия (хождения) кредитных билетов 5-ти, 10-ти и 25-ти рублевого достоинств почти не проникло в среду туземного населения Терской области, многие об этом объявлении совершенно не знали, вследствие чего в руках их остались негодные деньги, составляющие кровное сбережение на «черный день», скопленное трудами многих лет.

«На днях один дряхлый старик чеченец принес ко мне 195 рублей кредитными билетами 5 и 10 рублевого достоинства, прося моего содействия в обмене их на годные деньги, – пишет далее автор. – Когда я ему сказал, что срок этим деньгам истек 31 декабря 1899 года и, что они теперь все за одну копейку не пойдут, у старика на глазах показались слезы: старик объяснил, что накопил их долготелым трудом для своих похорон. Таких денег в руках туземцев осталось очень много», – отмечает И. Мутушев. По его мнению, «если принять во внимание, что копейка – капля туземной крови», то придется признать, что «туземцев постигло тяжелое несчастье». Это – полное разорение, подытоживает И. Мутушев. Последствия такого разорения, по его мысли, могут быть самые неожиданные: «увеличится туземный пролетариат, затормозится движение торговли, так как в большинстве случаев туземцы, мало-мальски накопившие деньги, сейчас же берутся за торговлю». И, самое главное, – резко увеличится численность недовольных властью. «Это обстоятельство заслуживает полного внимания правительства»⁷, – считает он.

Корреспонденция И. Мутушева имела большой резонанс не только среди местного населения, но и в правительственных кругах, тем более, что обобщения автора публикации дали свои положительные результаты. Слившись воедино с подобными обращениями в правительство, выступление Мутушева сыграло важную роль в решении поставленной проблемы. Через некоторое время газета «Северный Кавказ» под заголовком «Действия правительства» опубликовала сообщение, в котором говорилось о том, что «окончательным сроком для обмена государственных кредитных билетов 25 р., 10 р., и 5 р. достоинств... назначается 31 декабря 1901 года с тем, чтобы по истечении этого срока, кредитные билеты прежних образцов не были принимаемы в казенные платежи и не были обязательны к обращению между частными лицами»⁸.

⁶ См.: Пенкин М. С. Искусство и наука: проблемы, парадоксы, поиски. М., 1982. С. 59.

⁷ «Северный Кавказ». 1900. №10.

⁸ «Северный Кавказ». 1900. №16.

Проблема отграничения истины от лжи в творчестве И. Мутушева

Юношеский максимализм, острота восприятия несправедливости свойственны многим публикациям И. Мутушева и продиктованы, прежде всего, образом мышления, принципами и убеждениями, присущими ему в том возрасте. Он всегда проводит четкую грань между понятиями истина и ложь, подлинное и мнимое, личное и общественное, справедливое и несправедливое. Это видно во многих его газетных публикациях⁹.

Подмена понятий, извращения этических, нравственных норм, допускаемые иными лицами в корыстных целях, вызывает у И. Мутушева чувство возмущения и негодования. По его мнению, не может быть у каждого своей правды, своей истины. Отмечая, что каждый человек чем-то отличается от других, индивидуален, неповторим, Мутушев утверждает, что истина не индивидуальна, она – категория постоянная, не изменчивая, общечеловеческая. «Чувству справедливости все равно – что мелко, что крупно, ибо все крупное есть сумма мелочей»¹⁰, – поясняет он свою позицию. Эта убежденность обусловлена социальными воззрениями И. Мутушева, которые не терпят неискренности, фальши, двойственности также и в вопросах, касающихся настоящего и будущего горских народов.

Истина и справедливость для И. Мутушева не абстрактные философские категории, а реальные, конкретные поступки, действия, которые должны справедливо, нравственно осуществляться. И потому в его изложении всякий вопрос, кажущийся на первый взгляд незначительным, частным, впоследствии обретает общественное, или, говоря иначе, общечеловеческое звучание, ибо, по мнению И. Мутушева, нельзя мириться с ложью, способствовать ее утверждению и господству.

Так, например, такой характерный для его жизненной и духовной позиции аспект. В той же газете «Северный Кавказ» И. Мутушев пишет: «Несколько лет тому назад в «Терских ведомостях» была помещена корреспонденция, в которой говорилось об открытии в слободе Воздвиженской Терской области братьями Алиевыми «первой чеченской школы» русской грамотности. В то время я жил в городе Владикавказе и не мог не поверить печатным строкам. Через некоторое время мне пришлось быть дома, в слободе Воздвиженской (я уроженец слободы Воздвиженской, имею там родню и дом), к величайшему своему изумлению, я не нашел никаких следов «первой чеченской школы», здесь существует одна слободская школа, открытая еще в 1872 году»¹¹.

«Терские ведомости» (№131 за 1899 год) написала о школе братьев Алиевых, как о позитивном явлении в духовной жизни чеченцев. Реагируя на эту, на его взгляд, ложную информацию, И. Мутушев считает «своим нравственным долгом поставить в известность лиц, интересующихся делом распространения образования среди горцев Терской области», что «в слободе Воздвиженской, к великому сожалению, ничего подобного не существует»¹².

В воспрепятствовании распространению ложной информации, введению «лиц, интересующихся делом распространения образования» в заблуждение, разоблачение попытки выдать желаемое за действительное – нравственный

⁹ См.: «Северный Кавказ». 1900. №№10, 18, 25, 52.

¹⁰ «Кавказское слово». 1912. №189.

¹¹ «Северный Кавказ». 1900. №18.

¹² Там же.

долг для Мутушева. Строгое следование истине, объективное отражение явлений тяжелой социальной жизни горцев – важная особенность мировоззрения И. Мутушева.

Тема, затронутая в первом письме, получает неожиданное продолжение. И. Мутушев шлет в редакцию «Северного Кавказа» второе письмо, в котором пишет: «В № 677 газеты «Казбек» г. Алиев поместил опровержение на мое письмо, в котором я утверждал, что в станице Воздвиженской нет никакой школы русской грамоты, будто бы открытой Алиевым. В своем опровержении Алиев теперь пишет: «Дело, правда, очень странное: если школы не было, чего ради о ней столько писали? Если она есть, каким образом не нашел ее г. Мутушев?» Алиев и теперь утверждает, что есть школа, которой я не нашел. На вопрос г. Алиева, почему я не нашел его школы, отвечу просто. Не нашел я ее потому, что искал русскую школу с русским же учителем, о которой Алиев и объявлял, а вовсе не обыкновенную чеченскую хюжри (арабская школа – авт.). Подобных школ для изучения арабского языка в одном только староатагинском селении целая дюжина, и открытие такой школы не является новостью дня».

Казалось бы, приведенный выше факт настолько незначителен, что на него не стоило бы даже обращать внимания. Однако это далеко не так. Для И. Мутушева приведенный пример очень многое значит, ибо выражает его нравственный настрой, глубоко укоренившееся в нем чувство справедливости. Он характеризует его социально-политические, нравственные воззрения, его систему этических ценностей, четко разграничивающие взаимоисключающие полюсные понятия, смешение которых приводит к искажению правды, заблуждению, ложному восприятию действительности.

На эволюцию мировоззрения И. Мутушева больше влияние оказали революционные события 1905-1907 годов, период наступления реакции, когда преследовалось инакомыслие, февральская и октябрьская революции 1917 года, гражданская война, отразившиеся на мирозерцании, жизни и быте горцев. Вместе с тем основа его мировоззрения остается прежней – не терпящей двуличия и двойственности во взглядах и поведении.

Известный публицист, сотрудник газеты «Северный Кавказ» Николай Корецкий, видимо, имея в виду И. Мутушева, с которым его связывали дружеские отношения, посвятил туземцам следующие вдохновенные поэтические строки:

Когда свершить общественное дело
Тебе придется, брат мой дорогой,
Иди вперед неудержимо, смело
И не считайся с пошлюю толпой...
Боязнь задорных и пустых упреков
В себе безропотно заглуши,
Суду толпы, глупцов и лжепророков
Ты предпочти суд собственной души¹³.

Действительно, на суд общественности И. Мутушев выносил такие вопросы, которые подверглись суду его собственной души, становясь для него поводом серьезного нравственно-этического осмысления.

¹³ «Северный Кавказ». 1900. №148.

Ярко выраженное общественно-политическое и социальное звучание приобретают воззрения И. Мутушева в 1910-1912 годах.

С 1910 года грозненская нефтяная промышленность вступила в новый этап монополизации, усиливается роль банков. Они вкладывали свои капиталы в нефтяную промышленность¹⁴.

Подвергается изменениям и социальная сфера. Данный период внес много нового и в общественную жизнь чеченцев. В Грозном появляются частные газеты, редактором одной из них – газеты «Терец» – становится чеченец Д. Шерипов. Возникают новые предприятия по переработке нефти, другого местного сырья. Капиталистические отношения проникают в сельское хозяйство. «Развитие промышленности и формирование рабочего класса в грозненском нефтепромышленном районе имело огромное положительное значение для роста национального самосознания»¹⁵, – пишет А. И. Хасбулатов. В тот период заметно повышается общеобразовательный уровень чеченцев, формируется национальная интеллигенция. Из среды чеченской интеллигенции выдвигаются писатели, журналисты, мыслители, общественные и государственные деятели. Одним из них был И. Мутушев.

Проблема взаимоотношений индивида и общества в наследии И. Мутушева

Проблема взаимоотношений индивида и общества, личности и власти становится доминирующей в творчестве И. Мутушева в начале XX века. Он резко выступает и против абречества, видя в нем явление, которое подвергает жестокому испытанию чеченское крестьянство. «Абречество, бич сельскохозяйственной Чечни, поистине многоглавое чудовище, пожирающее все благосостояние рабочей массы, против которого принимаются всевозможные меры, уже вконец истощило Чечню и физически, и нравственно, и материально и дальнейшее пребывание в подобном, крайне разорительном положении прямо-таки невозможно»¹⁶, – отмечает он в одном из февральских номеров газеты «Кавказское слово». И. Мутушев подчеркивает, что «вся тяжесть ответственности за преступную деятельность абреков ложится тяжелым и часто непосильным бременем на уже окостеневшие плечи, не успевшего еще порядком отдохнуть от забот и работы пахаря»¹⁷.

Петербургская газета «В мире мусульманства» основательно раскрывает разорительные для чеченских крестьян меры, принимаемые царскими войсками, ведя борьбу с абречеством. В ней сообщается: «Сущность этой карательной деятельности заключается в том, что в селение, откуда, хотя бы по подозрению, явились разбойники, посылаются на постой различные воинские части, которые довольствуются за счет мирного населения, непричастного к совершенному преступлению. Эта непричастность иногда прекрасно известна и самой администрации и если она, тем не менее, посылает в неповинные села войска для экзекуции, то только потому, что она руководствуется в этом

¹⁴ Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 годы). Грозный, 1968. С. 59.

¹⁵ Хасбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX - начало XX вв.). М., 1994. С. 94.

¹⁶ «Кавказское слово». 1912. №184.

¹⁷ Там же.

случае принципом круговой ответственности всех за каждого и каждого за всех; принципа, который давно осужден наукой и отменен по Высочайшему Указу у нас в России, где действовал долгое время в крестьянской среде»¹⁸.

Тяжелую картину представляли, по свидетельству газеты, селения, в которых располагались экзекуционные отряды: сами голодные, испытывая острую потребность в пище, одежде и жилище, мирные жители этих сел должны были выделять из своих нищенских средств деньги и продукты на содержание войск, уступая им свои дома под помещения.

Экзекуционные отряды вели себя в чеченских селах точно во вражеском лагере, поэтому население озлоблялось, между местным населением и войсками происходили крайне нежелательные эксцессы, часто кончавшиеся взаимным кровопролитием. В газете утверждается, что туземное население, в особенности чеченцы и ингуши, разоряется, нищенствует. Население стонет, попав в перекрестный огонь между «неуловимыми зелимханами» и «карающей властью»¹⁹.

Положение, в котором не по своей воле оказалось мирное население, беспокоит И. Мутушева. Он убежден: абречество – зло. В поисках подтверждения своей позиции просветитель обращается к авторитету духовных лидеров – шейхов. И. Мутушев пишет: «Сознание всего этого давно проникло в душу чеченца вообще, а шейхов в особенности, и последние давно уже борются с этим злом, но безуспешно, так как силы неорганизованной трудовой массы не достигают цели...»²⁰.

Автор статьи обращает свой взор в прошлое, во вчерашний день истории и приводит факты, подтверждающие активное участие духовных лидеров Чечни в борьбе с преступностью. Изумительных успехов добивался в деле уничтожения преступности, например, «оперировавший с августа 1906 года по август 1907 года преступников поимочный отряд Хаджи Автуринского». Только за один год, отмечает И. Мутушев, отрядом Митаева зарегистрировано «было более 500 случаев отбития ворованного скота, лошадей, разного рода мелких животных и вещей». Точно такую же активность в борьбе с преступностью проявляли и остальные чеченские шейхи. Но действовали они скрытно, опасаясь мести преступников. И. Мутушев перечисляет их имена: «Сугаип-мулла Гайсумов, староюртовский Абдул-Азиз (Докку), Дени и другие». Автор статьи видит в них настоящих борцов за интересы народа. И. Мутушев призывает: «Давайте же бороться со злом сообща, не клеветничая на главных борцов». Он подвергает критике действия тех, кто «из эгоистических соображений и личных выгод» подтачивают «корни всякого благородного дела», своими «злыми языками бросая на них, шейхов, тень, якобы как на людей, пользующихся религиозным чувством темной и покорной им толпы». Духовных лидеров-шейхов И. Мутушев считает «столпами в общем составляющими тот незыблемый пьедестал, на котором зиждется мирная и покорная Чечня». По его мнению, «гипнотически нафанатизировавшаяся Чечня без этих столпов судорожно будет вздрагивать... и пойдет к гибели»²¹.

Царские чиновники всячески третируют и унижали национальное достоинство местного населения колониальных окраин, в том числе и чеченцев. Эта тема становится одной из ведущих в творчестве И. Мутушева в конце 1911 – начале 1912 гг. Так, в статье «Неуслышанный закон» он пишет: «До

¹⁸ «В мире мусульманства». 1912. №2.

¹⁹ «В мире мусульманства». 1912. №2.

²⁰ «Кавказское слово». 1912. №184.

²¹ «Кавказское слово». 1912. №184.

какой степени ничем почти не гарантирована неприкосновенность личности чеченца, и до какой широты простирается произвол каждого грязнить, унижать и поирать личность чеченца вопреки закону, мы наблюдаем всюду и всегда, что называется, на каждом шагу»²². Чеченец, в глазах осквернителей его личности, не более как пасынок закона, утверждает автор. «Печальный факт» он иллюстрирует «случаем, очевидцем коего был лично».

В одно сельское правление – это в Чечне, – рассказывает И. Мутушев, приходит чеченец, почтенных лет старик, по какому-то делу. Писарь правления, занимавшийся в это время в канцелярии, по словам автора, по-видимому, дурно настроенный, исподлобья взглянул на старика и опять молча принялся за перо. Старик стоял по всем правилам современной культурной вытяжки и ждал, пока писарю заблагорассудится осведомиться о причине прихода его сюда. Минут через пять писарь с яростью зверя набросился на бедного старика с самую отборную бранью за то, что старик в присутственном месте не снял шапки: поносил писарь старика, на чем свет стоит; облил несчастного помоями нецензурных слов. Старик, угрожаемый еще и составлением протокола, этого идола темной толпы, был выставлен из сельского правления. Так поступает вольнонаемный и не имеющий равно никакой власти сельский писарь в отношении тех, из чашки которых он наедается и напивается, за счет которых обустраивается и одевается, возмущенно пишет И. Мутушев.

Начни чеченец отстаивать свое право в присутственных местах вообще, а в сельском правлении особенности, оставаться с покрытою головою, продолжает далее автор, дело обострилось бы и дошло бы до кулачной расправы. Началось бы составление протоколов, донесений, рапортов и т.д., и, в конце концов, ни в чем неповинный старик очутился бы на скамье подсудимых по обвинению в неповиновении или неисполнении «законных» требований сельского писаря – этого цезаря деревни – и, старик, хотя и был бы оправдан судом, но подвергся бы напрасным и чувствительным для него расходам и потере времени, стараясь защититься от культурной неправды.

А между тем старик этот, продолжает И. Мутушев, имел и имеет полное право оставаться с покрытою головою в присутственных местах и у должностных лиц разных ведомств, так как правительствующий сенат на своем заседании от 3 ноября 1897 года разъяснил, что в присутственных комнатах обнажение головы для мусульман не обязательно. Более того, продолжает автор статьи, это положение было подтверждено и законодательно утверждено на заседании Сената от 17 августа 1903 года, который сформулировал его следующим образом: «...магометанам, носящим одеяния своих народностей, не препятствовать оставаться с покрытою головою в присутственных местах и перед начальствующими лицами». «По мнению законодателя, всякое нарушение закона есть преступление, следовательно, по логическому выводу, и требование снимания шапки также есть преступление»²³, – утверждает И. Мутушев.

Пытаясь разрешить проблему взаимоотношений человека и власти, Мутушев критикует не существующий государственный строй, не законодательную основу царского режима, а тех, кто эти законы нарушает, пользуясь неграмотностью горцев. Он не пассивный зритель, предающийся оценочному созерцанию, а активный защитник интересов горцев. В конце 1911 года И.

²² «Кавказское слово». 1912. №189.

²³ «Кавказское слово». 1912. №189.

Мутушев выступает в защиту жителей Грозненского и Веденского округов, страдающих от притеснений лесных объездчиков, которые, сами продавая лес, составляли протоколы о нарушении Лесного устава на имена разных лиц, «не пожелавших увидеть в нем, лесном объездчике, широкомошной власти»²⁴.

Несправедливость, вероломство, проявляемые по отношению к жителям чеченских аулов, на этом не кончаются. Описывая подробно их механизм, И. Мутушев констатирует: «Протоколам лесных объездчиков, нравственный и умственный уровень которых ниже всякой критики, благонадежность которых не особенно-то завидна, местное лесное начальство дает такое громадное значение, что объяснения и доказательства жертвы протокола совершенно излишни!.. Дело переходит в суд. При рассмотрении его мировой судья предлагает общий вопрос обвиняемому: «Ты обвиняешься в нарушении Лесного устава, на тебя составлен протокол, признаешь ли себя виновным?» Обвиняемый отвечает: «Нет, не признаю». После такого отрицания мировой судья начинает писать свой обвинительный приговор о наложении на обвиняемого тяжелого штрафа, равного стоимости похищенного леса. Несчастного вынуждают платить штраф. От него скрывают фамилию того, кто составил на него протокол. Такой порядок приведения в исполнение протокола объездчика дает последнему широкий простор для хищения леса. И. Мутушев заявляет, что «обираение бедного люда не выдерживает критики, не говоря уже о том, что оно ничуть не согласуется с требованиями справедливости». Раскрывая преступления, совершаемые чиновниками, он предлагает изменить способ составления протоколов, чтобы перекрыть каналы преступной деятельности объездчиков. «А то при нынешнем порядке вещей жизнь сельскохозяйственной Чечни делается не только невыносимой, но прямо-таки и невозможной», – приходит к выводу И. Мутушев.

Постоянной и главной темой в публицистике И. Мутушева была также тема просвещения чеченского народа, приобщение его к передовой русской культуре. Для этой цели он составляет «Проект устава общества распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области», публикуя его в газете «Терские ведомости», с ее страниц обращается к чеченской интеллигенции с призывом принять участие в создании такого общества. Отмечая культурное интеллектуальное невежество большинства чеченцев в тот период, вину в этом Мутушев возлагает на малочисленную чеченскую интеллигенцию, занятую личными проблемами. «Несмотря на полувековое пребывание наше в школе европейской цивилизации и культуры, – писал И. Мутушев, – мы продолжаем прозябать в грубом невежестве благодаря лишь собственной инертности. И вся беда лишь в том, что наши передовые люди, окунувшись в море собственных интересов, никогда не выглядывают из него и не видят света божьего»²⁵.

Этот интеллигентский эгоизм, по мнению И. Мутушева, и тормозит дело просвещения чеченского народа. Он эмоционально заявляет: «Пора же, наконец, и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и встать на путь прогресса и цивилизации». И. Мутушев высказывает надежду на то, что «в скором будущем у нас будут свои адвокаты, доктора, инженеры, агрономы, офицеры, учителя и т.п. – люди разных специальностей, в которых мы так сильно нуждаемся»²⁶.

²⁴ «Кавказское слово». 1911. №173.

²⁵ «Терские ведомости». 1908. №10.

²⁶ Там же.

Наблюдая за повседневной, тяжелой жизнью чеченского народа, И. Мутушев фиксировал в ней «мрак и невежество». И, как он считает, «вопрос о просвещении Чечни назрел и даже перезрел». Предлагая программу для распространения образования и технических сведений среди чеченцев Терской области, И. Мутушев рассчитывал на сочувствие чеченской интеллигенции и купечества ко всяким благим начинаниям и на то, что «все сплотятся в одну крепкую душу, оставив в стороне личные друг к другу неприязни и счеты»²⁷.

Жизнь показала, что И. Мутушев идеализировал чеченских «передовых людей», рассчитывая на их объединение в деле просвещения народа. Чеченской интеллигенции, состоявшей, по мнению Х. Туркаева, из помещичье-офицерской верхушки и купечества, было не до интересов и забот чеченского крестьянства, а потому и проект, предложенный И. Мутушевым, остался нереализованным²⁸.

Только в 1917 году суждено было воплотиться в реальность замыслам И. Мутушева. Он организывает «Общество распространения просвещения среди чеченцев». Факт создания такого общества был радостно воспринят не только чеченцами, но и рабочими Грозного, оказавшими материальную помощь его организаторам. Историк А. Вацуев пишет, что «осенью 1917 года старопромысловские рабочие выделили из своего заработка довольно значительную сумму денег и заказали за счет этих средств шрифт для чеченской письменности»²⁹.

Многогранному таланту и благородным замыслам Исмаила Мутушева не суждено было раскрыться в полной мере. Он был арестован и брошен в грозненскую тюрьму белогвардейцами за его активную деятельность в составе Гойтинского революционного Совета, секретарем которого он был в тот период. Когда большевики в 1920 году подняли в тюрьме восстание, И. Мутушев принимает их сторону и погибает³⁰.

Осознанная убежденность в том, что ислам при условии неукоснительного следования его нормам и предписаниям может обеспечить социальную справедливость, стремление модернизировать его учение для практического применения в меняющейся реальной действительности – этот комплекс идей только один пласт мировоззрения И. Мутушева. Основное же в его творческой деятельности – это, безусловно, выступления против социальной несправедливости, нищеты, пропаганда обновления жизни с помощью науки, просвещения, образования – типично просветительский комплекс идей. Он горячий сторонник свободы личности, национальной независимости горцев – всего того, что было характерно основной части демократической интеллигенции того периода.

Окончание следует.

²⁷ Там же.

²⁸ Туркаев Х. В. Указанное соч. С. 103.

²⁹ Вацуев А. З. Влияние большевиков и пролетариата Грозного на революционное движение в Чечне // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (советский период). Грозный, 1978. С. 10.

³⁰ Яндаров А. Д. Указанное соч. С. 208.

*Книжные новинки***Истанг как культурный код**

Турецкий ученый, этнограф, искусствовед, художник Эрол Йылдыр родился 20 июля 1960 года в деревне Гексун в районе Кахраманмараш (Турция). Отец Эрола, Талат, происходил из тейпа энгиной из старинного чеченского села Девкар-Эвла. Предки же Талата в 1855 году переселились в Османскую империю.

После окончания средней школы Эрол поступил в лицей-интернат г. Адьяман, как государственный стипендиат. Там же, окончив профессиональное училище, стал учителем начальной школы. В 1979 году, в год смерти отца, был зачислен – по программе для талантливых учеников – на факультет искусств университета «ГАЗИ» в Анкаре по специальности «учитель рисования». За годы учебы работал художником и иллюстратором в различных журналах и газетах. Заработки позволяли юноше самостоятельно оплачивать свое обучение.

В 1986 году, получив степень кандидата искусствоведения, он становится лектором в университете «ИНЕНЮ» в г. Малатья. В это время Эрол задумывается над своим происхождением и начинает самостоятельные исследования чеченской культуры. Посещая поселения чеченцев в Турции, он стал фотографировать чеченские войлочные ковры – истанг, и собирать каталог, одновременно публикуя статьи о своей работе.

В 1992 году, после известных политических перемен в мире, Эрол отправляется в Чечню. В тот тяжелый период, когда в Грозном собирались многотысячные митинги, он продолжил свои исследования в музеях и университетах города. Посещал исторические места – Тазбичи (чеч. ЧАьнта), Итум-Калинский район, Ассиновское ущелье, с. Анди в Республике Дагестан. Во время этой экспедиции он изучал башенную архитектуру чеченцев. На основе собранных полевых материалов, по возвращении в Турцию, пишет несколько статей о поездке.

Через год Эрол Йылдыр прибывает в нашу республику с более обширной программой. Вместе с членами экспедиции он посещает селения Галанчо́ж, Хой, озеро Кезеной-Ам и другие исторические места Чечни, где изучает древние башни и зарисовки петроглифов на их стенах. Итогом этой экспедиции становится книга «Архитектура башен чеченцев на Северном Кавказе», которая выходит в свет 1997 году в Стамбуле.

Книга «Чеченский истанг» в переводе с турецкого впервые выходит на русском языке. Вот как пишет один из сопричастных к этому изданию известный чеченский ученый-фольклорист Исмаил Мунаев: «...мне посчастливилось познакомиться с Эролом Йылдыром и его многогранным творчеством по чеченской этнографии, башенной архитектуре и живописи. В процессе общения зародилась идея проекта по изданию, на русском языке ценных научных трудов Эрола Йылдыра, Джемала Кутлу и др. ...Первым изданием по этому проекту является замечательная книга-исследование о чеченских истангах, над которой автор работал долгое время, обследовав все селения чеченских мухаджиров в Турции».

Книга адресована не только деятелям культуры и искусства, но и всем тем, кто интересуется прошлым и настоящим родного края.

Подготовил Саламбек Айдамиров

Сведения об авторах и переводчиках

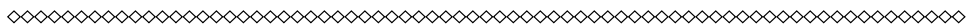
Хавас Акбиев. Родился в 1944 году в с. Майртуп Курчалоевского района. Член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Известен читателю по стихотворным и прозаическим сборникам: «Остаюсь все тем же...» (2003), «Песня спящей девочке» (2004), «Русскому другу» (2004), «Чечня, мятежная Чечня!» (2004), «Сосна, которая смеялась...» (2008), «Ах, война, что ты сделала, подлая...» (2009), «Просто стихи» (2012), «Остаюсь все тем же...» (2014), «Я из огненной Чечни» (2014), «Давайте простимся светло...» (кн. 1, 2016, кн. 2, 2017), «Избранное» (2019), соавтор коллективных сборников разных лет.

Ваха Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам.редактора в газете «Кавказский дом» (1995 – 1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати. Номинирован на соискание премии «Поэт года 2015» (стихи.ру) «Русь моя 2016»: Номинирован на соискание премии (стихи.ру) «Наследие 2016»: Номинирован на соискание премии (стихи.ру) Номинирован на соискание премии «Писатель года 2015» (проза.ру) «Наследие 2016»: Номинированы на соискание премии (проза.ру).

Марет Эльдиева. Родилась в с. Советское (ныне Шатой), ЧИАССР. В 1987 году окончила филологический факультет ЧИГПИ. Работала учителем в Нихалоевской НСШ Шатойского района до 1991 года, а также – на радио, телевидении и в республиканских печатных СМИ. Стихи пишет со школьных лет. Первое стихотворение было опубликовано в советской газете «Пионерская правда» в 1975 году. С тех пор периодически печатается в местных изданиях. Пишет стихи и прозу на русском и чеченском языках. В 1998 году в Махачкале был издан коллективный сборник чеченских поэтов и писателей, куда вошли и новеллы М. Эльдиевой. В настоящее время работает в газете «Медицинский вестник ЧР».

Мохдан Цураев. Родился 13 июня 1997 года в селе Ачхой-Мартан. В 2014 году окончил среднюю школу села Ачхой-Мартан и поступил в Чеченский государственный университет. Начал писать стихи с 15 лет. Поэзия Мохдана, несмотря на свойственный его возрасту юношеский максимализм, очень искренна, наполнена философским смыслом – не в последнюю очередь благодаря именно этим качествам, она нашла своих читателей. Так, в результате подведения итогов литературного конкурса среди молодых писателей в рамках Ежегодного народного творчества «Беноевская весна – 2019», Мохдан Цураев стал призером конкурса за лучшее литературное произведение на русском языке, ему было присвоено 3-е место.

Мансур Магомадов (1961). Родился в с. Новые Атаги Шалинского района ЧИАССР. В 1985 г. окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. В 2003 г. на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук. В период с 1985 по 2003 гг. работал корреспондентом, а потом и заместителем главного редактора в республиканских газетах «Ленинан некъ», «Грозненский рабочий», «Голос Чечено-Ингушетии», «Голос Чеченской Республики» и др. Был генеральным директором Госинформцентра ЧР «Вайнахпресс», гл. редактором газеты «Правительственный вестник», спецкором «Российской газеты» в Чечне, ст. преподавателем, и. о. зав. кафедрой журналистики ЧГУ, гл. редактором «Объединенной газеты», учредителем и гл. редактором «Нашей газеты», директором Госучреждения «Информационное агентство «Грозный-информ». С 2003 г. работает в Постоянном представительстве ЧР при Президенте РФ. Награжден медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой», Заслуженный журналист ЧР, член Союза журналистов России, Москвы и ЧР. Автор восьми научных и научно-публицистических книг и статей, в том числе двух монографий: «Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века», «Журналистика Чечни накануне Первой мировой войны (1900 – 1914)». С февраля 2016 года – ведущий редактор ежедневной столичной газеты «Вечерняя Москва».

На обложке репродукция картины Сабины Дадаевой «По лабиринтам времени»

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Журнал набран на компьютерной базе ГАУ «Издательский дом».

Отпечатано в типографии ГУП «Книжное издательство», ЧР, г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92.

Сдано в печать 14.12.21. Дата выхода в свет: 24.12.21

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 180 экз.
Свободная цена
Заказ № ____